

rocketbook

НАСТОЯЩИЙ АНГЛИЙСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Собрание лучших историй

Эдгар Уоллес

**Настоящий английский
детектив. Собрание
лучших историй**

«ЭКСМО»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Уоллес Э. Р.

Настоящий английский детектив. Собрание лучших историй
/ Э. Р. Уоллес — «Эксмо»,

В эпоху расцвета английского детектива с заслуженными корифеями жанра У. Коллинзом, А. Конан Дойлом и Г. Честертоном успешно соперничали ничуть не менее популярные в то время авторы – Эрнест Хорнунг, Остин Фримен, Макдоннел Бодкин, Эдгар Уоллес, Гай Бутби. Непревзойденные мастера расследований и сыска, знаменитые Шерлок Холмс и отец Браун, а также их современники и коллеги – обаятельный Пол Бек, неразлучные Раффлс и Банни, наблюдательный доктор Торндайк и другие – в сборнике лучших классических детективных рассказов.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Уоллес Э. Р.
© Эксмо

Содержание

Уилки Коллинз	6
Призрак Джона Джаго, или Живой покойник	6
Матиас Макдоннелл Бодкин	41
Убийство по доверенности	41
Артур Конан Дойл	53
Приключение	53
Ритуал Масгрейвов	68
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Настоящий английский детектив. Собрание лучших историй

- © Савельев К., перевод на русский язык, 2017
- © Скороденко В., перевод на русский язык, 2017
- © Гурова И., перевод на русский язык. Наследник, 2017
- © Патрикеев А., перевод на русский язык, 2017
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Уилки Коллинз (1824–1889)

Призрак Джона Джаго, или Живой покойник

Глава 1

Больной

– Сердце в порядке, – сказал врач. – Легкие тоже. Органических заболеваний не нахожу. Не волнуйтесь, Филип Лефрэнк, смерть вам пока не грозит. Недуг, поразивший вас, – переутомление. Лучшее лекарство от него – отдых.

Дело происходило в Лондоне, в моей адвокатской конторе; за врачом послали после того, как полчаса назад я перепугал клерка, прямо за письменным столом потеряв сознание. Не смею без лишней на то нужды задерживать внимание читателя на своей особе, но, полагая, обязан пояснить, что занимаю должность младшего барристера¹ и весьма загружен работой. Родом я с острова Джерси², из семьи с французскими корнями, свидетельством чему является наша фамилия, переделанная на английский лад много поколений тому назад. Семейство мое, надо сказать, исстари привыкло считать, что лучше острова Джерси на земле места нет. И по сей день всякое упоминание обо мне как о члене английской адвокатской коллегии вызывает неизбежную досаду у моего отца.

– Отдых? – повторил я вслед за моим врачом. – А известно ли вам, дорогой друг, что идет сессия? Судебные заседания в разгаре! Видите, сколько дел скопилось у меня на столе? В моем случае отдых – это крах!

– А работа, – спокойно заметил врач, – это смерть.

Я внимательно посмотрел на него. Нет, не похоже, чтобы он собирался просто припугнуть меня: лицо его сохраняло совершенно серьезное выражение.

– Это всего лишь вопрос времени, – продолжил врач. – У вас крепкий организм, вы молоды, но вам больше нельзя до такой степени перегружать себя. Вот мой совет: уезжайте немедленно. Вернейшее средство восстановить силы – морской воздух. Нет-нет, я не собираюсь вам ничего прописывать. Более того, я отказываюсь вас пользоваться. Прощайте.

С этими словами мой друг-доктор откланялся. Но я был упрям: в тот же день я отправился в суд.

Там главный адвокат обратился ко мне за сведениями, предоставить ему которые входило в мои обязанности. К своему ужасу и изумлению, я обнаружил, что совершенно не способен собраться с мыслями: все факты и даты смешались у меня в голове. Потрясенный этим, я позволил отвезти себя домой. На другой день, вернув все свои дела поверенным моих клиентов, я, следуя совету врача, первым же парохом отправился в Нью-Йорк.

Путешествие в Америку я предпочел всем иным странствиям, поскольку много лет тому назад один из родственников моей матери уехал в Соединенные Штаты и вполне пре-

¹ Барристер – адвокат высшего ранга, имеющий право выступать в суде; младший барристер – младший из двух адвокатов одной из сторон. (Прим. пер.)

² Джерси – самый крупный из Нормандских островов в Ла-Манше, находится всего в 21 км от Франции. (Прим. пер.)

успел там на ниве земледелия. Он не раз приглашал меня к себе. Вот я и подумал, что долгое бездействие под названием «отдых», к которому приговорила меня медицина, нельзя провести приятнее, чем исполнив родственный долг и попутно посмотрев на Америку. После недолгого пребывания в Нью-Йорке я отправился поездом к мистеру Айзеку Мидоукрофту, в имение под названием Морвик-фарм.

Должен вам заметить, что Америка поразила меня на редкость величественной красотой природы, но, по контрасту, в некоторых штатах попадались и самые монотонные, однообразные и неинтересные для проезжающего виды. Местность, где располагалась ферма мистера Мидоукрофта, относилась как раз к последней категории, так что, выйдя из вагона на станции Морвик, я огляделся и сказал себе: «Если исцелиться в моем случае означает попасть в наискучнейшее место на земле, что ж, я не мог выбрать лучше».

Теперь, когда я вспоминаю эти слова, то расцениваю их – и вы вскоре в этом со мной согласитесь – как суждение в высшей степени поспешное и поверхностное, поскольку мне не было дано предвидеть, какие неожиданности могут таить время и случай.

Старший сын мистера Мидоукрофта, Эмброуз, встречал меня на станции.

Во внешности Эмброуза Мидоукрофта не было ничего, что позволило бы предугадать странные и ужасные события, разразившиеся вскоре после моего приезда. Видный, пышущий здоровьем парень, каких тысячи, сказал:

– Здравствуйте, мистер Лефрэнк. Рад вас видеть, сэр. Усаживайтесь в коляску, а за чемоданом вашим присмотрят.

Я отвечал со столь же приличествующей случаю вежливостью:

– Благодарю. Все ли благополучно дома? – и мы отправились в путь.

Наша дорожная беседа началась было с обсуждения вопросов сельского хозяйства, но не успели мы преодолеть и десяти ярдов пути, как я выказал полное невежество и в земледелии, и в животноводстве. Эмброуз Мидоукрофт попытался найти более подходящую тему для разговора, однако не преуспел в этом. Тут за дело взялся я и для начала осведомился, удачное ли время выбрал для визита. Бесстрастное загорелое лицо молодого фермера на глазах оживилось. Видимо, я случайно затронул предмет, волнующий его.

– Лучше быть не может, сэр, – сказал он. – Никогда в нашем доме не было так весело, как теперь.

– У вас еще кто-то гостит?

– Не то чтобы гостит, сэр. Это, видите ли, новый член семьи, который приехал жить с нами.

– Новый член семьи? И могу я спросить, кто же это?

Прежде чем ответить, Эмброуз Мидоукрофт помолчал, потрогал кнутом лошадь, с какой-то робостью на меня поглядел и наконец выпалил самым простодушным образом:

– Это девушка, сэр, и милее ее вы в жизни не видали!

– Вот как? Подруга вашей сестры, я полагаю?

– Подруга? Господь с вами, сэр! Это наша маленькая американская кузина, Нейоми Коулбрук.

Я смутно помнил, что младшая сестра мистера Мидоукрофта когда-то вышла замуж за американца, занятого в торговле, и много лет тому назад умерла, оставив единственное дитя. Теперь я узнал, что и отец также умер, перед кончиной препоручив беззащитную дочь попечению морвикских родственников своей покойной жены.

– Он все время спекулировал, – продолжил Эмброуз, – хватался то за одно, то за другое, но ничего не добился. Того, что он оставил после себя, едва хватило на похороны. Мой отец опасался немного перед ее приездом, как эта племянница себя покажет. Видите ли, сэр, мы – англичане и хотя и живем в Соединенных Штатах, все-таки крепко держимся нашего английского уклада. В общем, могу вам признаться, мы не слишком одобряем американских

женщин, но, когда Нейоми приехала, она нас всех покорила. Такая девушка! Сразу повела себя как родная. В неделю выучилась помогать в коровнике. Я вам даже больше скажу: двух месяцев не прошло, как она здесь, а мы уж и представить себе не можем, как без нее обходились!

Разговорившись о Нейоми Коулбрук, Эмброуз до самого дома, не умолкая, не менял темы. Не требовалось большой проницательности, чтобы понять, какие чувства вызвала в нем его кузина. Восторг молодого человека в легкой форме заразил и меня. Так что, когда мы, уже к ночи, подкатили к воротам дома, я с некоторым даже возбуждением предвкушал знакомство с Нейоми Коулбрук.

Глава 2

Новые лица

Немедленно по приезде я был представлен мистеру Мидоукрофту, главе семейства.

За последние годы старик одряхлел; хронический ревматизм приковал его к инвалидной коляске. Принял он меня любезно, хотя выглядел утомленным. Его незамужняя сестра – сам он вдовел уже много лет – сидела в той же комнате, она ухаживала за братом. Это была меланхолического склада, средних лет женщина, лишенная всяких следов внешней привлекательности. Похоже, она принадлежала к той породе людей, которые живут как бы против воли, словно жизнь – тяжкая обязанность, бремя, коего они никогда бы не приняли, спроси их об этом заранее. Обмениваясь вопросами и ответами, мы провели несколько отчаянно скучных минут в неуютной гостиной, а затем меня отпустили наверх, в отведенную мне комнату, распаковать чемодан.

– Ужин в девять часов, сэр, – сказала мне вслед мисс Мидоукрофт, произнеся эту фразу так, словно «ужин» – нечто вроде домашней пытки, причем мужчины, по заведенному обычаю, выступают палачами, а женщины – покорными жертвами. Не слишком обрадованный первыми впечатлениями от дома, я последовал за слугой.

Пока что – ни Нейоми, ни романтики.

Комната моя оказалась опрятной – и до такой степени, что это действовало уже угнетающе. Я просто возжаждал увидеть хоть пылинку. Выбор книг ограничивался Библией и молитвенником. Из окна открывался вид на утомительно плоскую, кое-где возделанную равнину, да и та печально меркла в сгущающихся сумерках. Над изголовьем девственно-белой постели был прибит свиток, на котором кричащими черно-красными буквами была написана мрачная цитата из Святого Писания. И в комнате сразу ощутилось угнетающее присутствие мисс Мидоукрофт; пахло тленом. Настроение мое еще более упало. Ужина оставалось ждать довольно долго. Я зажег свечи и достал из чемодана книгу, которой, в этом я твердо уверен, привелось стать первым французским романом, появившимся под этим кровом. Это была одна из очаровательных, мастерски написанных историй Дюма-отца, так что через пять минут я очутился совсем в другом мире, и унылую комнату наполнили звуки оживленной французской речи. Властный, непререкаемый удар колокола вернул меня к действительности. Я посмотрел на часы. Девять.

Эмброуз встретил меня у подножия лестницы и сопровождал в столовую.

Во главе стола помещался мистер Мидоукрофт в инвалидной коляске. По правую руку от хозяина сидела его суровая, молчаливая сестра. С медлительной торжественностью призрака она указала мне на пустующее место по левую руку от главы семейства. В это время в столовую вошел Сайлас Мидоукрофт, и Эмброуз нас познакомил. Я отметил сильное сходство между братьями, хотя старший был и выше ростом, и представительнее. Но в чертах

лиц не доставало характера, оставалась некая недоговоренность. Я решил, что эти люди не выявили своих свойств, и – как добрые, так и дурные – они ждали подходящего часа и обстоятельств, чтобы проявить их в полной мере.

Я все еще разглядывал братьев. И их внешность, должен честно признаться, не слишком расположила меня в их пользу, когда дверь снова растворилась и еще один домочадец вступил в столовую, незамедлительно завладев моим вниманием.

Это был мужчина – невысокий, худощавый, жилистый и удивительно бледный для деревенского жителя, чья жизнь протекает на свежем воздухе. Кроме того, его лицо и по другой причине производило сильное впечатление. Нижняя часть его скрывалась под густой черной бородой и усами – и это во времена, когда было принято бриться и бороды в Америке встречались до чрезвычайности редко. Что же до верхней, то на ней горели блестящие карие глаза, исступленное выражение которых навело меня на мысль о психической неуравновешенности их владельца. Хотя все, что этот человек говорил и делал, было, на мой сторонний взгляд, вполне здраво, что-то в бешеном блеске его глаз заставляло думать, что в обстоятельствах необычайных или же в состоянии крайнего утомления даже людей, хорошо его знающих, он способен поразить действиями либо неожиданно жестокими, либо удивительно глупыми. «Немного сдвинутый» – этим широко распространенным выражением я определил свои впечатления от человека, появившегося в гостинной.

Мистер Мидоукрофт-старший, до того не проронивший ни слова, сам представил мне вновь прибывшего. При этом он бросил на сыновей взгляд, в котором читалось нечто вроде вызова, – и этот взгляд, отметил я с огорчением, был возвращен ему сыновьями той же монетой.

– Филип Лефрэнк, хочу представить вам моего управляющего, мистера Джаго, – произнес старик, по всей форме представляя нас друг другу. – Джон, а это мой молодой родственник по линии жены, мистер Лефрэнк. Он не вполне здоров и пересек океан, чтобы отдохнуть и переменить образ жизни. Филип, мистер Джаго – американец. Я надеюсь, у вас нет предубеждения против американцев? Подружитесь с ним. Садитесь рядом. – Он окинул сыновей тяжелым взглядом, и те снова ответили ему тем же. Они подчеркнуто отстранились, когда мистер Джаго прошел мимо, чтобы занять свое место подле меня, и перешли по другую сторону стола. Было ясно, что бородатый пользуется благорасположением старика и то ли за это, то ли по какой-то другой причине они ненавидят его всем сердцем.

Дверь снова отворилась. К компании присоединилась некая молодая леди.

Неужели Нейоми Коулбрук? Я взглянул на Эмброуза и прочел ответ на его лице. Нейоми Коулбрук, наконец-то!

Я сразу решил, что она хорошенькая и, сколько можно судить по внешности, славная. Чтобы дать о ней общее представление, скажу, что у нее была маленькая, аккуратно посаженная головка, яркие серые глаза, взор прямой и честный. Фигурка – элегантная и хрупкая, даже слишком хрупкая по нашим английским понятиям о красоте. Сильный американский выговор, но редкое в Америке достоинство – приятно звучащий голос примирил мое английское ухо с ее акцентом. Наше первое впечатление о людях есть, в девяти случаях из десяти, верное. Нейоми Коулбрук понравилась мне с первого взгляда, понравились ее приятная улыбка, сердечное пожатие руки, когда нас познакомили. «Если я полажу с кем-либо в этом доме, – подумал я, – то уж с тобой – непременно».

На сей раз мое пророчество оправдалось. В удушающе-враждебной атмосфере Морвик-фарм мы с хорошенькой американкой с начала до конца оставались подлинными друзьями.

Эмброуз отодвинул свой стул так, чтобы Нейоми смогла занять место между ним и его братом. Она слегка порозовела и, усаживаясь, посмотрела на него с нежным укором. Подозреваю, что под покровом скатерти молодой фермер пожал ей руку.

Ужин был не из веселых. Только мы с Нейоми оживленно переговаривались через стол.

По какой-то неведомой мне причине Джона Джаго, казалось, смущало присутствие его молоденькой соотечественницы. Он нерешительно поднимал на нее глаза, а потом, хмурясь, опускал их в тарелку. Когда я обращался к нему, он отвечал принужденным тоном. Даже беседуя с мистером Мидоукрофтом, он держался напряженно, и, судя по направлению его взглядов, настороженность эта относилась к двум братьям: он словно ждал от них какого-либо подвоха. Когда мы приступили к еде, я обратил внимание, что левая рука Сайласа перевязана, а позже заметил, что блуждающий взор карих глаз Джона Джаго, украдкой оглядывающего всех присутствующих за столом по очереди, с особым, циничным выражением останавливается на пораненной руке младшего из братьев.

Мое чувство неловкости, естественное для человека, впервые попавшего в дом, усугубилось, когда я обнаружил, что отец и сыновья обмениваются мнениями не напрямую, а через посредство мистера Джаго и мое. Так, когда мистер Мидоукрофт со злорадством рассказывал своему управляющему о какой-то давней ошибке в распоряжении пахотными землями, его глаза недвусмысленно указывали на объект его уничижительной критики – а именно на сыновей. Когда же сыновья, с недобрый смехом подхватив мое брошенное вскользь и самое общее замечание о животных в целом, перевели разговор на конкретную неудачу в содержании коров, то они при этом в упор глядели на Джона Джаго. В подобных случаях – а они возникали то и дело – в разговор решительно вступала Нейоми, умело направляя его в безопасное русло. И всякий раз, когда она таким образом сохраняла за столом мир, меланхолическая мисс Мидоукрофт кисло оглядывала ее, явно, но молчаливо порицая за вмешательство. В жизни своей не сидел я в семейном кругу более безрадостном и разобщенном. На мой взгляд, зависть, ненависть, злорадство и жестокосердие производят впечатление самое отвратительное, именно когда прячутся под завесой приличий. Если бы не мой интерес к Нейоми и ее отношениям с Эмброузом – время от времени я перехватывал их мимолетные нежные взоры, – никогда бы мне не высидеть этот ужин: я предпочел бы ему свой французский роман.

Наконец невыносимо долгая, напоказ изобильная трапеза подошла к концу. Мисс Мидоукрофт поднялась со своего места и все с той же торжественной медлительностью призрака отпустила мне мои грехи со словами:

– Мы тут на ферме ложимся рано, мистер Лефрэнк, желаю вам доброй ночи. – И, возложив свои костлявые руки на спинку коляски мистера Мидоукрофта, она на полуслове пререкла его обращенные ко мне прощальные речи и покатила в спальню так, словно это был прямой путь к могиле.

– Вы сейчас собираетесь в свою комнату, сэр? Если нет, смею ли предложить вам сигару? С позволения молодых джентльменов, разумеется?

Таким вот образом, с болезненным тщанием подбирая слова и сардонически-косым взглядом сопроводив ссылку на «молодых джентльменов», мистер Джаго выполнил свой долг гостеприимства. Извинившись, я отказался от сигары, и обладатель неестественно горящих глаз нарочито любезно пожелал мне спокойной ночи и покинул столовую.

Эмброуз и Сайлас приблизились ко мне с раскрытыми портсигарами в руках.

– Вы верно сделали, что сказали ему «нет», – заявил Эмброуз. – Никогда не курите с Джоном. Отравит.

– И не верьте ни единому его слову, – прибавил Сайлас. – Самый отъявленный лжец в Америке, не говоря уж обо всем прочем.

Нейоми укоризненно погрозила им пальчиком, словно перед ней были дети, а не широкоплечие фермеры.

– Что подумает о вас мистер Лефрэнк, – проговорила она, – если вы так отзываетесь о человеке, который пользуется доверием и уважением вашего отца! Ну, идите курить! Мне стыдно за вас обоих!

Сайлас безропотно скрылся. Эмброуз не тронулся с места, явно желая перед уходом помириться с ней.

Чтобы не мешать им, я отступил в дальний конец комнаты, где была стеклянная дверь, выходившая в маленький ухоженный сад, прелестно залитый сейчас лунным светом. Я вышел наружу насладиться этим зрелищем и отыскал скамейку, укрытую в тени густого вяза. Никогда еще величественная гармония природы не казалась мне такой невыразимо торжественной и прекрасной, как сейчас, после всего, что я увидел и услышал. В этот момент я понял – или думал, что понимаю, – то безысходное отчаяние, которое в старые времена приводило людей в монастырь. Мизантропическая сторона моего характера (есть ли на свете больной, которому неведомо чувство отчуждения от себе подобных?) начала овладевать мною, когда я почувствовал легкое прикосновение к плечу и, обернувшись, обнаружил, что готов примириться с родом человеческим ради Нейоми Коулбрук.

Глава 3

Свидание лунной ночью

– Я хочу поговорить с вами, – начала Нейоми. – Вы ведь не станете осуждать меня за то, что я последовала сюда за вами? Мы здесь в Америке, знаете, не слишком придерживаемся церемоний.

– И вполне в этом правы. Садитесь, прошу вас.

Она уселась подле, прямо и доверчиво глядя на меня в лунном свете.

– С этой семьей вы связаны узами родства, – сказала она. – Я тоже. Мне кажется, вам я смело могу сказать то, что не смогла бы открыть человеку со стороны. Я так рада, мистер Лефрэнк, что вы приехали! Рада по причине, о которой вы даже не подозреваете.

– Спасибо за добрые слова, мисс Коулбрук, независимо от того, что вас заставило их произнести.

Она не обратила на эту реплику никакого внимания, целиком поглощенная своими мыслями.

– Мне кажется, ваш приезд может пойти на благо этому несчастному дому, – продолжала девушка, не отрывая серьезных глаз от моего лица. – Здесь, на Морвик-фарм, – ни любви, ни веры, ни покоя. Здесь нужен человек, который, но только не думайте плохо об Эмброузе – он просто не ведает, что творит! – так вот, здесь нужен человек, который заставил бы их устыдиться своей жестокости, завистливости, лицемерия! Вы – джентльмен, мистер Лефрэнк, вы обладаете обширными познаниями, волей-неволей они станут смотреть на вас снизу вверх; в конце концов, им просто придется прислушаться к вашему мнению. Умоляю, мистер Лефрэнк, если представится случай, попытайтесь примирить их. Вы были свидетелем тому, что происходило за ужином, и вам это не понравилось! О да, я сама видела, как вы поморщились, а я знаю, что это значит, когда морщатся англичане!

Мне ничего не оставалось, как открыть Нейоми свои мысли. Я описал свои впечатления так же просто, как сделал это на предыдущих страницах. Нейоми, слушая, кивала головой, недвусмысленно одобряя мою искренность.

– Благодарю вас за ваше прямодушие, – сказала она, – но, бог свидетель, вы рассказали о своих чувствах в выражениях чрезмерно мягких, сэр, когда заметили, что люди здесь, по вашему мнению, не слишком ладят. Куда там! Они просто ненавидят друг друга. Именно это

слово, мистер Лефрэнк, вполне отвечает их чувствам. Ненависть – злая, злая, злая! – Она ударяла каждый раз кулачком в такт последним словам, прибавляя им выразительности, и тут вдруг снова вспомнила про Эмброуза. – Но, пожалуйста, не судите строго Эмброуза. Он не способен на дурное.

Невинная откровенность этой девушки была воистину неотразима.

– Смею ли высказать предположение, – осведомился я, – что вы несколько пристрастны к бедному Эмброузу?

Любая англичанка, отвечая на подобный вопрос, почувствовала бы некоторое смущение – или притворилась, что чувствует. На лице Нейоми не отразилось ничего подобного.

– Вы совершенно правы, сэр, – сказала она с полным самообладанием. – Если все пойдет как следует, я собираюсь выйти замуж за Эмброуза.

– «Как следует»? – переспросил я. – Что вы имеете в виду? Деньги?

Она покачала головой.

– Я имею в виду страх, который меня терзает. Страх перед тем, мистер Лефрэнк, что отношения между мужчинами в этом доме могут принять дурной оборот. Эти люди жестоки, порочны, бесчувственны. Я говорю не об Эмброузе, сэр. Я говорю о Сайласе и Джоне Джаго. Вы заметили, что с рукой Сайласа? Под повязкой – ножевая рана, сэр, и это дело рук Джона Джаго.

– Это произошло случайно?

– Нет, не случайно. Удар ножом последовал в ответ на удар кулаком.

Столь безыскусное описание положения вещей на Морвик-фарм просто потрясло меня. Рукоприкладство и поножовщина под богатым и респектабельным кровом мистера Мидоукрофта? Рукоприкладство и поножовщина! И к тому ж не между работниками – между хозяевами! Не сомневаюсь, что и вы, читатель, почувствовали бы то же самое. Я так просто едва верил своим ушам.

– Вы уверены в том, что говорите? – переспросил я.

– Мне рассказал об этом Эмброуз. Он никогда меня не обманывает. И он знает все подробности.

Мое любопытство было возбуждено до крайности. И ради такого семейства я необдуманно пересек океан в поисках покоя и отдохновения!

– Не могли бы вы посвятить в эти подробности и меня?

– Попроюсь передать вам то, что рассказал Эмброуз. Но сначала вы должны пообещать одну вещь, мистер Лефрэнк. Обещайте, что не уедете и не оставите нас, когда узнаете всю правду. Дайте мне руку, сэр, в знак того, что не уедете. Ну же, прошу вас!

Невозможно было устоять перед ее безыскусной прямоотой. Я протянул ей руку в знак того, что сдержу обещание, и Нейоми, ни минуты не тратя на предисловия, рассказала мне все, как оно было.

– Когда завтра вас проведут по хозяйству, – начала она, – вы увидите, что на самом деле здесь две фермы. По одну сторону, если смотреть от этого вяза, выращивают хлеб. По другую – и обратите внимание, это большая часть земель, – разводят скот. Когда мистер Мидоукрофт сделался слишком стар и немощен, чтобы приглядывать за фермой, ребята (я имею в виду Эмброуза и Сайласа) разделили обязанности между собой. Эмброуз взялся за зерновые, Сайлас – за скот. Однако дело под их началом не заладилось. Не могу сказать почему, знаю только, что Эмброуз не виноват. Старик расстраивался все больше и больше, особенно из-за скота. Скот – его гордость. И вот, ни слова не говоря сыновьям, он втайне – и, что касается меня, я думаю, в этом он был не прав, не так ли, сэр? – втайне стал наводить справки и в недобрый час услышал где-то о Джоне Джаго. Вам понравился Джон Джаго, мистер Лефрэнк?

– Пока что – нет, не понравился.

– И я разделяю ваше мнение, сэр. Впрочем, не знаю, возможно, мы ошибаемся. Я ничего не могу поставить в вину Джону Джаго, кроме того, что он так странно себя ведет. Представьте, говорят, что он отрастил бороду – а я терпеть не могу волос на лице – потому, что дал такой зарок, когда умирала его жена. Не кажется ли вам, мистер Лефрэнк, что человек, который, потеряв жену, выражает свое горе в клятве никогда не бриться, – слегка ненормален? Во всяком случае, так было, если верить слухам. Может быть, это вздор? Люди здесь такие лгуны! Но, как бы то ни было, дело в том, что – уж это-то признают даже сами ребята, – когда Джон появился на ферме, он проявил себя наилучшим образом. Старого фермера ублажить не так-то легко, но он сумел ему понравиться. Уж поверьте. Вообще-то мистер Мидоукрофт не слишком жалуется моих соотечественников. В этом сыновья на него похожи: англичане до мозга костей! И несмотря на это, Джон сумел с ним поладить – может быть, потому, что в работе он знает толк. Да-да. С тех пор как он стал управляющим, дела на ферме пошли куда лучше. Эмброуз сам мне это сказал. И тем не менее, сэр, согласитесь, мало приятного, когда тебя оттесняет чужак, не так ли? Команды сейчас отдает Джон. Ребята делают свою работу, но у них нет права голоса, когда Джон с мистером Мидоукрофтом совещаются по хозяйству. Наверно, я слишком длинно все это вам рассказываю, но зато теперь вы знаете, как и почему зависть и ненависть укоренились в отношениях между мужчинами еще до того, как я приехала. А уж с тех пор, как я здесь, все стало еще хуже. Дня не проходит, чтоб между ребятами и Джоном не вспыхнула перебранка или чтобы братья не надерзили отцу. Старик имеет привычку, мистер Лефрэнк, – досадную привычку, я бы сказала, – ухудшать отношения тем, что всегда принимает сторону Джаго. Попробуйте поговорить с ним об этом, если выдастся случай. Думаю, в том, что Джон и Сайлас поссорились в прошлый раз, больше всех виноват мистер Мидоукрофт. Не хочу оправдывать Сайласа, это было жестоко с его стороны – ударить Джона, который слабее его и меньше ростом. Но и Джон выказал себя не лучшим образом, когда выхватил нож и кинулся на Сайласа. Если бы Сайлас не перехватил лезвие рукой – поверьте, у него на ладони страшная рана, я сама ее перевязывала, – это могло кончиться убийством!

Когда последнее слово слетело с ее губ, она вдруг смолкла, поглядела через плечо и застыла, всматриваясь в темноту.

Я проследил за ее взглядом. В тени вяза виднелся мужской силуэт. Я немедленно поднялся, чтобы подойти к нему, но тут к Нейоми вернулось присутствие духа, и она остановила меня прежде, чем я смог вмешаться.

– Кто вы? – спросила она, повернувшись к незнакомцу. – Что вам здесь нужно?

Человек выступил из тени, и в свете луны мы увидели, что это Джон Джаго.

– Надеюсь, я вам не помешал? – осведомился он, глядя на меня в упор.

– Что вам угодно? – повторила Нейоми.

– Не имею намерения беспокоить вас или этого молодого джентльмена, – произнес он. – Но когда вы освободитесь, мисс Нейоми, вы меня очень обяжете, если позволите сказать несколько слов наедине.

Он держал себя с наивозможнейшей вежливостью, тщетно стараясь скрыть сильное волнение, во власти которого находился. Его странные карие глаза – в лунном свете они казались даже более дикими, чем обычно, – умоляюще и с каким-то непостижимым оттенком отчаяния не отрывались от лица Нейоми. Его руки, которые он пытался сжать, дрожали. Сколь мало симпатии ни вызывал во мне этот человек, в то мгновение я не мог не испытывать к нему жалость.

– Вы хотите поговорить со мной сегодня? – спросила Нейоми с нескрываемым удивлением.

– Да, мисс, прошу вас. Когда вы освободитесь.

Нейоми немного подумала.

– Разве нельзя подождать до завтра?

– Завтра я на целый день уеду по делам фермы. Пожалуйста, уделите мне несколько минут сегодня вечером. – Он сделал шаг по направлению к нам, голос его дрогнул и снизился почти до робкого шепота: – Поверьте, мне в самом деле есть что сказать. Вы проявите доброту и милосердие, если позволите поговорить с вами до того, как я лягу спать.

Я снова поднялся, чтобы освободить для него место. И снова Нейоми остановила меня.

– Нет, – сказала она. – Не уходите. – Затем, с большой неохотой, она обратилась к Джону Джаго: – Если уж вы так настаиваете, мистер Джон, видимо, этого не избежать. Честно говоря, не представляю, что вы можете сказать мне такого, чего нельзя было бы выслушать при третьем лице. Однако с моей стороны было бы невежливо отказать вам в этом. Как вы знаете, моя обязанность каждый день в десять часов вечера заводить часы в холле. Если вам угодно прийти и помочь мне, вполне вероятно, что в это время мы окажемся наедине. Вас это устроит?

– Нет, мисс, с вашего позволения, в холле никак нельзя!

– Нельзя?!

– И вообще в доме, простите за дерзость.

– Что вы этим хотите сказать? – Она повернулась ко мне и нетерпеливо спросила: – Может быть, вы что-нибудь понимаете?

Джон Джаго сделал мне знак, показывая, что он сам в состоянии ответить.

– Немного терпения, мисс Нейоми, – сказал он. – Я попробую объясниться. Видите ли, в доме есть недремлющие глаза и уши, и есть шаги – не скажу вам чьи, – такие тихие, что ни один человек их не слышит.

Последний намек, очевидно, возымел силу. Нейоми остановила Джона прежде, чем он смог продолжить.

– Ну, так где же вы предлагаете нам встретиться? – спросила она, сдаваясь. – Может быть, в саду, мистер Джон?

– От всего сердца благодарю вас, мисс. Да, сад вполне годится. – Он указал на посыпанную гравием дорожку вокруг цветника, залитого лунным светом. – Здесь мы сможем видеть все, что происходит вокруг, и не опасаться, что нас подслушают. Итак, в десять. – Он помолчал и обратился ко мне: – Прошу простить меня, сэр, что помешал вашей беседе.

Бросив еще один умоляющий взгляд на Нейоми, он поклонился и исчез во мраке. Ночная тишина донесла до нас глухой стук затворившейся двери. Джон Джаго вошел в дом.

Сейчас, когда он не мог нас слышать, Нейоми обратилась ко мне со всей серьезностью:

– Прошу вас, не думайте, сэр, что я веду какие-то секретные переговоры с таким человеком, как Джон Джаго. Я не больше вашего знаю о том, что ему от меня нужно. Я даже не уверена, следует ли мне приходить на это свидание. Что бы вы сделали на моем месте?

– Назначив встречу, – ответил я, – ваш долг перед собой – сдержать обещание. Но коль скоро вы чувствуете хотя бы малейшее опасение, позвольте, я буду ждать в другой части сада – так, чтобы услышать, если вы меня позовете.

На это она гордо качнула головой и снисходительно улыбнулась.

У стеклянной двери я остановился и оглянулся.

Они встретились у цветника. Я увидел две темные фигуры, медленно расхаживающие взад и вперед в свете полной луны, мужская – чуть поодаль от женской. Что он ей говорил? Почему так настаивал на уединенной встрече? Наши предчувствия порой оказываются прямым пророчеством. Мною овладели неясные сомнения: стоило ли ей соглашаться выслушивать его? «Ох, не было бы худо», – подумал я, закрывая за собой дверь.

И худо таки вышло. Сейчас вы об этом узнаете.

Глава 4

Буковая трость

Людям нервического склада, чувствительным, ночующим впервые в незнакомом доме, в непривычной постели, следует приготовиться к тому, что они не выспятся должным образом. Моя первая ночь в Морвике не стала исключением из правила. Хотя мне и удавалось ненадолго заснуть, сон был тревожный, со странными видениями. К шести часам утра я уже не мог больше оставаться в кровати. Солнце ярко светило в окно. Я решил пройтись по свежему воздуху.

Едва поднявшись, я услышал шаги и голоса прямо под моим окном.

Всю ночь окно мое было открыто: это позволило мне, не привлекая внимания, выглянуть наружу.

Внизу стояли Сайлас Мидоукрофт, Джон Джаго и еще три незнакомца – судя по одежде и внешнему виду, наемные работники. Сайлас, как маятником, размахивая крепкой буковой тростью, оскорбительно выговаривал Джону Джаго за вчерашнюю, под луной, встречу с Нейоми.

– В другой раз, мистер Джаго, когда вам вздумается поухаживать за молодой леди, нужно сначала выждать, чтобы луна зашла или чтоб облака набежали! Вас видели в саду, не отпирайтесь! Ну что, она оказалась сговорчивой? А, сэр? Она сказала вам «да»?

Джон Джаго держал себя в руках.

– Если вам угодно шутить, мистер Сайлас, – твердо и спокойно проговорил он, – поищите для своих шуток другой предмет. Вы глубоко ошибаетесь, подозревая меня и леди в дурных намерениях.

Сайлас насмешливо повернулся к работникам:

– Вы слышали, ребята? Нет! Как можно! Он и не думал объясняться в любви Нейоми вчера в саду. У него уже была одна жена, и ему ли не знать, что не стоит взваливать на себя такую обузу еще раз!

К моему великому удивлению, Джон отозвался на его ернические замечания вежливо и серьезно.

– Вы правы, сэр, – сказал он. – У меня нет намерения жениться вторично. О чем я говорил с мисс Нейоми – не ваша забота. Это совсем не то, на что вы намекаете. И к вам не имеет никакого отношения. Соболаговолите усвоить раз и навсегда, мистер Сайлас, что даже мысль о любовном объяснении с молодой леди не приходила мне в голову. Я уважаю ее, восхищаюсь ее достоинствами, но даже будь она единственной женщиной в мире, а я – куда моложе, чем сейчас, – то и тогда бы я не подумал просить ее руки. – Внезапно он разразился хриплым, нескладным смехом. – Нет-нет, мистер Сайлас, это не по мне!

Что-то в его словах или в том, как они были сказаны, всерьез задело Сайласа.

– Не по тебе?! – оставив свои театральные придирки, переспросил он. – Да как ты смеешь! Кто ты такой! Что ты хочешь этим сказать, наглец безродный! Нейоми Коулбрук пришла по душе твоему хозяину!

Терпение Джона Джаго иссякло. Он с вызывающим видом посмотрел на Сайласа.

– И кто же это мой хозяин? – осведомился он.

– Поди к Эмброузу, он тебе объяснит кто! – ответил его противник. – Нейоми его девушка, а не моя. И не стой у него на пути, если не хочешь, чтоб с тебя шкуру спустили!

Джон Джаго иронически посмотрел на перевязанную руку Сайласа.

– Не забывайте о своей собственной шкуре, мистер Сайлас, когда грозите мне! Я уже один раз оставил на ней отметку. Смотрите, чтобы не поставил второй!

Сайлас не мог стерпеть такой обиды и замахнулся буковой тростью. Работники, до которых наконец дошло, что ссора принимает серьезный оборот, заступили противникам дорогу, мешая им броситься друг на друга. Во время этой перепалки я успел наспех одеться и быстро сбежал вниз, чтобы проверить на деле, способно ли мое влияние сохранить мир на Морвик-фарм.

Когда я подошел, они еще продолжали угрожать друг другу.

– Иди и занимайся своими делами, трусливый пес! – выкрикнул Сайлас. – Отправляйся в город и смотри не попадись Эмброузу на глаза!

– А ты смотри не наткнись на мой нож, – отозвался Джон Джаго.

Сайлас рванулся изо всех сил, пытаясь освободиться из рук работников.

– В прошлый раз ты почувствовал силу моих кулаков! – заорал он. – Теперь посмотрим, как это придется тебе по вкусу!

Он опять замахнулся тростью. Я выступил вперед и выхватил трость у него из рук.

– Мистер Сайлас, – сказал я. – Я болен и собираюсь на прогулку. Ваша трость мне пригодится. Прошу вас, одолжите ее мне на время.

Работники от неожиданности громко расхохотались. Сайлас в гневном изумлении уставился на меня. Джон Джаго, немедленно овладев собою, снял шляпу и вежливо поклонился.

– Я не предполагал, мистер Лефрэнк, что мы вам мешаем, – сказал он, – и сгораю от стыда.

– Принимаю ваши извинения, мистер Джаго, – ответил я, – при условии, что вы, будучи старшим по возрасту, впредь выкажете примерную терпимость, когда ваше самообладание будет подвергнуто такому искусству, как сегодня. Но у меня есть и другая просьба, – прибавил я, повернувшись к Сайласу. – Надеюсь, мне, гостю вашего отца, вы в ней не откажете. В следующий раз, когда в веселом расположении духа вам вздумается пошутить насчет мистера Джаго, не заходите в своих шутках так далеко. Я уверен, вы не имели в виду ничего дурного. Не сделаете ли мне одолжение, подтвердив это самолично? Мне бы хотелось видеть, как вы с мистером Джаго обменяетесь рукопожатием.

Джон с выражением доброй воли на лице, слегка, на мой взгляд, переигранным, тотчас протянул руку. Но Сайлас Мидоукрофт и не подумал следовать его примеру.

– Пусть идет заниматься своими делами, – пробурчал он. – Чтобы доставить вам удовольствие, мистер Лефрэнк, я не стану чинить препятствий. Но, не при вас будь сказано, чтоб я сдох, если пожму его руку!

Дальнейшие уговоры были бессмысленны. Сайлас молча повернулся спиной и зашагал по тропинке за угол дома. Следом за ним разошлись по своим делам и работники. Мы с Джоном остались вдвоем.

Я предоставил обладателю бешеных карих глаз первым прервать молчание.

– Через полчаса, сэр, – сказал он, – я отправляюсь в Нарраби – это городок по соседству с нами, где есть рынок. Не требуется ли вам отвезти письма на почту? Нет ли каких-нибудь еще поручений?

Поблагодарив его, я отклонил оба предложения. Он отвесил мне еще один почтительный поклон и удалился в дом. А я машинально последовал той тропой, которой ушел Сайлас Мидоукрофт.

Свернув за угол и пройдя еще немного, я обнаружил, что приближаюсь к конюшне, и снова лицом к лицу столкнулся с Сайласом. Опершись о ворота конюшни, он двигал их взад-вперед и вертел в зубах соломинку. Увидев меня, Сайлас шагнул навстречу и попытался, чрезвычайно, впрочем, неловко, оправдаться передо мной.

– Не обижайтесь, мистер. Я сделаю для вас что угодно, но не просите меня жать руку Джона Джаго: я его ненавижу. Могу сказать вам, сэр, что если и сделаю это одной рукой, то лишь для того, чтобы другой задушить его.

– Неужто, мистер Сайлас, вы такого плохого мнения о нем?

– Да, и не стыжусь в этом признаться...

– А имеется ли у вас поблизости такое место, как церковь, а, мистер Сайлас?

– Конечно, имеется.

– И вы туда ходите?

– Конечно, хожу.

– Изредка, не так ли?

– Каждое воскресенье, сэр, ни одного не пропускаю.

Кто-то позади меня рассмеялся. Я обернулся и увидел Эмброуза.

– Я понимаю, куда вы клоните, мистер Лефрэнк, хотя мой брат, кажется, еще не понял, – произнес он. – Не судите его строго. Не он один, покидая церковь, забывает заповеди Господни. Как ни старайтесь, вам не удастся примирить нас с Джоном. Послушайте, а это что такое? Разрази меня гром, если это не моя палка! Где только я ее не искал!

Тяжелая буковая трость была слишком тяжеловата для моих слабых рук, я уже успел в этом убедиться. Не было никакой нужды нести ее и дальше с собой. Джон собирается уехать в Нарраби. Вспышка гнева Сайласа сменилась угрюмым спокойствием. Я протянул трость Эмброузу. Он принял ее со смехом.

– Вы не представляете, мистер Лефрэнк, как странно вдруг оказаться без палки. Ну просто как без рук! Что ж, сэр, собираетесь ли вы завтракать?

– Нет. Мне хотелось бы сначала немного пройтись.

– Очень хорошо, сэр. Жаль, что я не могу составить вам компанию: у меня дела, и у Сайласа тоже. Если вернетесь тем же путем, что пришли, то окажетесь в саду. Захочется пойти дальше, там, в конце сада, есть калитка.

И тут я, проявив преступную беззаботность, совершил ужасную ошибку: оставив братьев у ворот конюшни, я отправился гулять.

Глава 5

Новость из Нарраби

Когда я дошел до сада, меня осенило. Жизнерадостная речь и непринужденные манеры Эмброуза свидетельствовали о том, что он еще не знает о ссоре, случившейся под моим окном. Сайлас сейчас может признаться, по кому он собирался пройтись тростью и почему. Между тем объяснять Эмброузу причины ссоры не только неразумно, но и нежелательно – решил я и снова направился к конюшне. Однако не нашел там никого. Я позвал сначала Сайласа, потом Эмброуза. Никто не откликнулся. Братья, видимо, разошлись по хозяйству.

Вернувшись в сад, я услышал приятный голос, пожелавший мне доброго утра. Оглянувшись, я увидел в окне первого этажа Нейоми. На ней был передник, и она энергичными движениями правила нож к завтраку. Поджарый черный кот примостился у нее на плече, замороженно следя за тем, как сверкает лезвие, которым Нейоми молниеносно водила туда-сюда по кожаной поверхности, натянутой на доску.

– Идите сюда, – позвала она. – Мне нужно поговорить с вами.

Вблизи я увидел, что ее миловидное личико затуманено тревогой. Она нервно стряхнула кота с плеча и приветствовала меня бледным подобием улыбки.

– Я только что видела Джона, – проговорила Нейоми. – Он намекнул, что нынче под окном вашей спальни что-то произошло. Когда я попросила его объясниться, он сказал лишь: «Спросите у мистера Лефрэнка; я должен ехать в Нарраби». Что это значит? Прошу вас, расскажите мне, сэр! Я вне себя от волнения!

Я поведал ей о том, что произошло утром, однако по возможности постарался сгладить острые углы. Она опустила нож на доску и задумчиво сцепила пальцы.

– Мне не следовало соглашаться на эту встречу с Джоном Джаго. Получается, о чем бы мужчина ни просил женщину, ответив «да», она непременно пожалеет об этом, – с чрезвычайно встревоженным видом сказала она. Свидание при полной луне оставило по себе малоприятные воспоминания. Я видел это столь же ясно, как и саму Нейоми.

Что же такого рассказал ей Джон Джаго? Я выказал свое любопытство со всей требуемой в таких делах деликатностью, заранее принеся извинения.

– Мне очень хотелось бы поделиться с вами, – начала она, сделав ударение на последнем слове, но смолкла, побледнела, потом жарко вспыхнула, схватила за нож и принялась править его еще более ревностно. – Не могу, – наконец проговорила она, низко склонив голову. – Я обещала никому не рассказывать. Это правда. Забудьте, сэр, и чем скорее, тем лучше. Тс-с! Вот и шпион, который видел нас прошлой ночью и наябедничал Сайласу!

Дверь в кухню открылась, и вошла сумрачная мисс Мидоукрофт. В руках у нее был огромный молитвенник, и взглянула она на Нейоми так, как только ревнивица средних лет может смотреть на создание более, чем она, красивое и молодое.

– На молитву, мисс Коулбрук, – произнесла она с кислым видом, помолчала и, лишь тут заметив, что под окном стою я, прибавила: – На молитву, мистер Лефрэнк, – сопроводив свой призыв взором благочестивого сострадания, адресованного исключительно мне.

– Мы сейчас же последуем за вами, мисс Мидоукрофт, – отозвалась Нейоми.

– А я не собираюсь вникать в ваши тайные делишки, мисс Коулбрук, – едко сказала мисс Мидоукрофт и покинула кухню.

Я, напротив, вошел туда через садовую дверь. Нейоми кинулась ко мне.

– У меня так тяжело на сердце, – проговорила она. – Вы сказали, что оставили Сайласа и Эмброуза вдвоем?

– Да.

– А вдруг Сайлас расскажет Эмброузу о том, что случилось сегодня утром?

Как я уже упоминал, то же опасение посетило и меня, но я постарался успокоить Нейоми.

– Мистера Джаго сейчас нет. А мы постараемся все уладить в его отсутствие.

Она взяла меня под руку.

– Пойдемте на молитву, – сказала она.

– Эмброуз будет там, и я улучу минуту, чтобы поговорить с ним.

Но ни Сайласа, ни Эмброуза в столовой не оказалось. Напрасно прождав минут десять, мистер Мидоукрофт приказал сестре прочесть молитву, что та и исполнила тоном раненой голубицы, в бурю взошедшей на престол милосердия и желающей, чтобы это не осталось незамеченным. Засим последовал завтрак, однако братья так и не появились. Мисс Мидоукрофт, поглядев на брата, произнесла:

– Чем дальше, тем больше, сэр. Ну, что я вам говорила?

Нейоми немедленно применила противоядие:

– Ребята, без сомнений, просто увлеклись работой, дядя. – И повернулась ко мне: – Вы хотели осмотреть ферму, мистер Лефрэнк. Пойдемте. Заодно поможете мне отыскать ребят.

В продолжение часа, безуспешно пытаясь найти пропавших фермеров, мы осматривали одну часть хозяйства за другой. Наконец мы заметили их на опушке небольшого леса. Они беседовали, сидя на стволе упавшего дерева.

Когда мы приблизились, Сайлас встал и, не произнеся ни приветствия, ни извинения, ушел в лес. Поднимаясь с места, он наклонился к брату, тот прошептал ему что-то в ухо, и я услышал, как он пробормотал в ответ: «Ладно».

– Эмброуз, как это понимать? У вас секреты? – с улыбкой спросила Нейоми, подходя к своему возлюбленному. – Что, Сайлас приказал держать язык за зубами?

Эмброуз с мрачным выражением лица пнул подвернувшийся под ногу камень. Я отметил, что его любимой трости нет ни у него в руках, ни поблизости.

– Дела, – не слишком любезно отозвался он на расспросы Нейоми. – Дела у нас с Сайласом, вот что, если уж хочешь знать.

Нейоми между тем продолжала расспрашивать его, чисто по-женски не обращая внимания на то, что Эмброуз явно находился не в духе.

– Почему вас обоих не было за завтраком?

– Заработались, – проворчал Эмброуз. – Да к тому ж были слишком далеко от дома.

– Как странно! – воскликнула Нейоми. – Такого еще не случалось с тех пор, как я на ферме.

– Что ж, век живи – век учись. Теперь вот случилось.

Тон, каким это было сказано, любого мужчину удержал бы от дальнейших расспросов. Но остережение, выраженное намеком, для женщин ничего не значит. Женщина, у которой осталось еще что спросить, всенепременно сделает это.

– Послушай, а ты не виделся утром с Джоном Джаго?

Тлеющий гнев Эмброуза вспыхнул – почему, догадаться было невозможно.

– Ты еще долго собираешься допрашивать меня? – яростно закричал он. – Что ты, как священник, проверяешь, знаю ли я катехизис! Не видел я никакого Джона Джаго! У меня дел по горло! Ну что, довольно с тебя?

Он вскочил с места и, бормоча под нос проклятья, последовал за своим братом.

Нейоми посмотрела на меня глазами, горящими от негодования.

– Что случилось, мистер Лефрэнк? Почему он разговаривает со мной в таком тоне? Как он смеет? – Она помолчала и продолжила внезапно изменившимся голосом: – Такого еще никогда не бывало. Что произошло? Уверяю вас, сэр, я ни разу не видела Эмброуза в таком состоянии. Он просто сам не свой. Скажите, а у вас какое впечатление?

Переменились не только ее интонации; она и выглядела, и держалась иначе, чем полчаса назад. Я постарался утешить Нейоми.

– Знаете, мисс Коулбрук, иногда мужчина выходит из себя по пустякам. Уж вы мне поверьте, такое и со мной случалось. Подождите, Эмброуз принесет вам свои извинения, и все пойдет по-старому.

Но мои объяснения не произвели на мою славную попутчицу никакого впечатления. Мы вернулись в дом, когда подошло время обеда. Братья появились в столовой. Их отец выговорил им за отсутствие на утренней молитве, и сделал это, по моему мнению, излишне сурово. Они, в свою очередь, восприняли укор с чрезмерным негодованием и покинули комнату. Кислая улыбка глубокого удовлетворения зазмеилась на губах мисс Мидоукрофт. Она посмотрела на брата, затем подняла взор к потолку и промолвила:

– Мы можем только молиться за них, сэр.

После обеда исчезла Нейоми. Когда я снова встретился с ней, у нее были для меня кое-какие новости.

– Я виделась с Эмброузом, – сказала она, – и он попросил прощения. Мы помирились, мистер Лефрэнк. И все-таки... все-таки...

– Что «все-таки», мисс Нейоми?

– Он не такой, как раньше. Он отказывается, но мне кажется, что он что-то скрывает.

День шел своим чередом. Наступил вечер. Я обратился к французскому роману. Но даже Дюма не помог мне забыться. О чем я думал, трудно сказать. Почему пал духом, объяснить невозможно. Мне хотелось назад, в Англию: я слепо, беспричинно невзлюбил Морвик-фарм.

Пробило девять. Мы снова собрались в столовой – все, за исключением Джона Джаго. К ужину он должен был приехать, и с четверть часа, по прямому указанию мистера Мидоукрофта, без него не начинали. Но управляющий так и не появился.

Настала ночь, а пропавшего все не было. Мисс Мидоукрофт вызвалась подождать его. Нейоми, должен сказать, поглядела на нее с некоторым злорадством, когда женщины прощались на ночь. Я удалился в свою комнату, где опять не мог сомкнуть глаз. На рассвете я снова, как в прошлый раз, вышел подышать утренним воздухом.

Спускаясь по лестнице, я столкнулся с мисс Мидоукрофт. Она поднималась в свою комнату. Ни одна прядь не выбилась из ее туго причесанных седых волос, ничто в ее внешности не указывало, что эта непроницаемая женщина провела бессонную ночь.

– Вернулся мистер Джаго? – спросил я.

Мисс Мидоукрофт, нахмурившись, медленно покачала головой.

– Все мы в руках провидения, мистер Лефрэнк. Мистера Джаго, вероятно, задержали дела, и он остался на ночь в Нарраби.

Привычная череда дневных трапез возобновила свой неизменный ход. Пришло время завтрака, потом обеда, но Джон Джаго не переступил порога Морвик-фарм. Мистер Мидоукрофт и его сестра, посоветовавшись, решили, что нужно послать на поиски пропавшего. Одного из работников потолковее отправили в Нарраби навести справки.

Посыльный вернулся поздно вечером и принес поразительную новость. Он обошел все гостиницы и все увеселительные заведения Нарраби, задавая вопросы самым разным людям, и всюду получил только один ответ: ни один человек в городе не видел Джона Джаго. Все единодушно заявляли, что он там не появлялся.

Услышав это, мы обменялись друг с другом взглядами – все, за исключением братьев, сидевших в темном углу комнаты. Сомнений не оставалось. Джон Джаго пропал.

Глава 6

Печь для обжига извести

Первым высказался мистер Мидоукрофт.

– Нужно послать кого-нибудь на поиски Джона, – сказал он.

– И немедленно, – добавила его сестра.

Внезапно из темноты выступил Эмброуз.

– Я пойду, – заявил он.

За ним вышел Сайлас.

– Я с тобой.

Мистер Мидоукрофт покачал головой:

– Довольно и одного из вас – покамест, по крайней мере. Иди ты, Эмброуз. Твой брат, возможно, присоединится позже. Если, избави бог, случилось несчастье, придется искать и в других направлениях. Так что тебе, Сайлас, лучше пока остаться на ферме.

Братья вышли из комнаты вместе: Эмброуз – чтобы подготовиться к поездке, а Сайлас – седлать для него коня. Нейоми выскользнула вслед за ними. Оставшись в обществе мистера Мидоукрофта и его сестры (оба терзались беспокойством из-за Джона, и оба старались скрыть тревогу под маской благочестивой покорности), – должен ли я говорить, что

ретиrowался в свою комнату так скоро, как только позволяли приличия? Поднимаясь по лестнице, на площадке между этажами я обнаружил Нейоми: она забилась в угол старинного диванчика, помещавшегося в оконном проеме. Мой веселый дружок являл собой горестное зрелище. Уткнувшись лицом в передник, девушка горько плакала. Эмброуз простился с ней не так нежно, как обычно. Пуще прежнего была она убеждена в том, что «Эмброуз от нее таится». Мы с такой тревогой ждали наступления нового дня, а он принес только новые беспокойства.

Лошадь, на которой Эмброуз отправился в Нарраби, была приведена назад гостиничным слугой. Он же доставил и записку, которая нас сразила. Дальнейшие расспросы, говорилось в ней, подтвердили, что исчезнувший управляющий в Нарраби не появлялся. Единственное, что разузнал Эмброуз, – смутный слух, будто в тот день, когда Джон Джаго исчез, его видели в вагоне поезда, направляющегося в Нью-Йорк. Эмброуз принял решение проверить это, отправившись следом.

Столь странный поворот событий волей-неволей заставил меня заподозрить, что произошло и в самом деле нечто из ряда вон выходящее. Свои подозрения я держал при себе, но был готов, начиная с этого момента, к тому, что исчезновение Джона Джаго не случайно и закончится оно весьма печальным образом.

В тот же день мои самые худшие предчувствия начали оправдываться.

Прошло уже достаточно времени, чтобы весть о случившемся на ферме распространилась по округе. И без того прекрасно осведомленные о неладах между братьями и управляющим соседи узнали теперь – вне всякого сомнения, от работников – об отвратительной сцене, имевшей место под окном моей спальни. Общественное мнение в Америке принято выражать без малейшей сдержанности, а также без какой бы то ни было заботы о последствиях. В данном случае общественность пришла к выводу, что пропавший пал жертвой преступления и что ответственность за это ложится на одного из братьев Мидоукрофт или же на обоих братьев сразу. К вечеру того же дня основательность столь серьезных обвинений была подкреплена потрясающим, с обывательской точки зрения, откровением. Методистский проповедник, недавно поселившийся в Морвике и пользующийся уважением прихожан в округе, заявил, что видел сон, в котором Джон Джаго предстал перед ним и сказал, что его убили и тело его можно найти на Морвик-фарм. К ночи мнение о необходимости удостовериться в том, вещий ли то был сон, стало всеобщим. Не только в ближайших окрестностях, но даже в Нарраби глас народа призывал к поискам останков Джона Джаго на Морвик-фарм.

В этих ужасных обстоятельствах мистер Мидоукрофт выказал удивившее меня присутствие духа.

– У моих сыновей есть недостатки, – заявил он, – да, серьезные недостатки, и никто не знает этого лучше, чем я. Мои сыновья по отношению к Джону вели себя глупо и недостойно, этого я также не отрицаю. Но Эмброуз и Сайлас не убийцы. Ищите! Я прошу об этом! Нет, я настаиваю на этом после того, что было сказано, – во имя справедливости к моей семье и моему имени!

Соседи приняли его слова как призыв к действию и незамедлительно провели все необходимые организационные работы. Свободные и независимые граждане образовали комитет, выступили с речами, избрали уважаемых соотечественников представлять общественные интересы и на следующий день начали поиски. Вся эта деятельность, до смешного не удовлетворяющая требованиям нормы с юридической точки зрения, осуществлялась этими удивительными людьми с таким суровым чувством долга, словно была санкционирована высочайшей судебной властью страны.

Нейоми встретила испытания, выпавшие на долю семьи, с твердостью, достойной ее дяди. В час нужды ее мужество окрепло. Единственной ее заботой оставался Эмброуз.

– Лучше, если бы он был здесь, – сказала она мне. – Злые языки и так уже поговаривают, что его отсутствие – все равно что признание вины.

Она была права. Состояние умов было таково, что отсутствие Эмброуза само по себе представлялось людям весьма подозрительным.

– Давайте телеграфируем в Нью-Йорк, – предложил я, – если, конечно, вы знаете, где наше послание может найти Эмброуза.

– Я помню название отеля, в котором обычно останавливаются Мидоукрофты в Нью-Йорке, – ответила Нейоми. – Я жила там после смерти моего отца, пока мисс Мидоукрофт не смогла приехать, чтобы отвезти меня в Морвик.

Мы решили дать телеграмму на адрес этого отеля. Я писал текст телеграммы, а Нейоми склонилась у меня над плечом, когда мы оба вздрогнули от голоса, раздавшегося позади нас:

– А, так вот какой у него адрес, да? Очень, очень кстати!

Говоривший был незнаком мне. Нейоми признала в нем одного из соседей.

– Зачем вам адрес? – резко спросила Нейоми.

– Похоже, мы нашли останки Джона Джаго, мисс, – ответил сосед. – Сайласа мы уже взяли. Теперь дело за Эмброузом, его подозревают в убийстве.

– Ложь! – вскричала Нейоми. – Отвратительная ложь!

Мужчина повернулся ко мне.

– Проводите ее вон в ту комнату, мистер, – сказал он. – Пусть сама посмотрит.

Все вместе мы перешли в другую комнату.

Там, в углу, мы увидели скорбно окаменевшую мисс Мидоукрофт. Она сидела рядом с братом, держала его за руку и молча плакала. Напротив них, с блуждающими глазами, безвольно повисшими руками, сгорбился на диване у окна Сайлас Мидоукрофт, явно охваченный паникой. Несколько незнакомцев из тех, кто был занят в поисках, стояли рядом, не спуская с него глаз. Остальные сгруппировались вокруг стола в центре комнаты. Когда мы с Нейоми вошли, они расступились, предоставляя нам возможность рассмотреть то, что лежало на столе.

Это была кучка обугленных костей. Вокруг нее были разложены: нож, две металлические пуговицы и частично обгоревшая трость. Нож опознали работники, заявив, что Джон Джаго обычно носил его при себе, – как раз этим ножом он и ранил Сайласа Мидоукрофта. Про пуговицы сама Нейоми сказала, что вычеканенный на них особый узор когда-то привлек ее внимание к сюртуку Джона. А что касается трости, ее, как ни была она обожжена, я сразу признал по причудливо вырезанной шарообразной ручке. Это была та тяжелая буковая трость, которую я выхватил у Сайласа, а потом вернул Эмброузу, когда тот сказал, что она принадлежит ему. В ответ на свои вопросы я услышал, что кости, нож, пуговицы и трость найдены в печи для обжига извести, которой в то время пользовались на ферме.

– Это серьезно? – шепотом спросила Нейоми, когда мы отошли от стола.

При нынешнем положении вещей обманывать ее было бы бессмысленной жестокостью.

– Да, – прошептал я в ответ. – Это очень серьезные улики.

Поисковый комитет обставил свои действия по всем правилам. В местные судебные инстанции было сделано соответствующее ходатайство. Мировой судья подписал ордер на арест. Этой же ночью Сайласа препроводили в тюрьму, и должностное лицо проследовало в Нью-Йорк, чтобы арестовать Эмброуза.

Я, со своей стороны, пытаясь быть полезным, делал то небольшое, что было в моих силах. С молчаливого согласия мистера Мидоукрофта и его сестры, я направился в Нарраби и заручился помощью самого квалифицированного защитника, какого городок был способен предоставить в мое распоряжение. Засим не оставалось ничего, как ожидать вестей об Эмброузе и готовиться к предварительному слушанию дела в мировом суде. Опусти рассказ

о том, какое отчаяние царило в доме, покуда длилось ожидание: нет смысла описывать его сейчас. Позвольте сказать только, что то, как вела себя Нейоми, – утвердило меня в мысли, что она обладает поистине благородным характером. В те дни я еще не отдавал себе отчета в состоянии своих чувств; сейчас же я склонен думать, что как раз тогда начал испытывать зависть к Эмброузу, заслужившему такую невесту.

Первые вести об Эмброузе пришли к нам телеграфом. Его арестовали в гостинице; он был на пути в Морвик. На следующий день он присоединился к брату в тюрьме. Их поместили в отдельные камеры, и любые формы сообщения им были запрещены.

Двумя днями позже состоялось предварительное слушание. Эмброуз и Сайлас предстали перед мировым судьей по обвинению в умышленном убийстве Джона Джаго. Я был вызван в суд в качестве свидетеля, по просьбе Нейоми сопровождал ее и сидел рядом во время разбирательства. Мистер Мидоукрофт также присутствовал там, в своем инвалидном кресле, бок о бок с сестрой.

Так-то завершился мой вояж через океан в поисках отдохновения! Так время и обстоятельства опровергли мое поспешное суждение о скучной жизни, которую мне предстояло провести на Морвик-фарм.

Глава 7

Вещественные доказательства защиты

Проходя по залу к отведенным для нас местам, мы несколько задержались у помоста, на котором стояли подсудимые.

Сайлас не обратил на нас внимания. Эмброуз дружески кивнул в знак приветствия и положил руку на барьер, ограждающий место для обвиняемых. Нейоми едва достало росту, чтобы мимоходом приподняться на цыпочки и дотянуться рукой до его руки. Она прошептала: «Я знаю, что ты невиновен» – и, одарив его любящим, ободряющим взглядом, проследовала за мной. Эмброуз ни на миг не потерял самообладания. Возможно, я ошибался, но мне показалось, что это дурной признак.

В том виде, как дело было представлено суду, оно убедительно свидетельствовало против подсудимых.

Эмброузу и Сайласу Мидоукрофтам предъявлялось обвинение в убийстве Джона Джаго (при помощи тяжелой трости или какого-то иного орудия) и в умышленном уничтожении тела путем помещения оно в негашеную известь. В доказательство второй части обвинения были представлены нож, который покойный обычно носил при себе, и металлические пуговицы, по утверждению свидетелей, пришитые к его одежде. Было заявлено, что только данные, не подверженные разрушению предметы, а также части наиболее крупных костей избежали воздействия извести. Предоставив суду подтверждающее эту гипотезу медицинское заключение о том, что кости являются человеческими, и, таким образом, косвенно доказав, что человеческими являются и найденные в печи для обжига извести останки, обвинение приступило к доказательствам того факта, что исчезнувший был убит братьями, а затем брошен ими в негашеную известь, чтобы скрыть следы преступления.

Свидетель за свидетелем под присягой давали показания о давней, укоренившейся вражде к покойному, которую выказывали Эмброуз и Сайлас. Привычно-угрожающие высказывания в его адрес, жестокие ссоры, ставшие в округе притчей во языцех (причем по меньшей мере одна из них окончилась дракой), некрасивая сцена, имевшая место под моим окном, трость, найденная вместе с останками покойного, – все эти факты и обстоятельства, а также целый ряд свидетельств менее красноречивых, под присягой предъявленных лицами,

беспристрастность которых сомнению не подлежала, с ужасающей неотвратимостью указывали на правомочность вывода, сделанного обвинением.

Я наблюдал за братьями по мере того, как тяжесть свидетельских показаний все более пригибала их к земле. Эмброуз, по крайней мере внешне, сохранял присутствие духа. О Сайласе этого сказать было нельзя. Малодушный страх, овладевший им, проявлял себя призрачной бледностью лица, тем, как конвульсивно цеплялись за ограждение его крупные, узловатые руки, как в бессмысленном ужасе останавливались его глаза на лице каждого, кто занимал свидетельское место. Он, уже приговоривший сам себя, всем присутствующим в зале суда казался живым воплощением вины.

Во время перекрестного допроса защита выиграла один пункт, подвергнув сомнению принадлежность обуглившихся костей исчезнувшему Джону Джаго.

Будучи допрошены с пристрастием, медицинские эксперты признали, что обследование, проведенное ими, было поспешным и необстоятельным и что нельзя отвергать вероятность получения, при более тщательном осмотре, вывода о принадлежности костей не человеку, а животному. Мировой судья постановил на этом основании, что необходимо провести повторное исследование, увеличив численность медицинских экспертов.

Слушание дела было приостановлено. На три дня, отведенные для проведения дальнейшего расследования, подсудимых возвратили под стражу.

Сайлас к концу заседания чувствовал такой упадок сил, что два человека вынуждены были помочь ему выйти из зала. Эмброуз же, перед тем как последовать за тюремщиком, перегнулся через барьер обменяться словом с Нейоми. «Ничего, – прошептал он убежденно, – вот посмотришь, что будет, когда они услышат мое заявление!» Нейоми послала ему воздушный поцелуй и, блестя полными слез глазами, повернулась ко мне.

– Почему же они сразу не выслушали его? – спросила она. – Всякий ведь может видеть, что Эмброуз невиновен! Это просто стыд вопиющий, сэр, что они снова отправили его в тюрьму! Разве вы не того же мнения?

Признайся я, что думаю на самом деле, мне пришлось бы сказать, что покуда, на мой взгляд, Эмброуз не доказал ничего, кроме редкостного самообладания. Но сказать это моему маленькому другу я решительно не мог. Поэтому, чтобы отвлечь Нейоми от вопроса о невинности ее возлюбленного, я предложил добиться разрешения на посещение тюрьмы. Тогда мы смогли бы завтра навестить Эмброуза в его узилище. Нейоми осушила слезы и в благодарность легонько пожала мне руку.

– Ах, какой же вы хороший! – воскликнула прямодушная американка. – Когда придет ваше время жениться, сэр, я думаю, женщина, которая скажет вам «да», никогда не раскается в этом!

Мистер Мидоукрофт не произнес ни слова, когда мы возвращались на ферму, шагая по обе стороны его коляски. Казалось, последние силы оставили его под гнетом невыносимого напряжения, испытанного во время судебной процедуры. Его сестра, исполненная суровой снисходительности к Нейоми, милостиво позволила нам узнать, что она думает о происшедшем, выражаясь исключительно цитатами из Писания. Если эти речи хоть что-нибудь значили, то смысл их состоял в том, что она предвидела все, что случилось, и что единственная печальная, с ее точки зрения, сторона дела заключается в смерти Джона Джаго, которую тот встретил неподготовленным.

Я получил разрешение посетить тюрьму на следующее утро.

Мы нашли Эмброуза все еще полным уверенности в благоприятном исходе слушания дела в мировом суде – как для себя, так и для своего брата. Казалось, ему не терпится рассказать – так же, как Нейоми не терпелось выслушать, – подлинную историю того, что произошло рядом с печью для обжига извести. Тюремные должностные лица, присутствующие,

разумеется, при нашей встрече, предостерегли его, что каждое сказанное им слово может быть записано и использовано против него в суде.

– Прошу вас, джентльмены, записывайте все, что вам угодно, – ответил Эмброуз, – мне нечего опасаться, я говорю чистую правду.

Засим он повернулся к Нейоми и начал свое повествование:

– Мне лучше рассказать тебе все как есть с самого начала, девочка моя. После того как мистер Лефрэнк оставил нас в то утро, я спросил у Сайласа, откуда у него оказалась моя трость. Сайлас все объяснил и, кстати, передал слова, которыми обменялся с Джоном под окном у мистера Лефрэнка. Ох и разозлился же я, Нейоми! Разозлился, заревновал и, честно скажу, так плохо подумал о тебе и Джоне, что хуже некуда.

Тут Нейоми без церемоний перебила его.

– Так вот почему ты так со мной разговаривал, когда мы нашли вас на опушке? – спросила она.

– Да, – выдохнул Эмброуз.

– И вот почему, уезжая в Нарраби, ты даже не поцеловал меня на прощанье?

Эмброуз кивнул.

– Немедленно проси прощенья!

– Я прошу прощенья.

– Скажи, что тебе стыдно!

– Мне стыдно за себя, – покорно повторил он.

– Теперь можешь продолжать, – сказала Нейоми. – Теперь я довольна.

И Эмброуз продолжил рассказ:

– Обсуждая случившееся, мы шли к поляне на другом краю леса и, как назло, выбрали тропинку, которая ведет мимо печи для обжига извести. За поворотом мы наткнулись на Джона Джаго, который направлялся в Нарраби. Я был слишком зол, чтобы позволить ему уйти безнаказанно, и высказал все, что думал. Наверно, у него тоже кровь кипела в жилах, и он тоже высказался, не выбирая слов. Не скрою, я пригрозил ему тростью, но, клянусь, не причинил ему вреда. Ты знаешь – ты ведь сама перевязывала Сайласу руку, – Джон всегда был готов пустить нож в ход. Он ведь родом с Запада, у них там всегда оружие под рукой, в кармане или еще где. Может, он тоже не собирался меня калечить; но откуда мне было знать? Когда он шагнул вперед и выхватил свой нож, я бросил трость и схватился с ним врукопашную. Одной рукой я выбил у него нож, а другой ухватился за воротник его дряхлого сюртука и так встряхнул, что кости затрещали! Гнилая ткань расползлась, и кусок ее оказался у меня в кулаке. Я швырнул его в печь, а потом и нож полетел туда же, и, не останови меня Сайлас, я мог бы следом запустить самого Джона. Но Сайлас вцепился в меня и закричал Джону: «Пошел прочь и не возвращайся, если не хочешь сгореть в этой печке!» Тот постоял с минуту, стягивая на груди рванный сюртук. Потом отдышался и с неподвижным, как у покойника, взглядом проговорил глухим голосом: «Бывает, мистер Сайлас, истинная речь облекается в шутку. Я больше не вернусь». Повернулся и ушел. Мы уставились друг на друга, как два идиота. «Ты ведь не думаешь, что он всерьез?» – спросил я. «Вот еще! – сказал Сайлас. – Уж слишком ему мила Нейоми, чтобы он не вернулся!» Да что это с тобой, Нейоми?

Я тоже заметил. Нейоми, когда Эмброуз повторил ей слова Сайласа, вздрогнула и побледнела.

– Со мной ничего, – отозвалась она. – Просто твой брат не должен позволять себе такие вольные выражения по отношению ко мне. Ну, продолжай. Что еще сказал Сайлас?

– Он посмотрел в печку и говорит: «Зачем ты бросил туда нож, Эмброуз?» – «Откуда я знаю зачем!» – ответил я. «Отличный нож, – сказал Сайлас. – На твоём месте я бы оставил его себе». Я поднял с земли трость. «А кто говорит, что я потерял его навеки?» – спросил я и с этими словами взобрался сбоку на печь и стал шуровать внутри, чтобы подвинуть к себе

нож поближе, а потом выгрести лопатой или чем-то еще. «Подсоби, – попросил я Сайласа, – дай руку, чтобы я мог дотянуться, и я вмиг его добуду». Но вместо того, чтобы добраться до ножа, я сам чуть не свалился в горящую известь. Наверно, пары одурманили. Одно помню: голова закружилась, и я обронил трость. Я бы и сам отправился за ней, не удержи меня Сайлас за руку. «Оставь его! – сказал он. – Если бы я не удержал тебя, ты бы мог погибнуть из-за ножа Джона!» Он обхватил меня за плечи и увел оттуда. Мы вышли на дорогу к лесу и на опушке – там, где вы нас отыскиали, – остановились и сели на упавшее дерево. Тут мы еще поговорили о Джоне и сошлись на том, что надо посмотреть, как дело повернется. В эту пору вы с мистером Лефрэнком и подошли к нам. Нейоми, ты верно угадала, что мы решили кое-что утаить от тебя. Теперь ты все знаешь.

Он умолк, и я задал ему первый из накопившихся у меня к нему вопросов:

– Имелись ли у вас или у вашего брата в этот момент какие-либо опасения насчет обвинения, которое теперь вам предъявлено?

– Даже мысли такой не было, сэр, – ответил Эмброуз. – Как мы могли предвидеть, что соседи обыщут печь и расскажут про нас то, что рассказали? Чего мы боялись, так это что отец узнает о ссоре и еще сильнее на нас разозлится. Я даже больше Сайласа хотел держать все в тайне, потому что, кроме отца, мне приходилось думать еще и о Нейоми. Поставьте себя на мое место, сэр, и вы согласитесь: меня дома ждало ох какое невеселое будущее, если бы Джон Джаго и вправду не вернулся на ферму и если б стало известно, что это моих рук дело.

Разумеется, этим во многом можно было объяснить его странное поведение, но, на мой взгляд, не полностью.

– Значит, вы полагаете, – продолжил я, – что Джон сдержал свою угрозу не возвращаться на ферму? Значит, по-вашему, он сейчас жив и где-то скрывается?

– Несомненно! – сказал Эмброуз.

– Несомненно! – повторила за ним Нейоми.

– Верите ли вы сообщению, будто его видели путешествующим по железной дороге в направлении Нью-Йорка?

– Да, твердо верю, сэр. И, скажу больше, уверен в том, что шел по его следу. Я нашел бы его, если б мне позволили остаться в Нью-Йорке.

Я взглянул на Нейоми.

– Я тоже в этом уверена, – сказала она. – Джон Джаго скрывается.

– Вы полагаете, он опасается Эмброуза и Сайласа?

Она помолчала.

– Он может их опасаться, – произнесла она, подчеркнув слово «может».

– Но вы не думаете, что это возможно?

Она снова помедлила с ответом. Я настаивал:

– Вы считаете, что его отсутствию есть другие объяснения?

Она опустила глаза и произнесла неохотно, почти угрюмо:

– Не знаю.

Я обратился к Эмброузу:

– Что еще вы имеете рассказать нам?

– Больше ничего, – сказал он. – Я выложил вам все, что знаю.

Я поднялся и отошел, чтобы переговорить с юристом, услугами которого пользовался. В свое время он помог нам получить пропуск в тюрьму и сейчас присутствовал при свидании. Сидя поодаль, он ни разу не вмешался в разговор, внимательно наблюдая за впечатлением, которое рассказ Эмброуза Мидоукрофта производит на тюремных служащих и на меня.

– На этом вы и строите защиту? – осведомился я шепотом.

- Да, именно так, мистер Лефрэнк. И что вы, между нами, об этом думаете?
- Если между нами, то я думаю, что мировой судья назначит судебный процесс.
- По обвинению в убийстве?
- Да.

Глава 8

Признание

То, что я сказал адвокату, вполне соответствовало сложившемуся у меня убеждению. На мой взгляд, рассказ Эмброуза выглядел как подделка, сфабрикованная – причем сфабрикованная неумело – для того, чтобы извратить очевидный смысл предъявленных обвинением косвенных улик. Вывод этот я сделал неохотно и, из сочувствия к Нейоми, с большим сожалением. С осторожностью переговорил с девушкой и сделал все, что мог, чтобы смутить ее колебимую уверенность в счастливом исходе следующего слушания дела.

И вот наступил день, на который отложили заседание мирового суда.

Мы с Нейоми снова явились туда вместе. Мистер Мидоукрофт оказался не в состоянии покинуть свою спальню. Его сестра, однако, присутствовала. В город она пришла сама и место в зале заняла поодаль от нас.

На сей раз Сайлас появился на помосте для подсудимых более собранным и поведением напоминал брата. Обвинение вызвало новых свидетелей. Началась битва за медицинское заключение о принадлежности обугленных костей, и, в некотором смысле, тут мы одержали победу. Иначе говоря, экспертов заставили признать, что их мнения по этому вопросу сильно расходятся. Трое согласились, что не испытывают уверенности в своих выводах. Двое пошли еще дальше и заявили с определенностью, что кости принадлежали животному, а не человеку. Защитник попытался выжать из этого все, что мог, а затем выступил с речью, основанной на показаниях Эмброуза Мидоукрофта.

К сожалению, у нас не было свидетелей, чтобы эти показания подтвердить. То ли это обстоятельство обескуражило адвоката, то ли он сам втайне разделял мое мнение о заявлении своего клиента, сказать не могу, но, во всяком случае, говорил он невыразительно и хотя, без сомнения, сделал все, что можно, словам его недоставало искренности и убежденности. Когда, закончив, он занял свое место, Нейоми взглянула на меня с тревогой. То, как держал себя обвинитель, безошибочно указало ей на неуспех защиты, но она не поддавалась отчаянию и мужественно ждала решения мирового судьи. Я не ошибся в своем предвидении того, что продиктует ему долг. Когда он произнес ужасные слова, обязывающие Эмброуза и Сайласа предстать перед судом присяжных по обвинению в убийстве, Нейоми уронила голову мне на плечо.

Я вывел ее на воздух. Проходя мимо помоста для обвиняемых, я заметил, что бледный как смерть Эмброуз провожает нас взглядом: решение мирового судьи, по всей очевидности, подкосило его. Сайлас в малодушном ужасе опустился на стул тюремного надзирателя. Не издавая ни звука, он трясся, как загнанный зверь.

Мисс Мидоукрофт возвращалась на ферму вместе с нами и всю дорогу нерушимо хранила молчание. Ничто в ее поведении, на мой взгляд, не свидетельствовало о том, что эта скрытная и суровая дама хоть сколько-нибудь сочувствует узникам. Однако когда, по приходе домой, Нейоми удалилась в свою комнату, мы на несколько минут остались с мисс Мидоукрофт наедине, и тут, к моему изумлению, эта столь безжалостная женщина обнаружила, что и она, будучи дочерью Евы, способна чувствовать и страдать, как любой из нас, но в своей особенной, черствой манере. Внезапно она приблизилась и положила руку мне на рукав.

– Вы ведь юрист, не так ли? – спросила она.

– Да.

– И имеете какой-то опыт в своей профессии?

– Десять лет практики.

– Как вы думаете... – начала она было, но сразу остановилась; ее лицо смягчило свое выражение, глаза опустились долу. – Впрочем, неважно, – проговорила она смущенно. – Я так расстроена всем этим несчастьем, хотя, быть может, со стороны этого и не видно. Не обращайтесь внимания.

Она отвернулась. Твердо убежденный в том, что невысказанный вопрос рано или поздно заставит ее разомкнуть уста, я ждал продолжения и не ошибся. Она вновь, неохотно, как бы подчиняясь некоему влиянию, которому бессильно противостоять даже могучее напряжение воли, подошла ко мне.

– Вот вы сами – верите, что Джон Джаго еще жив? – спросила она так страстно, так отчаянно, словно слова сорвались с языка помимо ее воли.

– Я не верю этому, – честно признался я.

– Вспомните о том, сколько выстрадал Джон от моих племянников, – настойчиво продолжала она. – Разве в вашей практике не встречалось случаев, когда в подобных обстоятельствах человек мог внезапно решиться оставить ферму?

Я ответил по-прежнему прямо:

– В моей практике таких случаев не встречалось.

Она постояла с мгновенье, глядя на меня с выражением полной безысходности, потом молча поникла седой головой и пошла вон из комнаты. Я заметил еще, как она возвела очи, и услышал тихое, сквозь зубы: «Мне отмщение, и аз воздам, рек Господь».

Это была эпитафия Джону Джаго, произнесенная женщиной, любившей его.

Когда мы встретились в следующий раз, она уже надела свою обычную маску. Мисс Мидоукрофт снова сделалась той мисс Мидоукрофт, которая могла с нерушимым спокойствием наблюдать, как юристы обсуждают ужасающее положение ее племянников, причем одним из возможных следствий «дела» была плаха.

В тот же вечер, оставшись один, я, обеспокоенный самочувствием Нейоми, поднялся по лестнице и, легонько постучавшись, осведомился через дверь, как она. Чистый молодой голос печально отозвался: «Я стараюсь справиться с этим и не стану огорчать вас при встрече». Спускаясь вниз, я ощутил первый укол подозрения в истинном характере моего отношения к прелестной американке. Отчего ее слова тронули меня до слез? Я вышел, чтобы пройтись и без помех поразмыслить. Отчего ее голос звучал у меня в ушах на протяжении всей прогулки? Отчего моя ладонь еще помнила слабое, ледяное прикосновение ее пальцев, когда я вывел ее из зала суда и она пожала мне руку?

И когда ответ явился мне, я принял решение немедленно уехать в Англию.

Вернулся я уже затемно. Лампу в холле еще не зажигали. Помедлив у входа, чтобы глаза привыкли к полумраку, я услышал голос юриста, нанятого нами в защитники.

– Это не моя вина, – доказывал он кому-то с большой горячностью. – Она выхватила документ у меня из рук прежде, чем я ее заметил!

– Вам необходимо его вернуть? – спросила мисс Мидоукрофт.

– Нет, это всего лишь копия. Если ей спокойней иметь его при себе, я не возражаю. Всего доброго.

С этими словами юрист направился к выходу. Я заступил ему дорогу безо всяких церемоний. Я чувствовал неодолимую потребность узнать, в чем дело.

– Кто выхватил документ из ваших рук? – резко спросил я.

Юрист замер. Я застал его врасплох. Однако инстинктивная скрытность профессионала заставила его задержаться с ответом. После короткого молчания с другого конца холла раздался голос мисс Мидоукрофт:

– Нейоми Коулбрук выхватила документ из его рук.

– Какой документ?

Дверь за моей спиной тихонько открылась, и Нейоми, появившись на пороге, сама ответила на вопрос.

– Я расскажу вам, – прошептала она. – Подите сюда.

Только одна свеча освещала комнату. В ее неверном свете я посмотрел на девушку. Мое решение вернуться в Англию немедленно испарилось.

– Господи! – воскликнул я. – Что еще случилось?

Она подала мне бумагу, добытую ею столь странным образом.

«Документ», о котором шла речь, представлял собой копию письменного признания, подписанного Сайласом Мидоукрофтом по возвращении в тюрьму. Обвиняя брата в убийстве Джона, он подтвердил под присягой, что видел, как Эмброуз совершил это преступление.

Выражаясь расхожей фразой, я «не мог поверить своим глазам» и еще раз перечел заключительные слова признания:

*«...я услышал их голоса около печи для обжига извести. Они говорили о кухне Нейоми. Я побежал туда, чтобы растащить их, но не поспел вовремя. Я увидел, как Эмброуз изо всей силы ударил Джона по голове своей тяжелой тростью. Покойный упал без крика. Я положил руку ему на сердце. Он был мертв. Я страшно испугался. Эмброуз пригрозил убить и меня, если я проболтаюсь хоть одной живой душой. Он поднял тело и швырнул его в печь для обжига извести, а потом бросил туда и трость. Мы вместе пошли к лесу. На опушке мы сели на упавшее дерево. Эмброуз сочинил историю, которую мы должны были рассказать, если обнаружится, что он сделал. Он заставил меня выучить ее, как урок. Этим мы и занимались, когда к нам подошли кухня Нейоми и мистер Лефрэнк. Остальное им известно. Это мое истинное признание, данное под присягой. Я сделал его по собственной воле и горько раскаиваюсь, что не сделал его раньше.
Подписано: Сайлас Мидоукрофт».*

Я положил бумагу на стол и снова посмотрел на Нейоми. Она заговорила – с удивительным самообладанием, с непреклонной решимостью в голосе и во взоре:

– Сайлас оболгал брата, чтобы спасти свою жизнь. В каждой строчке я вижу ложь, трусливую и жестокую. Эмброуз невиновен, и нам надо это доказать.

– Вы забываете, – заметил я, – что мы только что потерпели поражение, пытаюсь именно этого добиться.

– Джон жив. Он скрывается от нас и от всех, кто его знает, – продолжала Нейоми уверенно. – Помогите мне, друг Лефрэнк. Нужно дать в газеты объявление о розыске.

Я отшатнулся в безмолвном сострадании. Должен признаться, мне в тот момент показалось, будто новая беда, свалившаяся на нас, повредила ее рассудок.

– Вы не верите мне, – сказала она. – Закройте дверь.

Я подчинился. Она села на стул и жестом указала мне на другой:

– Присядьте. Я сейчас согрешу, но тут уж ничего не поделаешь. Мне придется нарушить клятвенное обещание. Помните ту лунную ночь, когда я встречалась с ним в цветнике?

– С Джоном?

– Да. Помните? А теперь слушайте. Я хочу рассказать вам, что произошло тогда.

Глава 9

Объявление

Я молча ждал продолжения. Но Нейоми снова начала с вопроса:

– Помните, мы ходили навещать Эмброуза в тюрьму?

– Отлично помню.

– Эмброуз признался, что его братец рассказал ему о моей встрече с Джоном. Помните слова Сайласа?

Я очень хорошо их помнил. Сайлас сказал: «Джону Джаго слишком мила Нейоми, чтобы он не вернулся».

– Именно, – подтвердила Нейоми, когда я повторил ей это. – Я не могла не вздрогнуть, когда услышала, что сказал Сайлас. Мне казалось, вы это заметили.

– Очень даже заметил.

– А вы задавались вопросом отчего?

– Задавался.

– Объясню вам, в чем дело. Видите ли, то, что Сайлас Мидоукрофт сказал своему брату, совпало с тем, что я сама думала о Джоне как раз в тот момент. Я вздрогнула оттого, что обнаружила: мою собственную мысль разделяет еще один мужчина и пересказывает другой. Я тот человек, мистер Лефрэнк, из-за которого Джон Джаго покинул Морвик-фарм; и тот человек, который может вернуть его на ферму, и я это сделаю.

В том, как она это произнесла, а не в самих словах, крылась причина снизошедшего на меня озарения.

– Так вот в чем дело, – протянул я. – Джон Джаго влюблен в вас!

– Безумно! – подхватила она, понизив голос до шепота. – Как сумасшедший – каков он и есть на самом деле! Сначала мы сделали несколько кругов по цветнику, и все было ничего, как вдруг он повел себя так, словно рассудок внезапно покинул его. Он упал на колени, стал целовать мое платье, мои ноги; он, рыдая, признался, что умирает от любви ко мне. Надо сказать вам, сэр, что я женщина не из пугливых. Сколько помню, еще ни один мужчина не мог испугать меня по-настоящему. Но, должна признаться, Джону это удалось! О господи, как мне было страшно! Душа ушла в пятки! Я просила, я умоляла его подняться с колен и оставить меня. Куда там! Он так и стоял на коленях, вцепившись в подол платья! Слова изливались из него, как... как... ну, я ни с чем не могу это сравнить, кроме как с потоком воды из садового насоса. Его счастье, его жизнь, все его упования на земле и на небе и бог знает что еще, – все зависит, сказал он, от единого моего слова. Наконец у меня хватило духу напомнить ему, что я обручена. «По-моему, вам должно быть стыдно, – сказала я, – признаваться в любви к девушке, когда она, и вы это знаете, обещана другому!» Тут разговор принял новый поворот: он принялся хулить Эмброуза. Это придало мне сил! Я вырвала свой подол у него из рук и высказала ему все, что думаю. «Я вас терпеть не могу! – сказала я. – Даже если б я не была помолвлена с Эмброузом, и тогда б я за вас не вышла! О нет! Даже если б никого на свете не осталось больше, чтоб выбрать себе в мужья! Я не выношу вас, мистер Джаго!» Наконец-то он понял, что я говорю всерьез. Он поднялся с колен и как-то сразу успокоился. «Вы сказали довольно, – так он мне ответил. – Вы разбили мне жизнь. Теперь у меня не осталось ничего – никаких надежд на будущее. Я гордился этой фермой, мисс, я гордился своей работой; я мирился со злобной ненавистью, которую питают ко мне ваши кузены; я был предан интересам мистера Мидоукрофта – и все это ради вас, Нейоми Коулбрук, только ради вас! Теперь с этим покончено, покончено с моей жизнью на ферме.

Я больше не причиню вам тревог. Я уйду прочь, как делают бессловесные твари, когда они больны, – уходят, чтобы забиться в темный угол и умереть! Но сделайте мне одну последнюю милость: не выставляйте меня на посмешище перед всей округой. Я этого не вынесу, я теряю разум при одной мысли об этом. Дайте мне обещание ни одной душе не рассказывать о том, в чем я признался сегодня; богом клянитесь в этом человеку, жизнь которого вы разбили!» И я сделала то, о чем он просил меня. Со слезами на глазах я дала ему священную клятву. Да, это так. После того как я призналась, что ненавижу его – и я на самом деле испытываю к нему это чувство! – я плакала над его несчастьем, клянусь вам! Господи, что за нелепое создание женщина! С какой ужасной непоследовательностью мы, чуть что, уже готовы жалеть мужчин! Он протянул мне руку, сказал: «Прощайте навек!» – и меня уже переполняла жалость к нему! Я сказала: «Я подам вам руку, если вы, в обмен на мое обещание, также дадите слово не покидать фермы. Что станет с моим дядей, если вы уйдете? Оставайтесь, и будем друзьями! Забудем все и простим друг другу, хорошо, мистер Джон?» Он дал мне такое обещание – он ни в чем не может отказать мне – и повторил его, когда наутро следующего дня мы опять встретились. Право слово, не могу не отдать ему должного, хотя и терпеть не могу его! Я думаю, что, пока я была у него перед глазами, он искренне собирался сдержать свое обещание. Но когда он остался наедине с собой, дьявол искусил его изменить своему слову и уйти с фермы! Я с детства приучена верить в дьявольские козни, мистер Лефрэнк, и нахожу, что ими многое объясняется! Ими объясняется поведение Джона, уверяю вас! Дайте мне только выяснить, куда он уехал, и я обещаю: он вернется и снимет с Эмброуза обвинения, выдвинутые его бессовестным братом! Вот перо, вот бумага, все готово: напишите объявление в газету, друг Лефрэнк, и, ради меня, сейчас же!

Я позволил ей выговориться и, когда она вложила мне в руку перо, принялся составлять объявление так безропотно, словно и сам верил, что Джон жив.

Но чтобы предупредить возможные недоумения, признаюсь сразу, что мои собственные убеждения остались без изменений. Если бы у печи для обжига извести не произошло никакой ссоры, я бы с готовностью признал возможность того, что исчезновение Джона явилось следствием его разочарования в чувствах Нейоми. Тот же смертельный страх перед насмешкой, который заставил его заявить во время ссоры с Сайласом у меня под окном, что он равнодушен к Нейоми, тот же страх мог побудить его тайно и внезапно скрыться со сцены, где он играл унижительную роль. Но уверять меня в том, что он жив, после того что случилось у печи, означало для меня забыть о своем жизненном опыте и десятилетней практике.

Попроси меня кто-нибудь рассудить, чья история более правдоподобна – та, которую рассказал Эмброуз в свою защиту, или описанная в признании Сайласа, – я должен был бы ответить – неважно, сколь неохотно, – что, на мой взгляд, Сайлас живописует обстоятельства менее невероятные.

Но разве я мог признаться в этом Нейоми? Мне было легче сочинить пятьдесят объявлений о розыске Джона Джаго! И вы, читатель, сделали бы то же самое, если бы относились к ней так, как я.

Для публикации в «Вестнике Морвика» я набросал следующее:

«Убийство. – Издателей всех газет в стране просят напечатать, что Эмброуз Мидоукрофт и Сайлас Мидоукрофт, проживающие на Морвик-фарм, округ Морвик, по приговору мирового судьи предстанут перед судом присяжных по обвинению в убийстве Джона Джаго, в настоящее время числящегося без вести пропавшим. Всякий, имеющий какие-либо сведения о местопребывании вышеназванного Джона Джаго, спасет жизнь двум по недоразумению обвиненным людям, немедленно сообщив об этом. Рост Джаго около пяти футов четырех дюймов, телосложение сухое и жилистое, цвет лица чрезвычайно бледный, глаза темные, очень яркие, беспокойные. Нижняя часть лица скрыта черной густой бородой и усами. В целом производит впечатление человека чрезвычайно неуравновешенного».

Я прибавил подпись, дату, и в Нарраби тотчас послали верхового с поручением сдать это объявление в редакцию с тем, чтобы оно было напечатано в ближайшем же номере газеты.

В этот вечер Нейоми казалась почти такой же веселой и счастливой, как раньше. Теперь, когда объявление оставалось только опубликовать, она была убеждена в успехе.

– Вы не представляете, как вы меня утешили, – сказала она так искренне и добросердечно, как только она умела, когда мы прощались на ночь. – Все газеты перепечатают наше объявление, и мы услышим о Джоне еще до исхода этой недели. – Она сделала было шаг, чтобы уйти, но тут же вернулась.

– Я никогда не прощу Сайласу это признание, – прошептала она. – И если он когда-нибудь снова поселится с Эмброузом под одной крышей, я... я тогда просто не выйду за Эмброуза! Вот!

Я остался один и в бессонные ночные часы так и эдак обдумывал ее последние слова. Одна только мысль о том, что она допускает, в тех или иных обстоятельствах, необязательность брака с Эмброузом, одна только мысль об этом была, должен, к стыду своему, признаться, прямым поощрением тех надежд, кои я втайне уже начал питать.

На следующий день почта принесла мне письмо. Мой клерк справлялся, может ли стать, что я вернусь в Англию к началу открывающейся судебной сессии. Не раздумывая, я отвечал так: «Дату своего возвращения определить пока не могу». Когда я писал это, Нейоми была рядом, в той же комнате. Что бы она сказала, подумал я, если бы я прибавил устно: «Это – из-за тебя!»?

Глава 10

Шериф и начальник тюрьмы

Вопрос времени теперь приобрел огромную важность для обитателей Морвик-фарм. Через шесть недель в Нарраби должен был начать заседания уголовный суд.

Однако за все это время не произошло ровно ничего значительного.

В ответ на наше объявление о розыске Джона Джаго мы получили множество бесполезных писем; но никакой информации, подтверждающей, что он жив, не поступило. Не обнаружилось ни единого следа, который мог бы привести нас к пропавшему, ни тени сомнения нельзя было бросить на вывод обвинения о том, что тело его брошено в горящую известь. Сайлас Мидоукрофт твердо стоял на своем ужасном признании. Его брат Эмброуз с равным упорством утверждал, что невиновен, вновь и вновь повторяя то, что рассказал нам во время нашего первого посещения тюрьмы. Нейоми регулярно навещала его; я неизменно сопровождал ее при этом.

Однако с течением времени решимость Эмброуза несколько увяла, он сделался беспокоен и подозрителен и раздражался по пустякам. Такую перемену в поведении нельзя было назвать безусловной приметой снедающего его чувства вины – она могла указывать всего лишь на естественное в таких обстоятельствах нервное перенапряжение, нараставшее с приближением дня, на который назначено было открытие судебного разбирательства. Нейоми заметила, как изменился возлюбленный; ее душевная тревога нарастала, но ни на минуту она не усомнилась в невинности Эмброуза.

По преимуществу все описываемое сейчас время – за исключением трапез, на которые собирались остатки семейства, – я оставался наедине с прекрасной американкой. Мисс Мидоукрофт в уединении своей комнаты пересматривала газеты в поисках известий о здравствующем мистере Джаго. Мистер Мидоукрофт не принимал никого, кроме сестры, врача

и одного-двух старых друзей. С тех пор у меня появились основания полагать, что именно тогда, в дни нашего тесного общения, Нейоми стала догадываться об истинной природе чувств, которые во мне пробудила. Но свое открытие она хранила в тайне. Ее отношение ко мне неизменно оставалось дружеским; ни на волосок не преступала она безопасных границ, установленных ею.

Начались заседания суда. Выслушав свидетелей и обсудив признание Сайласа Мидоукрофта, большое жюри³ утвердило обвинительный акт против обоих подсудимых. Суд был назначен на понедельник будущей недели.

Перед этим я осторожно подготовил Нейоми к тому, что решение именно таким и будет. Она мужественно встретила новый удар.

– Если вам еще не наскучило, – сказала она, – пойдемте со мной завтра к Эмброузу. Ему нужна поддержка. – Она помолчала, глядя на сегодняшнюю почту – грудку писем, лежащую на столе. – Ни слова о Джоне Джаго! А ведь объявление перепечатали все газеты! Я так верила, что мы получим известие о нем задолго до этого дня!

– Вы до сих пор верите, что он жив? – осмелился спросить я.

– Верю! – твердо ответила она. – Он где-то скрывается; возможно, изменив внешность. Вдруг мы так и не успеем найти его к началу суда? Вдруг жюри... – вздрогнув, она умолкла. Смерть, позорная смерть на плахе – вот чем может закончиться суд. – Мы достаточно долго ожидали известий, – заключила Нейоми. – Нам следует попытаться самим отыскать след Джона Джаго. Еще неделя до того, как начнется суд. Кто поможет мне в розысках? Я могу рассчитывать на вас, друг Лефрэнк?

Нет нужды говорить, – хотя я был уверен, насколько это бессмысленное занятие, – что она могла полностью полагаться на меня.

Мы договорились, что на следующий день получим пропуск в тюрьму, навестим Эмброуза, а затем приступим непосредственно к поискам. Однако каким образом эти поиски будут осуществлены – не имели представления ни я, ни Нейоми. Для начала мы собирались обратиться в полицию с просьбой помочь нам, а уж затем действовать по обстоятельствам. Слышал ли кто о более безнадежной программе?

«Обстоятельства» сразу же выказали нам свою враждебность. Как обычно, я подал прошение о предоставлении пропуска в тюрьму и впервые за все время получил отказ. Причем никаких причин, обосновывающих такое решение, официальные лица мне не дали. Сколько я ни вопрошал, мы получали один и тот же ответ: «Не сегодня».

По предложению Нейоми мы направились в тюрьму, чтобы там получить объяснение, в котором отказала нам судебная канцелярия. У тюремных ворот в этот день стоял на посту знакомый нам тюремщик, один из многочисленных поклонников Нейоми. Он шепотом ответил на мучивший нас вопрос. Оказывается, как раз сейчас в тюремной камере Эмброуза Мидоукрофта находились для беседы с ним шериф и начальник тюрьмы; они настрого приказали, чтобы никто, кроме них, нынче не посещал Эмброуза.

Что бы это значило? Недоумевая, мы вернулись на ферму. Там Нейоми, случайно разговорившись с одной из служанок, кое-что разузнала.

Выяснилось, что ранним утром этого дня один из старых друзей мистера Мидоукрофта привез в Морвик шерифа. Между мистером Мидоукрофтом, его сестрой и шерифом в присутствии этого человека произошел длинный разговор. Покинув ферму, шериф направился прямо в тюрьму, где в сопровождении ее начальника проследовал в камеру Эмброуза Мидоукрофта. Подвергся ли Эмброуз в ходе последующей беседы какому-либо давлению? Обсто-

³ Большое жюри – судебная коллегия из 12–23 присяжных, решающая вопрос о предании обвиняемого суду присяжных на основании изучения обвинительного акта. Малое жюри присяжных участвовало в рассмотрении уголовных дел и выносило вердикт о виновности подсудимых. (Прим. пер.)

яательства вынуждали задаться этим вопросом. И, если предположить, что такое давление действительно было оказано, следовал еще один вопрос: с какой целью? Чтобы получить ответ на него, нам оставалось только ждать.

Наше терпение испытывалось не слишком долго. События следующего дня просветили нас самым неожиданным образом. Еще до полудня соседи доставили на ферму новость, нас поразившую.

Эмброуз Мидоукрофт сознался в убийстве Джона! В тот самый день, в присутствии шерифа и начальника тюрьмы, он подписал признание!

Я видел этот документ. Нет необходимости приводить его здесь. В сущности говоря, Эмброуз признался в том, в чем уже признался Сайлас, сославшись, впрочем, что ударил Джона Джаго в результате подстрекательства, – это было сделано для того, чтобы в определении характера преступления вместо «тяжкого убийства» (убийство, совершенное с заранее обдуманной злым умыслом) было записано «простое убийство»⁴. Соответствовало ли это признание тому, что было совершено в действительности? Или же шериф и начальник тюрьмы, заботясь о добром имени Мидоукрофтов, убедили Эмброуза, что таким отчаянным способом он избегнет смерти на плахе? Оба, и шериф, и начальник тюрьмы, хранили каменное молчание, пока давление, оказанное на них в процессе судебного разбирательства, не принудило их заговорить.

Кто должен был объявить Нейоми об этом последнем и ужаснейшем из всех выпавших на ее долю несчастий? Зная, что тайно люблю ее, я чувствовал необоримое нежелание быть тем вестником, который сообщит нареченной Эмброуза Мидоукрофта о его падении. Может статься, другие члены семьи уже поведали Нейоми о том, что случилось? Защитник сумел ответить мне на вопрос: да, мисс Мидоукрофт уже известила Нейоми.

Я был потрясен, когда узнал об этом. Менее всех прочих мисс Мидоукрофт была способна пощадить бедную девушку. Услышать столь чудовищную весть из этих уст значило ощутить вдвойне болезненный удар. Я попытался отыскать Нейоми – безуспешно. Между тем обычно найти ее не составляло труда. Неужели сейчас она прячется от меня? Эта мысль пришла мне в голову, когда я спускался по лестнице после тщетных попыток достучаться в ее дверь. И поскольку я стремился во что бы то ни стало увидеться с ней, то, переждав некоторое время, я затем взбежал наверх и перехватил ее выходящей из комнаты.

Она попробовала спрятаться, но я поймал ее за руку и удержал. Свободной рукой она прижимала к лицу носовой платок, словно не хотела, чтобы я ее видел.

– Однажды вы сказали мне, – мягко проговорил я, – что я смог утешить вас. Отчего вы не позволите мне сделать это сейчас?

Она все еще порывалась высвободиться и отворачивала лицо.

– Разве вы не видите, что мне стыдно смотреть вам в глаза? – спросила она низким, прерывающимся голосом. – Отпустите меня.

Я увлек ее к дивану в проеме окна и сказал, что подожду, когда она будет в состоянии говорить со мной.

Она опустила на сиденье и стиснула руки на коленях. Опустив глаза, она по-прежнему старательно избегала моего взгляда.

– Ах, – тихо промолвила она, – что за безумие овладело мною? Неужто возможно, чтобы я обесчестила себя любовью к Эмброузу Мидоукрофту? – этот мучительный вопрос заставил ее содрогнуться. Слезы медленно катились по щекам. – Не презирайте меня, мистер Лефрэнк!

⁴ «Простое убийство» – убийство, совершенное без злого умысла, однако с намерением причинить телесное повреждение, или по небрежности, или случайно, в результате неправомерного действия. (Прим. пер.)

Я попытался, честью клянусь, попытался представить поведение Эмброуза в самом выгодном для него свете.

— Его силы иссякли, — сказал я. — Он совершил это, отчаявшись доказать свою невиновность, в ужасе перед плахой.

Она вскочила с места, гневно топнув ножкой, и подняла ко мне лицо — красное от стыда и пролитых слез.

— Ни слова о нем! — сурово проговорила она. — Кто он, если не убийца? Трус и лжец! Которая из этих личин унижительна для меня более другой? Все кончено! Я больше никогда не заговорю с ним! — Она яростно оттолкнула меня, сделала несколько шагов к своей комнате, но остановилась и вернулась назад. Все благородство ее натуры проявило себя в словах, что были сказаны следом. — Не считайте меня неблагодарной, мистер Лефрэнк. Вам я признательна. Но женщина, оказавшаяся в моем положении, — всего лишь женщина, и, когда она пристыжена так, как я, она ощущает это очень болезненно. Дайте мне вашу руку! Благослови вас Бог!

Прежде чем я понял, что происходит, она поднесла мою руку к губам, поцеловала ее и скрылась за дверью.

Я опустил на то место, где за минуту до этого сидела она. Целуя мне руку, она на мгновение подняла на меня глаза. Я все забыл — Эмброуза, его признание, грядущий суд, свои профессиональные обязанности, своих английских друзей. Я сидел, счастливый до смешного, до глупости, забыв обо всем на свете, и перед глазами у меня стояло лицо Нейоми в тот последний миг, когда она на меня взглянула!

Я уже признался ранее, что влюбился в нее, и повторюсь еще раз, чтобы верней убедить вас в том, что сказал правду.

Глава 11

Камешек в окно

Из всех обитателей Морвик-фарм только я да мисс Мидоукрофт присутствовали на суде. В Нарраби каждый из нас отправился поодиночке. С тех пор как я заявил, что не верю, что Джон Джаго жив, мисс Мидоукрофт не обменялась со мной ни единым словом помимо обыденных, утром и вечером, приветствий.

Сознательно избегая перегружать свое повествование юридической терминологией, я и сейчас намереваюсь самым кратчайшим образом очертить тактику, избранную защитой.

Мы настояли на том, чтобы оба подсудимых заявили о своей невиновности. Добившись этого, мы опротестовали правомочность процесса в целом, ссылаясь на старый английский закон, устанавливающий, что нельзя осудить за убийство, пока не найдено тело жертвы или не получены бесспорные доказательства уничтожения ононого. Мы утверждали, что достаточных доказательств такого рода обвинение суду не представило.

Судьи посовещались и решили, что суд продолжит свою работу.

Следующий протест был заявлен нами, когда в качестве доказательства вины подсудимых были предъявлены их признания. Мы заявили, что документы эти были получены посредством применения угроз или неправомерного давления; мы указали на ряд второстепенных разночтений, которые в двух признаниях противоречили друг другу. В остальном же линия защиты придерживалась тактики, испытанной в мировом суде. Судьи еще раз посовещались и опять отклонили наш протест. Признания подсудимых были допущены в качестве средств доказательства.

Со своей стороны, обвинение представило нового свидетеля. Незачем терять время, повторяя его показания. При перекрестном допросе он жестоко запутался, и мы легко доказали, что его присяга доверия не заслуживает.

Главный судья подытожил результаты судебного следствия.

Обращаясь к присяжным, он заявил касательно признаний, что не следует принимать во внимание признания, исторгнутые страхом или надеждой, и предоставил присяжным определить, являются ли таковыми признания, предъявленные суду. В процессе дальнейшего расследования перед присяжными предстали шериф и начальник тюрьмы. Выяснилось, что они, с ведома и согласия отца, заявили Эмброузу: обстоятельства открыто свидетельствуют против него и единственная возможность спасти семью от позора публичной казни – подписать признание; и, коль скоро он признается, они сделают все, что в их силах, чтобы приговор ограничился пожизненным заключением. Что касается Сайласа, то было доказано, что, выдвигая свои отвратительные обвинения против брата, он находился в невменяемом от ужаса состоянии. Мы тщетно надеялись, что эти факты заставят присяжных отвести признания в качестве аргументов обвинения. Нам суждено было пережить еще одно разочарование, когда рухнули надежды на то, что те же самые, неопровержимо доказанные факты подействуют на милосердие присяжных. После часового отсутствия они вернулись в зал с приговором «Виновен!» относительно обоих подсудимых.

Когда Эмброузу и Сайласу в законном порядке было дано слово для оправдательной речи, оба они торжественно заявили, что их признания исторгнуты посредством обещания избежать рук палача. Это заявление не произвело впечатления на присяжных. Оба подсудимых были приговорены к смерти.

Вернувшись на ферму, я не встретил Нейоми. Мисс Мидоукрофт сама сообщила ей о вердикте. Полчаса спустя служанка подала мне конверт с моей фамилией, написанной почерком Нейоми.

Внутри находились письмо и клочок бумаги, торопливо исчерканный той же рукой: «Ради бога, прочтите письмо, которое я вам направляю, и поскорее решите, что делать!»

Я просмотрел письмо. Выяснилось, что написал его некий джентльмен, проживающий в Нью-Йорке. Всего день тому назад, по чистой случайности, он увидел объявление о розыске Джона Джаго, вырезанное из газеты и наклеенное в альбом с «курьезами» одним его другом. После этого он написал на Морвик-фарм, желая сообщить, что видел человека, точно отвечающего описанию Джона Джаго, однако носящего другое имя, и что человек этот служит клерком в конторе одного торговца в Джерси-сити. Имея свободное время перед тем, как отправляется почта, он вернулся в контору, чтобы еще раз взглянуть на этого человека, прежде чем послать письмо. К своему изумлению, он услышал, что клерк в этот день на службе не появился. Его наниматель послал к нему на квартиру, где узнал, что жилец, прочитав какую-то газету за завтраком, внезапно собрал свою дорожную сумку, исправно заплатил за квартиру и уехал, никто не знает куда.

Был уже поздний вечер, когда я дочитал это письмо. У меня было время, чтобы обдумать свои действия.

Допустив вероятность того, что письмо подлинное, и приняв версию Нейоми относительно мотива, которым руководствовался Джон Джаго, внезапно исчезнув с фермы, я пришел к выводу, что поиски его следует ограничить Нарраби и ближайшими окрестностями.

В газете, которую он читал за завтраком, вне всякого сомнения, сообщалось о решении большого жюри и о том, что должен состояться суд. Насколько я понимаю человеческую природу, в этих обстоятельствах Джаго, учитывая его страсть к Нейоми, должен был устремиться назад, в Нарраби. Более того, мой опыт общения с людьми заставлял меня со скоростью предположить, что Джон может воспользоваться критическим положением Эмброуза и заставить Нейоми благосклоннее взглянуть на его ухаживания. То, как он внезапно исчез с

фермы, красноречиво свидетельствовало о жестоком безразличии, с которым он относится к бедам и страданиям людей, вызванным его поступками. То же отсутствие сострадания, укоренившееся еще глубже, может побудить его шантажировать Нейоми, предложив руку и сердце за жизнь нареченного.

Именно к таким выводам пришел я после основательных раздумий. Ради Нейоми я был согласен заняться разгадкой этой тайны, но искренности ради хочу добавить, что моих сомнений относительно существования Джона не поколебало и это письмо. Я считал, что оно не больше и не меньше, как бессердечный и глупый розыгрыш.

Бой часов в холле отвлек меня от моих размышлений. Я подсчитал удары – двенадцать!

Я встал с кресла, чтобы направиться в свою спальню. Остальные обитатели дома, как обычно, разошлись по комнатам еще час назад. Тишина стояла такая, что я слышал свое дыхание. Подсознательно стараясь не нарушить ее, я неслышными шагами пересек комнату, чтобы взглянуть на небо. Прекрасная лунная ночь открылась моему взору, такая же, как та, роковая, когда Джон назначил Нейоми свидание в цветнике.

Моя свеча стояла на комод; я едва успел зажечь ее и подойти к двери, как та распахнулась и сама Нейоми предстала предо мной!

Оправившись от изумления, в которое повергло меня ее внезапное появление, я сразу понял – по испуганным глазам, по бледности лица: случилось что-то серьезное. Широкий плащ, волосы в беспорядке, повязанные белым платком, – все свидетельствовало, что какая-то тревога спешно подняла Нейоми с постели.

– Что произошло? – спросил я, шагнув к ней.

Трепеща, она прильнула к моему плечу.

– Джон Джаго! – прошептала она.

Вы сочтете, что упрямству моему нет предела, но даже тогда я не мог ей поверить!

– Где? – спросил я.

– На заднем дворе, – ответила она, – под окном моей спальни!

Положение было слишком серьезно, чтобы принимать в рассуждение условности и приличия обиденной жизни.

– Позвольте мне взглянуть на него! – попросил я.

– Я и пришла сюда за вами, – сказала она в своей искренней и бесстрашной манере. – Пойдемте!

Ее комната располагалась на втором этаже и единственная из спален выходила на задний двор. По дороге она рассказала мне, что произошло.

– Я лежала в постели, но не спала, когда услышала, как камешек ударился в оконную раму. Я подождала, недоумевая, что бы это могло означать. Еще один камешек попал в стекло. Я встала и подбежала к окну. Там, освещенный луной, стоял Джон Джаго и смотрел на меня!

– Он вас увидел?

– Да. Он сказал: «Спуститесь, поговорим! Я хочу сказать вам что-то очень важное!»

– Вы ему ответили?

– Как только я смогла перевести дыхание, я сказала: «Подождите немного» – и спустилась к вам. Что же мне было еще делать?

Мы вошли в комнату. Прячась за шторой, я осторожно выглянул наружу.

Это был он! Борода и усы сбриты, волосы коротко острижены, но ничем нельзя было изменить выражение его неистовых карих глаз или же характерных его движений, когда, гибкий и сухощавый, он шагал взад-вперед под полной луной, поджидая Нейоми. На мгновение меня захлестнуло смятение: ведь я был так твердо уверен, что Джона Джаго в живых нет!

– Что же мне делать? – повторила Нейоми.

– Открыта ли дверь коровника? – спросил я.

– Нет, но кладовая для инструмента, за углом, не заперта.

– Отлично. Подойдите к окну, покажитесь ему и скажите, что сейчас спуститесь.

Храбрая девушка подчинилась мне, не раздумывая.

Как не могло быть сомнений в том, что это его глаза и походка, так без раздумий я признал и его голос, когда он тихо отозвался снизу:

– Хорошо!

– Сначала поговорите с ним как раз там, где он стоит, – сказал я Нейоми, – чтобы у меня было время обойти дом и пробраться в кладовую. Потом притворитесь, будто испугались, что вас могут увидеть у коровника, и отведите его за угол, чтобы я сквозь дверь кладовой мог слышать ваш разговор.

Мы вместе вышли из дому и молча разошлись в разные стороны. Нейоми следовала моим указаниям с той находчивостью, которая есть у женщин, когда дело касается хитростей и уловок. Я и минуты не пробыл в кладовой, как услышал их голоса с наружной стороны двери.

Первые слова, которые я отчетливо различил, касались причин его тайного ухода с фермы. Униженная гордость – уязвленная вдвойне презрительным отказом Нейоми и оскорблениями Эмброуза – вот что лежало в основе его решения. Он признался, что видел газетные объявления о розыске, которые еще более утвердили его в намерении скрываться!

– После того как надо мной насмехались и издевались, после того как меня отвергли, – говорил несчастный, – я был рад узнать, что кое-кто здесь имеет серьезные основания желать моего возвращения. От вас зависит, мисс Нейоми, останусь ли я и соглашусь ли, представ перед судом и подтвердив свое имя, спасти Эмброуза.

– Что вы имеете в виду? – строго спросила Нейоми.

Он понизил голос, но все-таки я мог его слышать.

– Пообещайте выйти за меня замуж, – сказал он, – и завтра же я отправлюсь в суд и докажу им, что со мной ничего не произошло.

– А если я откажусь?

– В таком случае я снова исчезну, и никто не сумеет меня найти, пока Эмброуз не взойдет на плаху.

– Неужто вы такой негодяй, что всерьез предлагаете мне пойти на это? – громко воскликнула девушка.

– Если вы вздумаете поднять тревогу, – отозвался он, – клянусь Всевышним, вы пожалеете об этом! Настал мой черед, мисс! Больше я не позволю с собой играть! Отвечайте прямо – пойдете вы за меня – да или нет?

– Нет! – отчетливо, в полный голос произнесла Нейоми.

Я распахнул дверь кладовой и схватил Джона за руку. Он не страдал от нервного истощения, которое меня обессилило, и был намного крепче меня. Нейоми спасла мне жизнь, когда Джон Джаго свободной рукой вытащил из кармана и приставил к моей голове пистолет. Она выбила оружие из руки Джона Джаго. Пуля попала в воздух. В тот же миг я подставил ему подножку. Звук выстрела переполюшил дом. Вдвоем с Нейоми мы прижимали его к земле, пока не подоспела помощь.

Глава 12

Завершение всей истории

Джон Джаго предстал перед мировым судом. Личность его была установлена.

Жизнь Эмброуза и Сайласа, разумеется, опасности больше не подвергалась, во всяком случае, если говорить о людском правосудии. Однако прежде чем братья смогли выйти из тюрьмы восстановленными в правах честных граждан, им пришлось переждать, пока будут соблюдены различные юридические проволочки и формальности.

В течение этого времени произошли события, о которых следует вкратце упомянуть, пока мое повествование еще не закончилось.

Мистер Мидоукрофт, разбитый испытаниями, которые ему пришлось вынести, скоропостижно скончался вследствие ревматической болезни сердца. К его завещанию было присовокуплено дополнительное распоряжение, убедившее меня в том, как права была Нейоми, когда говорила о влиянии мисс Мидоукрофт на него и о том, чего она добивалась, используя свое влияние. Мистер Мидоукрофт оставил сыновьям лишь пожизненную ренту. Безусловное право собственности на ферму он завещал сестре, с рекомендацией завещателя «выйти замуж за его лучшего и дражайшего друга, мистера Джона Джаго».

Вооружась завещанием, наследница Морвика отправила Нейоми оскорбительную записку, в которой указывалось, что получательница сего может более не рассчитывать на кров и стол. Мисс Мидоукрофт, следует здесь прибавить, упорно отказывалась верить, что Джон когда-либо предлагал Нейоми свои руку и сердце и даже угрожал ей, чему я сам был свидетель, если она не примет его предложения. Мисс Мидоукрофт обвинила нас – и меня, и Нейоми – в попытках из ненависти к этому «многострадающему человеку» опорочить Джона в ее, мисс Мидоукрофт, глазах и послала мне, так же как Нейоми, уведомление с просьбой покинуть дом.

Итак, в один прекрасный день двое изгнанников с чемоданами в руках встретились в холле.

– Нас обоих выставили, да, друг Лефрэнк? – с непередаваемо комической улыбкой сказала Нейоми. – Вы, я полагаю, теперь отправитесь домой, в Англию. Мне же придется самой зарабатывать себе на жизнь здесь, в Штатах. Видите ли, женщина в Америке вполне может отыскать себе работу, если ей есть у кого получить рекомендацию. Вопрос в том, где мне найти друга, который замолвит за меня словечко?

Тут уж я не упустил случая!

– Я могу предложить вам место.

Она ничего не заподозрила.

– Какая удача, сэр! – только и сказала она. – Где же это – на телеграфе или в галантерее?

В ответ я удивил ее тем, что, впервые заключив в объятья, поцеловал.

– Рабочее место – у моего камина; жалованье – любая вещь в пределах разумного, которую вам вздумается пожелать; а должность, Нейоми, если вы, конечно, не возражаете, – моей жены.

Больше мне нечего было прибавить, за исключением того, что много лет прошло с тех пор, как я произнес эти слова, а моя любовь к Нейоми ничуть не убавилась.

Через несколько месяцев после нашей свадьбы миссис Лефрэнк написала одной своей приятельнице в Нарраби, чтобы узнать, как идет жизнь на ферме. Та ответила ей, что Эмброуз и Сайлас уехали в Новую Зеландию и что мисс Мидоукрофт живет на Морвик-фарм в одиночестве. Джон Джаго отказался жениться на ней и снова исчез, никто не знает куда.

Несколько слов в заключение. Мысль написать этот небольшой рассказ посетила автора, когда ему попался на глаза отчет о судебном процессе, в действительности состоявшемся в начале текущего столетия в Соединенных Штатах. Отчет был опубликован под названием «Судебный процесс, признания и приговор, вынесенный Джесси и Стефену Бурнам по обвинению в убийстве Рассела Колвина, и последующее появление человека, которого считали убитым. Изложено достопочтенным Леонардом Саржентом, бывшим вице-

губернатором штата Вермонт (Манчестер, Вермонт. Архивные материалы, 1873)». Не лишним будет заметить, в интересах недоверчивых читателей, что все «невероятные» события этой истории действительно имели место и были почерпнуты мною из вышеупомянутого отчета, между тем как подробности, которые «выглядят достоверными», в девяти случаях из десяти сочинены автором. — У. К.

Матиас Макдоннелл Бодкин (1850–1933)

Убийство по доверенности

Ровно в два часа дня 12 июня Эрик Невилл, красивый молодой человек в белом фланелевом костюме, открыв стеклянную дверь прихожей, не спеша спустился по железной лестнице в великолепный, хоть и несколько по старинке разбитый сад особняка Беркли. Широкополая панاما сидела на его иссиня-черных кудрях чуть набекрень: юноша совсем недавно предавался ленивому отдохновению, в то время как лодка скользила по тенистой реке, а единственным его компаньоном на этой прогулке была книга.

Позади особняка тянулась примерно на милю живая изгородь, вся в благоухании лепестков. Воздух, напоенный этим ароматом, проникал в настежь раскрытые из-за жары окна, как будто огромный дом с наслаждением дышал.

Молодой щеголь сошел с последней ступеньки лестницы и ступил на широкую, посыпанную гравием садовую дорожку. Неподалеку от него главный садовник хлопотал вокруг персиковых деревьев, и дымок его трубки висел в неподвижном стоящем воздухе, как легкий голубоватый туман. Поравнявшись с садовником, Эрик сделал просительный жест (говорить ему было лень), и тот молча потянулся за огромным персиком, который прятал свои румяные щеки от солнца в тени узких листьев, любовно сорвал его и бережно подал молодому человеку. Эрик содрал бархатистую янтарную кожицу, безжалостно превратив ее в лохмотья, и запустил свои великолепные зубы в сочную мякоть. Хлоп!

Внезапный громкий звук где-то поблизости заставил их вздрогнуть. Эрик выронил персик, а садовник трубку. Оба уставились друг на друга в величайшем изумлении.

– Посмотрите-ка туда, сэр, – шепнул садовник, указывая на маленькое облачко дыма, которое лениво вытягивалось из окна прямо у них над головой, и в то же самое время в горячем воздухе остро повеяло порохом.

– Это у дядюшки в комнате! – вскричал Эрик. – Минуту назад он там спал на диване!

С этими словами он повернулся, помчался по садовой дорожке и взбежал по ступенькам в дом, распахнув стеклянную дверь, а старый садовник следовал за ним со скоростью, какую позволял ему развить застарелый ревматизм. Эрик пересек гостиную, взлетел по широкой, покрытой ковром лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки, повернул направо, в коридор, и ворвался в дядин кабинет.

Несмотря на всю его поспешность, Эрика опередили. Худощавая сильная фигура в светлом твидовом костюме склонилась над диваном, где несколько минут тому назад Эрик оставил мирно спящего дядюшку.

– Джон! Джон, что случилось? – крикнул Эрик.

Кузен повернулся к нему. Его мужественное, красивое лицо было бледно как мел.

– Эрик, малыш, – сказал он, запинаясь. – Это ужасно. Дядюшка убит, в него стреляли.

– Быть этого не может, еще и пяти минут не прошло, как я видел его мирно спящим... – начал было Эрик, но, взглянув на неподвижную фигуру на диване, замолчал. Сквайр Невилл лежал спиной к двери, так что виден был только смутный контур его сурового лица. Пуля раздробила ему затылок, седые волосы слиплись от крови, и на ковер медленно стекали тяжелые, горячие капли.

– Но кто мог?... – с трудом заговорил Эрик, от ужаса почти утратив дар речи.

– Его застрелили из его собственного ружья, – отвечал кузен. – Оно лежало здесь же на столе, справа, и из ствола еще шел дымок, когда я вбежал.

– Может быть, самоубийство? – спросил Эрик испуганным шепотом.

– Невозможно. Сам видишь, где рана.

– Но... так внезапно. Я прибежал, едва услышал выстрел, а ты меня даже опередил. Ты кого-нибудь видел?

– Ни души. Комната была пуста.

– Но как же убийца мог сбежать?

– Может быть, выбрался через окно. Оно было открыто, когда я вошел.

– Не мог он этого сделать, мастер Джон, – раздался с порога голос садовника. – Мы с мастером Эриком стояли почитай под самым окном.

– Тогда, черт возьми, куда же он исчез, Симпсон?

– Не могу знать, сэр.

Джон Невилл внимательно осмотрел комнату. Там и кошке было бы негде спрятаться: полупустое помещение с обитыми дубом стенами, на которых висели ружья и рыболовные снасти – в большинстве своем старомодные, но превосходные по исполнению и материалу. Маленький книжный шкаф в углу служил единственным намеком на то, что комната считается кабинетом. Огромный кожаный диван, на котором лежал труп, массивный круглый стол посредине и несколько тяжелых стульев довершали обстановку. Все предметы были покрыты толстым слоем пыли, на полу лежали яркие полосы солнечного света. Было душно от зноя и острого запаха пороха.

Джон Невилл заметил, что его юный родственник смертельно бледен. Он, как заботливый старший брат, положил руку ему на плечо.

– Пойдем, Эрик, – мягко сказал Джон. – Ему мы ничем уже не поможем.

– Давай лучше поищем как следует, может быть, мы все же найдем разгадку, – предложил Эрик, протягивая руку к ружью, но Джон остановил его.

– Нет-нет, – поспешно сказал он, – нужно оставить все как есть. Я пошлю кого-нибудь в деревню за Уордлом и телеграфирую в Лондон, чтобы прислали детектива.

Он деликатно вывел кузена из комнаты, запер дверь и сунул ключ в карман.

– С кем бы мне связаться? – спросил Джон Невилл, садясь за стол и заноса карандаш над бланком для телеграмм. – Здесь нужен кто-нибудь очень проницательный – и вдобавок чтобы он всецело мог заняться исключительно нашим делом.

Его кузен присел рядом на журнальный столик и закрыл лицо руками.

– Не знаю никого подходящего. Хотя, впрочем... Тот тип с забавной фамилией, который нашел бриллиант графа Саузерна, – Бек. Кажется, именно так. Торнтон-кресент, Западный почтовый округ. Остальное знают в конторе.

Джон Невилл вписал имя и адрес в уже готовую телеграмму: «Немедленно приезжайте. Убийство. Расходы значения не имеют. Джон Невилл, поместье Беркли, Дорсет».

Эрик и не подозревал, что эта «забавная фамилия» станет для него роковой. Джон Невилл вытащил расписание поездов и зашелестел страницами.

– Не везет нам, Эрик, – сказал он. – В лучшем случае он приедет только в полночь. Зато Уордл уже здесь – расторопен, ничего не скажешь.

Местный констебль Уордл – спокойный и молчаливый – быстро шагал по въездной аллее. Он был все еще силен и подвижен, хотя и немолод. Джон Невилл встретил его в дверях печальной вестью, впрочем, Уордл уже обо всем знал от посыльного.

– Вы правильно сделали, что заперли дверь, – сказал Уордл, когда они прошли в библиотеку, где все еще сидел, как будто не замечая их присутствия, безутешный Эрик. – И выбрали хорошего детектива. Мне приходилось работать с мистером Беком. Приятный во всех отношениях и чрезвычайно везучий человек. «Наше дело не терпит никакой спешки и

суеты, мистер Уордл, – говорил он мне. – А потому ничего не трогайте. Все, что лежит вокруг трупа, может поведать нам целую историю, если умело взяться, так что я всегда предпочитаю сперва тихонько поболтать с вещами наедине».

Констебль умолк, сосредоточился и начал прислушиваться – большой дом гудел как улей. Шептались там и сям, и все слухи так или иначе складывались в целую историю. Медленно-медленно подползало подозрение и, как темное облако, окружало Джона Невилла. Это облако, казалось, каким-то загадочным образом проникло в библиотеку сквозь запертые двери, и Джон начал беспокойно шагать из угла в угол.

Наконец большая комната показалась ему слишком тесной. Он стал бесцельно бродить по дому, то спускаясь вниз, чтобы взглянуть из сада на окно дядюшкиной комнаты, то проходя мимо запертой двери. Как бы случайно, но Уордл старался не выпускать его из поля зрения; впрочем, Невилл был слишком погружен в себя, чтобы это заметить. Наконец он вернулся в библиотеку. Эрик по-прежнему сидел спиной к двери, из-за высокой спинки кресла виднелся только его затылок. Он сидел неподвижно, будто спал или был всецело занят собственными мыслями. Стоило Джону легонько тронуть его за плечо, как он вскочил с воплем, бледный и перепуганный.

– Пойдем прогуляемся, Эрик, – сказал Джон. – Это ожидание и вынужденное бездействие невыносимы. Я так долго не выдержу.

– Я останусь, если ты не против, – слабым голосом отвечал Эрик. – Мне нехорошо.

– Глоток свежего воздуха тебе не повредит, мой мальчик; ты и в самом деле скверно выглядишь.

Эрик мотнул головой.

– Ну что ж, а я пойду, – сказал Джон.

– Оставь мне ключ, я отдам его детективу, если вы разминетесь.

– Он все равно не придет раньше полуночи. А я через час вернусь.

Пока Джон Невилл быстро и не оборачиваясь шагал по аллее, Уордл тихонько следовал за ним, не спуская с него глаз. Вскоре Невилл внезапно свернул в рощу, и констебль осторожно пошел следом. Высокие деревья росли на некотором расстоянии друг от друга, и трава между ними была ярко освещена заходящим солнцем. Когда Уордл случайно вышел на свет, его длинная тень отчетливо замаячила на ярко-зеленом фоне. Джон Невилл увидел, что перед ним движется тень, быстро обернулся и встретился со своим преследователем лицом к лицу.

Констебль уставился на него и замер.

– Что за штучки, Уордл? Да не стойте там со своей дубинкой, как дурак. Ну же, отвечайте, что вам от меня надо?

– Сами видите, как получается, мастер Джон, – пробормотал констебль, – мне и самому не верится. Вот уже двадцать один год, как я вас знаю, – с самого вашего рождения то есть, и просто поверить не могу, ни одному слову. Но, знаете, долг есть долг, и мне надо его исполнить; против фактов не поспоришь, а вы с покойником о чем-то толковали накануне, и мастер Эрик застал вас в его комнате, когда...

Джон слушал в изумлении, но когда вдруг понял, что его посмели заподозрить в убийстве, Невилла охватила внезапная злоба. Он быстро подошел к констеблю. Широкоплечий, сильный, он возвышался над Уордлом и поистине был страшен в гневе – дрожащий от ярости, с судорожно сжатыми кулаками, плотно стиснутыми зубами и жутковатым блеском в глубине карих глаз.

– Как вы смеете! Как смеете! – задыхаясь, прошипел он.

Этот юный атлет действительно выглядел угрожающе, но Уордл, не дрогнув, встретился с ним взглядом.

– Что толку, мастер Джон? – спокойно спросил он. – Неприятно, ясное дело. Но я-то тут ни при чем, и себе вы этак не поможете.

Вспышка гнева прошла так же быстро, как и возникла. Красивое лицо Невилла вновь прояснилось, и ничто более не напоминало о недавнем взрыве, когда он негромко сказал:

– Вы правы, Уордл, совершенно правы. Что же теперь? Полагаю, что я арестован?

– Нет, сэр. Делайте все, что вам вздумается, а я не буду вам мешать. Мне достаточно одного вашего слова.

– Какого?

– Что вы будете на месте, когда понадобится.

– Однако ж я не настолько глуп, чтобы бежать. О господи!.. Виновен я или нет, но бежать с места преступления?!

– Не говорите так, сэр. Из Лондона едет человек, который во всем разберется, вот увидите. Итак, слово?

– Слово.

– Я думаю, вам лучше вернуться в дом, сэр. Слуги там много чего болтают. Я, пожалуй, не буду им мешать, не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, о чем мы тут толковали.

На полпути к дому Джона Невилла догнал легкий двухколесный экипаж, и кучер так круто осадил лошадей, что гравий полетел из-под копыт. Коренастый, крепкого сложения мужчина, который до тех пор о чем-то беседовал с кучером, спрыгнул наземь с легкостью, какой трудно было ожидать при его комплекции.

– Мистер Джон Невилл, полагаю? Моя фамилия Бек. Мистер Пол Бек.

– Мистер Бек? А я думал, что вы доберетесь не раньше полуночи.

– Экстренный поезд, – дружелюбно объяснил мистер Бек. – В телеграмме было сказано: «Расходы значения не имеют». А в таких делах, знаете ли, главное – не упустить время. Пришлось ехать экстренным – и вот я здесь. С вашего позволения, я отпущу экипаж и мы с вами пройдемся пешком. Похоже, скверное дело, мистер Невилл. Выстрел в затылок, как сказал мне кучер. Есть подозреваемые?

– Я подозреваемый, – гневно ответил Джон Невилл.

С минуту мистер Бек безмятежно и без малейшего удивления смотрел на него.

– И как вам об этом стало известно?

– Констебль Уордл только что прямо мне сказал. Он не арестовал меня на месте только из уважения.

Мистер Бек прошел шагов десять молча, прежде чем заговорил опять.

– Если вы не против, – вкрадчиво сказал он, – то расскажите мне, отчего вы попали под подозрение.

– Ни в коей мере не против.

– Учтите, – продолжал детектив, – что я не обещаю вам никаких лазеек и не даю никаких гарантий. Мое дело – доискаться до правды. Если вы думаете, что это может помочь вам, то вы обязаны помочь мне. Конечно, это неправильно с точки зрения закона, но меня это не смущает. Если кого-нибудь подозревают в преступлении, то, как вы понимаете, всегда есть человек, который знает правду. И, как правило, только один человек. Первое, что делает полиция, так это затыкает рот бесценному свидетелю. Я делаю иначе. Я предпочитаю дать человеку шанс: пусть он расскажет, как все было на самом деле, а потом, если это возможно, я поймаю преступника.

Он пристально взглянул на Джона Невилла. Тот спокойно выдержал его взгляд.

– Я понял. Что вы хотите знать? С чего начать?

– С самого начала. Что за ссора была у вас вчера с дядей?

Джон Невилл чуть поколебался, и от мистера Бека это не ускользнуло.

– Я с ним не ссорился. Это он поссорился со мной. Дело вот в чем: дядюшка разругался со своим соседом, полковником Пейтоном. Наши поместья граничат, и речь зашла о нарушении границ во время охоты. Мой дядюшка был очень несдержан и назвал полковника Пейтона браконьером. Я в это не вмешивался, и когда вскоре после их ссоры встретил полковника, то был крайне смущен, так как полагал, что дядюшка не прав. Но полковник обратился ко мне очень радушно и сказал: «Не вижу причины, по которой мы не можем остаться друзьями, Джон. Это просто глупое недоразумение. Я бы дорого отдал, чтобы его не было. В наши дни дуэли вышли из моды, но джентльменам не пристало браниться, как рыночным торговкам. Думаю, однако ж, что меня не сочтут трусом, ибо я ненавижу ссоры». – «Конечно, нет», – сказал я. Полковник, надобно вам знать, участвовал во многих сражениях, и в ящике его стола лежит Крест Виктории. Люси мне его однажды показывала. Люси – его единственная дочь, и мы с ней обручены. В общем, после этого разговора мы с полковником продолжали дружить по-прежнему, потому что я его любил и мне хотелось бы, чтобы оно и дальше так шло. Но наша дружба не нравилась дядюшке, к тому же он слышал, что я в последнее время частенько ездил к Пейтонам. За ужином он в самых непочтительных выражениях отозвался о полковнике и его дочери, а я за них заступился. «По какому праву, наглый мальчишка, ты держишь сторону этого выскочки?» – закричал он. «Пейтоны не менее нас достойны уважения», – ответил я, и это действительно так. – И, что скрывать правду, мисс Люси Пейтон оказала мне великую честь, пообещав стать моей женой». Это его прямо-таки взбесило. Я и повторить не могу того, что он наговорил о полковнике и его дочери. Даже сейчас ему, мертвому, я этого не прощу. Он поклялся, что видеть меня не захочет и разговаривать со мной не станет, если я опозорю себя этим браком. «К сожалению, я не могу изменить завещание», – пригрозил он, – зато, пока я жив, ты ничего не получишь, а я проживу, назло тебе, еще лет сорок. Может быть, этот старый разбойник и примет тебя без гроша. Ступай же, продай себя подороже, если сможешь, и проживай женино приданое, если тебе это по вкусу». Тогда я потерял терпение и кое-что ему сказал.

– Постарайтесь вспомнить, что именно, это важно.

– Я сказал, что плачу ему таким же презрением, что я люблю Люси Пейтон и готов жизнь за нее отдать, если понадобится.

– А не говорили ль вы, что, мол, лучше бы ему не зажитья на этом свете? Сами видите, все к тому и ведет. Кучер мне именно так и сказал. Вспомните – не говорили?

– Может быть; даже скорее всего, но я был в такой ярости, что едва ли думал, что говорю. Я и в виду не имел...

– Кто присутствовал в комнате, когда вы ссорились?

– Кузен Эрик и дворецкий.

– Дворецкий, я полагаю, и разболтал?

– Думаю, что так. Во всяком случае, не Эрик. Его эта история поразила так же, как и меня. Он пытался вмешаться, но от этого дядюшка только еще больше рассвирепел.

– Сколько вы получаете от своего дяди?

– Тысячу фунтов в год.

– И, я полагаю, он мог лишить вас этих денег?

– Разумеется.

– Но он не властен лишить вас поместья. Вы прямой наследник и в настоящий момент являетесь владельцем Беркли?

– Да, но в тот момент, уверяю вас, и в мыслях не было...

– Кто идет за вами в порядке наследования?

– Кузен Эрик. Он на четыре года моложе меня.

– А потом?

– Троюродный брат. Я его едва знаю; у него плохая репутация, и они с дядюшкой друг друга терпеть не могли.

– А ваш дядя и Эрик ладили?

– Не очень-то. Он ненавидел отца Эрика – своего собственного младшего брата – и был жесток к мальчику: оскорблял покойного отца в его присутствии, называл подлецом и все такое. Бедняге Эрику тяжело жилось. Дядюшка смягчился, только получив деньги; тогда он забрал Эрика в поместье и ни в чем ему не отказывал, только нет-нет да и обижал его своими злыми насмешками или бранью. Впрочем, несмотря на все это, Эрик его, кажется, любил.

– Ближе к делу. Больше вы дядю тем вечером не видели?

– Нет, живым я его больше не видел.

– Вы знаете, что он делал утром?

– Только по слухам.

– Слухи обычно и есть лучшие свидетельства, хотя полиция так не считает. И что же вы слышали?

– Дядюшка был помешан на охоте. Я уже сказал, что он поссорился из-за этого с полковником Пейтоном. В двадцати милях отсюда он арендовал болото, чтобы стрелять там куропаток, и никогда не пропускал начала сезона. Он отправился туда с главным лесничим, Ленноксом. Я собирался с ними, но после всего случившегося, конечно, не пошел. Он вернулся, против обыкновения, в полдень и прямо прошел в свой кабинет. Я работал у себя в комнате и слышал, как он шагает мимо моей двери. Позже Эрик видел его спящим в кабинете на диване. Через пять минут после того, как Эрик ушел, я услышал выстрел и побежал туда.

– Вы осматривали комнату, когда обнаружили труп?

– Нет. Эрик хотел, но я подумал, что не стоит. Я просто запер дверь и спрятал ключ до вашего приезда.

– А не могло это быть самоубийством?

– Невозможно. Стреляли в затылок.

– У вашего дяди были враги?

– Его ненавидели браконьеры – их он не щадил. В него уже однажды стреляли, но дядюшка оказался половчее и раздробил этому парню ногу. Сначала он отправил его в больницу и лечил за свой счет, а потом отдал под суд, и бедолага получил два года.

– Тогда, может быть, его и убил браконьер? – спросил Бек.

– Не представляю себе, как такое возможно. Я был в своей комнате, а она выходит в тот же коридор. К дядюшке можно было пройти только мимо моей двери. Я выбежал в тот самый момент, когда раздался выстрел, и никого не видел.

– Может быть, убийца выбрался через окно?

– Эрик сказал, что они с садовником в это самое время стояли внизу.

– Что вы тогда думаете по этому поводу, мистер Невилл?

– Понятия не имею.

– Вечером вы с дядюшкой расстались после ссоры?

– Именно так.

– Утром дядюшку находят убитым, а вас видят – я не хочу сказать «застают» – в его комнате сразу вслед за тем?

Джон Невилл покраснел, но сдержался и только кивнул в ответ.

Оба продолжали свой путь в молчании. До огромного особняка Невиллов, который возвышался над окружающими его деревьями озаренный лучами заходящего солнца, оставалось не более сотни шагов, когда детектив снова заговорил:

– Вынужден признать, мистер Невилл, что дела пока что складываются далеко не в вашу пользу. Я думаю, что констебль Уордл имел полное право вас арестовать.

– Еще не поздно, – отвечал Джон Невилл. – Вон он, на углу, я передам ему ваши слова.

Он уже собрался идти, когда Бек его окликнул:

– А ключ?

Джон Невилл молча протянул ему ключ. Детектив, также не говоря ни слова, взял его и, тихонько насвистывая, пошел к калитке, а потом поднялся по каменным ступеням. Эрик, предупрежденный кучером, встретил его в дверях.

– Вы обедали, мистер Бек? – учтиво осведомился он.

– Делу время, потехе час. Я перекусил в поезде. Могу я несколько минут наедине поговорить с лесничим Ленноксом?

Леннокс, долговязый, узкоплечий, немолодой, смущенно вошел в комнату, явно робея в присутствии лондонского детектива.

– Садитесь, Леннокс, садитесь, – добродушно сказал мистер Бек. Самый звук его голоса, дружелюбный и мягкий, успокоил Леннокса. – Ну, расскажите мне, почему сегодня вы так рано вернулись с охоты?

– Видите ли, сэр, дело было так. Два часа мы там пробыли, а потом сквайр мне и говорит: Леннокс, говорит, устал я от этой возни, пойду-ка домой.

– Что, не задалось?

– Да нет, сэр, куропатки были жирные, как поросята, и прямо сами в руки лезли.

– Плохому танцору, стало быть?..

– Это сквайр-то, сэр? – возопил Леннокс, мгновенно утратив всю свою робость, как только на сквайра пала тень подозрения. – Да в нашем графстве отродясь не бывало стрелка лучше, чем сквайр, – даже и рядом поставить некого. Настоящей старой закалки был человек. Когда его звали охотиться на ручных фазанов, он, бывало, говорил: «Это все равно что стрелять на птичьем дворе». А как его собаки птицу подымали! Пойти на охоту без хорошей собаки ему было все равно что без ружья. А ружье у него было старое – заряжалось с дула. Старое, мол, надежней и стреляет точнее. Да и вернее, чем все эти ваши новомодные штучки, и не надо чистить после каждого выстрела. Молодые ему говорили, что с этими-то, которые без бойка и заряжаются с казенки, вроде бы обходиться проще, а он им отвечал: «Тогда и собаку учить ни к чему. Что толку ее натаскивать, ежели тебе перезарядить как раз плюнуть?» Промеха он не давал, сквайр-то, ну разве что когда погорячится. Я сам сто раз видел, как со своим старым ружьем он затыкал за пояс всех этих юнцов, которые воображают, будто им равных нет, – с тем самым ружьем, из которого его самого теперь... Сто раз я видел...

– Почему же вчера он ушел, если охота удалась? – прервал мистер Бек поток воспоминаний.

– Да сами знаете, и жарко было чертовски, хоть, честно говоря, не в том дело. Сквайра на охоте и адский огонь бы не остановил. Утром он был здорово не в духе, а настроение – оно знаете как мешает? Флора спугнула целую стаю – собака молодая, и не ее была вина, что она зашла с подветренной стороны, – только сквайр ее чуть не пристрелил. Через пять минут поднимает она другую стаю и делает стойку, все как положено. Птицы прямо на него летят, каждая с копенку, ленивые, как вороны, а он мажет из обоих стволов – и перышка не задел, – я такого не видывал с тех пор, как мальчишкой был. «Меня бы пристрелить, а не собаку», – говорит и бросает мне ружье перезарядить. И только я порошу насыпал, как он начал клясться, что больше ружья и в руки не возьмет. И пошел себе через поле, к лошадям. Куропатки у него прямо из-под ног взлетают, а он ну хоть бы что – так и уехали с ним домой. Как добрались, я хотел взять ружье и разрядить или хотя бы патроны вынуть, а он послал меня ко всем чертям и унес его как есть заряженное в кабинет, куда просто так никто не заходит, разве что позовут. А через час вдруг слышу выстрел. Да я хозяйское ружье из тысячи узнаю! Бегу со всех ног...

В кабинет влетел Эрик Невилл, раскрасневшийся и взволнованный.

– Мистер Бек! – крикнул он. – Это ужасно! Констебль Уордл, вы его знаете, арестовал моего кузена по подозрению в умышленном убийстве дяди!

Мистер Бек, взглянув на его возбужденное лицо, спокойно отмахнулся.

– Не беспокойтесь, – сказал он, – не беспокойтесь, мистер Невилл. Несомненно, это неприятно, но тут ничем не поможешь. Констебль выполнил свой долг. Улики очень серьезные, как вам известно, а в таких случаях самое лучшее – действовать законным порядком. Можете идти, – сказал он Ленноксу, который стоял как громом пораженный, разинув рот и широко раскрыв глаза, с той самой секунды, когда услышал новость об аресте Джона Невилла. Затем, понизив голос, Бек снова обратился к Эрику: – Теперь, мистер Невилл, я бы хотел осмотреть комнату, в которой лежит тело.

Его поразительное хладнокровие оказало несомненное влияние на юношу (ведь Эрик Невилл был, по сути, еще совсем ребенком) и успокоило его, как масло успокаивает колеблющуюся поверхность воды.

– Ключ у кузена, – сказал он. – Я его заберу.

– Не нужно, – сказал мистер Бек, когда тот был уже на полпути к выходу. – Будьте так любезны, покажите мне комнату, ключ уже у меня.

Справившись с удивлением, Эрик повел его наверх и далее по коридору к запертой двери. Машинально, по-видимому, он собирался войти в комнату вслед за детективом, но мистер Бек остановил его.

– Я знаю, вы хотели бы мне помочь, мистер Невилл, – сказал он, – но в одиночестве я смотрю внимательнее и мыслю яснее. И это вовсе не каприз, а твердая привычка.

С этими словами он притворил дверь и запер ее изнутри, оставив ключ в замке. Напускное равнодушие покинуло его, едва он остался один. Губы Бека сжались, глаза блеснули, мускулы напряглись, как у охотничьей собаки, когда она чует дичь. Одного взгляда на труп было достаточно, чтобы понять, что это не самоубийство. По крайней мере, в этом Джон Невилл не солгал. Затылок жертвы был буквально разнесен вдребезги выстрелом с близкого расстояния. Седые волосы слиплись от крови, в них запутались кусочки раздробленной кости. На пол натекла целая красная лужа, и спертый воздух комнаты был пропитан этим запахом.

Детектив пошел к столу, на котором лежало ружье – хорошей работы, старое, заряжающееся с дула (и дуло все еще было нацелено на жертву). Тут его внимание привлекла бутылка из-под воды – большой круглый сосуд, почти полный, стоящий на книгах неподалеку от ружья, точнее – между ружьем и окном. Мистер Бек взял бутылку со стола и осторожно попробовал воду кончиком языка. Он ощутил характерный вкус плохо кипяченной воды, но ничего постороннего в ней, видимо, не содержалось. Хотя все в комнате было густо покрыто пылью, книга, на которой стояла бутылка, была почти чистая. На одной из полок книжного шкафа мистер Бек заметил пустое место.

Бросив быстрый взгляд вокруг, мистер Бек подошел к окну. На пыльной крышке стола он обнаружил чистый кружок. Бек примерил к нему круглое донышко бутылки, и оно точь-в-точь совпало. Стоя у окна, он заметил несколько клочков бумаги, скомканных и брошенных в угол. Собрав их и разгладив, Бек увидел, что они сплошь в мелких прожогах. Рассмотрев их под лупой, он сложил бумажки стопкой и сунул в жилетный карман.

От окна он снова вернулся к ружью. На этот раз он рассмотрел его с предельным вниманием. Правый ствол был недавно разряжен, в левом все еще находилась пуля. Затем он сделал странное открытие. Курки были взведены только наполовину. В левом стволе поблескивала маленькая головка капсюля, а в правом ничего не было.

Как убийца мог выстрелить из правого ствола, если там не было капсюля (а стало быть, и искры)?! Как и когда он успел, совершив свое черное дело, снова перевести курок в безопасное положение?

Решил ли мистер Бек эту задачку? Мрачная улыбка играла на его губах, пока он осматривал ружье, а в глазах медленно загорался зловещий огонек, не суливший неведомому убийце ничего хорошего. Наконец он перенес ружье к окну, тщательно осмотрел с помощью лупы и обнаружил тонкую темную черту от приклада до правого бойка, как будто проведенную раскаленной иглой.

Мистер Бек спокойно вернул ружье на стол. Все расследование заняло не более десяти минут. Он еще раз взглянул на неподвижную фигуру на диване, открыл дверь, запер ее за собой и пошел по коридору – все тот же бодрый и невозмутимый мистер Бек, каким его видели десять минут назад.

Эрик ждал его на верхней площадке.

– Ну что? – спросил он, увидев детектива.

– Что ж, – ответил мистер Бек, пропуская мимо ушей нетерпение, явно слышимое в его голосе. – Когда назначим следствие? Дело только за этим, чем скорее, тем лучше.

– Завтра, если угодно. Кузен Джон отправил посыльного к мистеру Моргану, коронеру. Он живет всего в пяти милях отсюда и обещал приехать завтра в полдень. А присяжных можно без труда найти в деревне.

– Отлично, отлично, – сказал мистер Бек, потирая руки, – но хорошо, если бы все эти приготовления совершились без лишнего шума.

– Я только что послал за местным адвокатом для кузена. Боюсь, что это не звезда первой величины, но он единственный, кого можно было найти за столь короткий срок.

– Очень разумно с вашей стороны, ей-богу разумно. Впрочем, в таких делах от адвоката не очень-то много пользы. Есть улики, которыми нам придется руководствоваться, а улики эти, к сожалению, однозначны. Теперь, если позволите, – продолжал он, оживляясь и движением руки как бы отменяя неприятную тему, – я бы с большим удовольствием поужинал – вы, кажется, говорили об ужине?

Мистер Бек основательно закусил парой куропаток (это был последний охотничий трофей покойного), запивая бургундским. Он был в отличном настроении и непринужденно болтал с Эриком – рассказал ему несколько примечательных случаев из своей практики, очевидно желая отвлечь юношу от мрачных мыслей насчет дяди и кузена. Джон Невилл в то же самое время сидел взаперти в своей комнате, а у двери сторожил констебль.

Следствие началось в половине первого на следующий день в комнате библиотеки. Коронер, тучный багроволицый толстяк с весьма обходительными манерами, сразу взял быка за рога. Присяжные хладнокровно и бесстрастно «произвели осмотр тела», явно даже получив удовольствие от этого мрачного действия. Каким-то неувловимым образом мистер Бек сразу зарекомендовал себя знатоком подобных процедур и сделался чем-то вроде советника при коронере.

– Лучше всего будет, если вниз принесут ружье, – сказал он коронеру, когда они вышли из кабинета покойного.

– Конечно-конечно, – отвечал тот.

– И бутылку с водой.

– Вы подозреваете отравление?

– Как говорится, не всегда стоит хватать то, что само идет в руки, – назидательно отвечал мистер Бек.

– Несомненно, если вы так считаете, – угодливо сказал коронер. – Констебль, захватите с собой бутылку.

Обширное помещение библиотеки битком было набито любопытными; в большинстве своем это были местные фермеры и мелкие деревенские лавочники. На самом почетном месте поставили стол для коронера и стул для вездесущего корреспондента местной газеты. Двойной ряд стульев справа от стола предназначался для присяжных. Присяжные только

что окончили осмотр тела, когда снаружи послышался стук копыт и скрип колес; легкий фаэтон остановился у входа. Минутой позже в комнату вошел человек с военной выправкой, сопровождаемый молодой особой, которую он вел с трогательным выражением нежности и заботы. Девушка была бледна как полотно, но, несмотря на это, прелестна, ее взгляд был испуганно-доверчив, как у молодой лани. Не имело смысла объяснять мистеру Беку, что это полковник Пейтон с дочерью. Он заметил робкий, сострадательный, любящий взгляд, предназначенный Джону Невиллу, который сидел за столом, обхватив голову руками; на долю секунды лицо детектива потемнело, преисполнившись некоей твердой решимости, но в следующий миг он вновь обрел свой обычный добродушный вид. Коронер кратко допросил садовника, лесничего и дворецкого, а затем мистер Уогглс, адвокат, которого Эрик предусмотрительно нанял для кузена, подверг их довольно неуклюжему перекрестному допросу. По мере того как над Джоном Невиллом сгущались тучи, девушка в дальнем углу все больше бледнела и, вероятно, упала бы без чувств, не поддержи ее отец.

– Имеет ли Джон Невилл что-нибудь сообщить следствию? – спросил коронер, окончив записывать показания дворецкого, в которых речь шла о давешней ссоре.

– Нет, сэр, – сказал мистер Уогглс. – Я выступаю здесь в качестве защитника мистера Джона Невилла, обвиняемого, и мы пока отложим наши объяснения.

– Мне и в самом деле нечего добавить к тому, что уже было сказано, – негромко произнес Джон Невилл.

– Мистер Невилл, – важно провозгласил мистер Уогглс. – Я убедительно прошу вас всецело довериться мне.

– Эрик Невилл, – вызвал коронер. – Думаю, что это последний свидетель.

Эрик встал перед судьей и положил руку на Библию. Он был бледен, но спокоен и сдержан, и только во взгляде его темных глаз и звуках негромкого голоса сквозила такая неподдельная скорбь, которая растрогала всех – кроме одного человека... Эрик говорил сжато и ясно. Всем было понятно, что он старается защитить своего кузена. Но, несмотря на это (а возможно, именно из-за этого), все были настроены против Джона Невилла. Ответы на вопросы, касающиеся Джона, коронер буквально вытягивал у Эрика.

– Ваш кузен сильно вспылел? – спрашивал он.

– Было бы трудно удержаться при таких оскорблениях.

– Что он сказал?

– В точности всего не помню.

– А не говорил ли он дяде: «Ты долго не заживешься»?

Молчание.

– Мистер Невилл, вспомните, что вы поклялись говорить только правду.

Эрик почти беззвучно прошептал:

– Говорил.

– Мне жаль огорчать вас, но я обязан выполнить свой долг. Когда вы услышали выстрел, то, полагая, побежали в дядину комнату?

– Да.

– Кого вы увидели над убитым?

– Кузена. Уверяю вас, он был в глубоком горе...

– Кого-нибудь еще вы видели?

– Нет.

– Ваш кузен, как я знаю, наследник – а точнее сказать, уже владелец поместья?

– Полагаю, что так.

– Довольно, можете сесть.

Публика, битком набившаяся в комнату, с огромным интересом выслушала этот обмен вопросами и ответами, каждый из которых все туже затягивал петлю на шее Джона Невилла.

Когда допрос был окончен, пронесся общий глубокий вздох. Сомнений уже не было, но возбуждение не спадало. Эрик хотел было вернуться на место, когда встал мистер Бек.

– Вы сказали, будто полагаете, что ваш кузен является наследником сквайра, – а разве вы этого не знали?

Тут вмешался мистер Уогглс.

– Ваша честь, – обратился он к коронеру, – я протестую. Это совершенно против правил. Этот человек не является профессиональным юристом. Он не представляет ничьих интересов. У него вообще нет никакого *locus standi*⁵.

Никто лучше самого мистера Бека не знал, что он фактически не имеет права и рот раскрыть, но его взгляд, полный спокойной уверенности и непоколебимого сознания собственной правоты, окончательно убедил коронера.

– Мистер Бек, я полагаю, был вызван сюда из Лондона специально по этому делу, – сказал коронер, – и я, разумеется, не могу запретить ему задавать любые вопросы, какие он сочтет нужным.

– Благодарю вас, сэр, – сказал мистер Бек тоном человека, полностью утвержденного в своих правах, и снова обратился к свидетелю: – Вы не знали, что Джон Невилл является прямым наследником поместья Беркли?

– Знал, конечно.

– А если Джона Невилла повесят, то владельцем станете вы?

Всех поразила откровенная грубость этого вопроса, заданного при этом вкрадчивым тоном.

Мистер Уогглс нервно подскочил, но Эрик отвечал спокойно, как и прежде:

– Очень жестоко с вашей стороны спрашивать об этом.

– Но это так?

– Да, это так.

– Сменим тему. Когда вы вошли в комнату после убийства, вы осматривали ружье?

– Я хотел, но кузен меня остановил. Да будет мне позволено добавить, что им двигало только желание сохранить улики нетронутыми, как он сам сказал, и я ему верю. Он запер дверь и унес ключ. С тех пор я не входил в эту комнату.

– Вы близко видели ружье?

– Не очень.

– Вы заметили, что оба курка были взведены наполовину?

– Нет.

– Вы заметили, что в правом стволе, из которого стреляли, не было капсюля?

– Нет, конечно.

– То есть вы не заметили?

– Да.

– Вы видели короткую, выжженную на дереве черточку от приклада до правого бойка?

– Нет.

Мистер Бек передал ему ружье:

– Посмотрите ближе. Теперь вы ее видите?

– Сейчас вижу – впервые.

– Я полагаю, вы неповинны в ее появлении?

– Нет.

– Уверены?

– Абсолютно уверен.

⁵ Букв. местонахождение (*лат.*), здесь: право присутствовать в суде.

Все присутствующие, затаив дыхание, с неугасающим интересом следили за этим странным и как будто бессмысленным обменом репликами и весьма туманно представляли себе его истинное значение. Эрик отвечал спокойно и четко, но тем, кто сидел ближе, было видно, что у него дрожит нижняя губа – единственно от усилия воли, которым поддерживалось это спокойствие. Он ощущал едва уловимую неприязнь, скрытую за мягким голосом и вкрадчивыми манерами мистера Бека, и волновался.

– Сменим тему, – снова сказал мистер Бек. – Вы побывали в комнате вашего дяди незадолго до выстрела; зачем вы сняли с полки книгу и положили ее на стол?

– Не припомню, чтобы я делал что-то подобное.

– Зачем вы взяли с окна бутылку с водой и поставили ее на книгу?

– Я хотел пить.

– Но из бутылки никто не пил.

– Наверное, я хотел убрать ее в тень.

– И вы поставили ее на стол, куда падал солнечный свет?

– В самом деле, я не помню всех этих мелочей.

Самообладание стало изменять Эрику.

– Сменим тему, – в третий раз сказал мистер Бек. Он вытащил из жилетного кармана клочки бумаги с прожогами и протянул их свидетелю: – А об этом вы что-нибудь знаете?

Секунду стояла тишина. Эрик стиснул зубы, как будто от внезапного приступа боли. Но ответ его был тверд:

– Нет, не знаю.

– А не доводилось ли вам развлекаться с зажигательным стеклом?

От этого невинного на первый взгляд вопроса свидетель вздрогнул, как будто у него над ухом выстрелили из пистолета.

– Ну, знаете, – вмешался мистер Уогглс, – это просто пустая трата времени.

– Вопрос, по-моему, действительно не относится к делу, – мягко заметил коронер.

– Взгляните на свидетеля, сэр, – сурово отозвался мистер Бек. – Он, кажется, иного мнения.

Все взгляды обратились на Эрика. Он стоял без кровинки в лице, безвольно открыв рот, и смотрел на мистера Бека глазами, полными мольбы и ужаса.

– Вам приходилось когда-нибудь развлекаться с зажигательным стеклом? – неумолимо повторил мистер Бек.

Молчание.

– Вы знаете, что бутылка с водой, вроде этой, представляет собой гигантское зажигательное стекло?

Молчание.

– Вы знаете, что в старину с помощью зажигательного стекла палили из пушки?

И тут наконец Эрик заговорил, как будто против воли, и этот голос – пронзительный, резкий и почти невнятный – ничуть не был похож на его обычный голос: такой вопль мог огласить в старые времена камеру пыток, когда боль в вывернутых на дыбе суставах становилась уже нестерпимой.

– Ты чертова ищейка! – закричал он. – Будь ты проклят, будь проклят – ты меня поймал! Признаюсь – я убийца! – И Эрик повалился наземь без памяти.

– А вашим сообщником было солнце! – как всегда невозмутимо закончил мистер Бек.

Артур Конан Дойл (1859–1930)

Приключение «Скандал в Богемии»

I

Для Шерлока Холмса она всегда Та женщина. Я редко слышал, чтобы он упоминал ее как-то иначе. В его глазах она затмевает и повергает в прах весь свой пол. Нет, не то чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, сходное с любовью. Все эмоции, а эта особенно, были неприемлемы для его холодного, точного и превосходно уравновешенного интеллекта. Он, как я понимаю, был идеальнейшей логично рассуждающей и наблюдающей машиной, какую только видел мир, но в роли влюбленного он поставил бы себя в фальшивое положение. В разговорах он никогда не касался нежных чувств, разве что с презрительной усмешкой и колкостями. Однако наблюдателю они служили отличным подспорьем, чтобы срывать покров с людских побуждений и поступков. Но натренированному логичному допустить подобное вторжение в собственный тонкий и сложно сбалансированный темперамент значило бы создать отвлекающий фактор, могущий поставить под сомнение все достижения его разума. Песок в чувствительном приборе или трещинка в одном из его собственных увеличительных стекол повредили бы им не меньше, чем какая-нибудь сильная эмоция такой натуры, как его. И тем не менее одна-единственная женщина для него существовала, и женщиной этой была покойная Ирен Адлер сомнительной и двойственной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом. Мой брак отдалил нас друг от друга. Собственное безоблачное счастье и сосредоточенные на домашнем очаге интересы, владеющие мужчиной, впервые ставшим главой семьи, поглощали меня целиком. Тогда как Холмс, чей богемный дух не терпел какого-либо общества, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит погребенным в своих старинных книгах, переходя из недели в неделю от кокаина к сосредоточенности на очередном деле, от вызванной наркотиком дремотности к яростной энергичности его неумной натуры. Он по-прежнему был глубоко увлечен изучением преступлений и сосредоточивал свои колоссальные способности и необычайный дар наблюдательности на исследовании тех улики и разьяснении тех тайн, которыми официальная полиция прекращала заниматься, объявляя их безнадежными.

Время от времени до меня доходили сведения о делах, им раскрываемых: о его вызове в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, как он разобрался в загадочной трагедии братьев Аткинсонов в Тринокмали, и, наконец, о миссии, которую он столь тактично и успешно выполнил по поручению королевского дома Голландии. Помимо этих свидетельств его деятельности, которые я всего лишь делил с остальными читателями газет, я практически ничего не знал о моем недавнем друге и товарище.

Как-то вечером 20 марта 1888 года на обратном пути от пациента (я теперь возобновил практику) я оказался на Бейкер-стрит. Увидев достопамятную дверь, навсегда связанную для меня с моей женой и с мрачными эпизодами «Этюда в багровых тонах», я ощутил непреодолимое желание повидать Холмса и узнать, на что он тратит свои экстраординарные способности. Его комнаты были ярко освещены, и, взглянув на них, я дважды увидел, как темный

силуэт его высокой худощавой фигуры мелькнул за опущенной шторой. Он расхаживал по комнате быстро, целеустремленно, опустив голову на грудь и заложив руки за спину. Мне, хорошо знакомому со всеми его настроениями и привычками, этот его вид и движения сказали о многом. Он опять работал. Он вырвался из наркотических грез и подбирал ключ к решению какой-то новой проблемы. Я позвонил в дверь и поднялся в квартиру, часть которой когда-то была моей.

Встретил он меня сдержанно (его обычная манера), хотя, думаю, он был рад увидеть меня. Почти без единого слова, но с дружественным взглядом, он указал мне на кресло, пододвинул портсигар и кивнул на винный шкафчик и сифон в углу. Затем встал перед камином и оглядел меня своим особым интроспективным взглядом.

– Брак идет вам на пользу, – сказал он. – По-моему, Ватсон, с тех пор, как я видел вас в последний раз, вы прибавили в весе семь с половиной фунтов.

– Семь, – поправил я.

– Да? Мне кажется, чуть побольше. Самую чуточку, думается мне, Ватсон. И снова практикуете, как вижу. А вы не говорили мне, что намерены снова запрячься.

– Так откуда вы знаете?

– Я это вижу. Вывожу дедуктивно. Откуда мне известно, что вы недавно сильно вымокли, а ваша служанка очень неуклюжа и небрежна?

– Мой дорогой Холмс, – сказал я, – это уж чересчур. Живи вы на несколько веков раньше, вас непременно сожгли бы. Мне, правда, в четверг пришлось совершить загородную прогулку, и домой я вернулся в жутком виде, но поскольку я сменил одежду, то не понимаю, каким образом вы узнали про это. Что до Мэри-Джейн, она неисправима, и жена как раз отказала ей от места, но, опять-таки, не вижу, как вы могли это установить.

Он усмехнулся про себя и потер ладони длинных нервных рук.

– Ничего нет проще, – сказал он. – Мои глаза говорят мне, что на подошве вашего левого башмака, там, где на нее падает отблеск пламени, тянутся шесть почти параллельных царапин. Совершенно очевидно, что появились они оттого, что кто-то с большой небрежностью отскребал там засохшую грязь. Отсюда, как видите, мой двойной вывод: вас настигла непогода, и ваша обувь оказалась во власти особо вредного для нее образчика лондонской служанки. А что до вашей практики, так когда ко мне входит джентльмен, благоухающий йодоформом, с темным пятном от ляписа на правом указательном пальце и с выпуклостью сбоку цилиндра, указывающей, куда он припрятал свой стетоскоп, я был бы полным тупицей, если бы не определил, что он – активный член медицинской профессии.

Я не мог не засмеяться легкости, с какой он объяснил процесс этой дедукции.

– Когда я слышу ваши доводы, – заметил я, – разгадка всегда кажется мне столь до нелепости простой, что кажется, будто я сам мог бы сделать тот же вывод, однако всякий раз я оказываюсь в тупике, пока вы не объясните ход ваших рассуждений. А ведь глаза у меня, полагаю, не хуже ваших.

– Совершенно верно, – ответил он, закуривая сигарету и опускаясь в кресло. – Вы видите, но вы не наблюдаете. Разница очевидна. Например, вы часто видели ступеньки, по которым поднимались сюда из прихожей?

– Да, часто.

– И как часто?

– Ну, сотни раз.

– Так сколько их всего?

– Сколько всего? Не знаю.

– Вот именно! Вы не наблюдали, хотя и видели. Как раз об этом я и говорю. Ну, а я знаю, что ступенек семнадцать, так как и видел, и наблюдал. Кстати, поскольку вас интересуют

эти задачки и поскольку вы столь любезно описали два-три моих пустячных расследования, вас, возможно, заинтересует вот это.

Он перебрал мне лист плотной бумаги розоватого оттенка, который лежал развернутый на столике.

– Пришло с последней почтой, – пояснил он. – Прочтите-ка вслух.

Письмо было без даты и без подписи или адреса.

«Будет визит к вам сегодня вечером без четверти восемь, – гласило оно, – джентльмена, который желает посоветоваться с вами по делу глубочайшей значительности. Ваши недавние услуги одному из королевских домов Европы показали, что вы принадлежите к тем, кому можно доверять дела, важность которых едва ли преувеличить можно. Такие отзывы о вас мы отовсюду получили. Так будьте дома в этот час и не удивляйтесь, если ваш визитер в маске будет».

– Таинственно, ничего не скажешь, – заметил я. – Что, по-вашему, оно означает?

– У меня еще нет данных. А строить теории без данных – непростительная ошибка. Незаметно для себя начинаешь подгонять факты под теорию, вместо того чтобы теория подгонялась под факты. Но само письмо. Какие выводы оно вам подсказывает?

Я тщательно рассмотрел почерк и исписанный лист.

– Писавший, предположительно, богат, – сказал я, пытаюсь следовать методам моего друга. – Такая бумага стоит не дешевле полукроны за пачку. Она исключительно плотная и жесткая.

– «Исключительно» очень точное слово, – сказал Холмс. – Это вовсе не английская бумага. Поднесите лист к свету.

Я послушался и увидел большое «Е» с маленьким «g», еще «Р» и большое «G» с маленьким «t» в самой текстуре листа.

– К каким выводам вы пришли? – спросил Холмс.

– Без сомнения, имя фабриканта, а вернее, его монограмма.

– Во все нет. «G» с маленьким «t» подразумевают «Gesellschaft», немецкое слово, означающее «компания». Обычная аббревиатура, как наше «K^o». «P», естественно, означает «Papier» – «бумага». Теперь «Eg». Заглянем в наш Континентальный справочник. – Он снял с полки тяжелый коричневый том. – Эглоу... Эглониц... А, вот! Эгрия. Немецкоязычное государство в Богемии по соседству с Карлсбадом. «Примечательно как место смерти Валленштейна и многочисленными стекольными и бумажными фабриками...» Ха-ха, мой мальчик, какой вывод вы сделаете из этого?

Его глаза торжествующе заблестели, и он послал к потолку триумфальное облако табачного дыма.

– Бумага была изготовлена в Богемии, – сказал я.

– Именно так. А писавший – немец. Вы заметили необычное построение фраз? «Такие отзывы о вас мы отовсюду получали». Француз или русский так не написал бы. Это немцы столь неучтиво обходятся со своими глаголами. Поэтому остается только узнать, что требуется немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показывать свое лицо. А вот, если не ошибаюсь, и он, прибывший разъяснить все наши недоразумения.

Его слова сопровождал резкий цокот лошадиных копыт и скрежет колес о кромку тротуара, а затем раздался нетерпеливый звонок в дверь. Холмс присвистнул.

– Пара, судя по звуку, – сказал он. И продолжал, выглянув из окна: – Да, симпатичный маленький кабриолет и пара красавцев. Сто пятьдесят гиней каждый. Это дело сулит деньги, Ватсон, если и ничего больше.

– Думаю, мне лучше уйти, Холмс.

– Вовсе нет, доктор. Сидите, где сидите. Без моего Босуэлла я теряюсь. А это обещает быть интересным. Жаль будет, если вы не поприсутствуете.

– Но ваш клиент...

– Не имеет значения. Ему, как и мне, может понадобится ваша помощь. Сядьте в кресло, доктор, и одарите нас вашим полным вниманием.

Медленные тяжелые шаги, доносившиеся с лестницы и из коридора, стихли у самой двери. Раздался громкий властный стук.

– Войдите! – сказал Холмс.

Вошел мужчина ростом никак не меньше шести футов шести дюймов, с телосложением Геркулеса. Одежда его говорила о богатстве настолько, что в Англии это выглядело равносильным дурному вкусу. Широкие полосы каракуля были нашиты на рукава и лацканы его двубортного сюртука, а наброшенный на плечи синий плащ щеголял подкладкой из огненно-алого шелка и был застегнут у шеи брошью, состоявшей из одного огненного берилла. Сапоги, достигавшие половины икр, были вверху отделаны пышным коричневым мехом и довершали впечатление варварского богатства, о котором свидетельствовал весь его облик. В руке он держал широкополую шляпу. А верхнюю часть его лица, вплоть до скул, закрывала черная маска фокусника, которую он, очевидно, только что надел, так как его рука все еще оправляла ее, когда он входил. Нижняя, открытая часть лица говорила о сильном характере; толстая оттопыренная нижняя губа и длинный прямой подбородок указывали на волю, граничащую с упрямством.

– Вы получили мое письмо? – спросил незнакомец глубоким властным басом и с очень сильным немецким акцентом. – Я предупредил вас, что приеду.

Он переводил взгляд с Холмса на меня, словно не зная, к кому обратиться.

– Прошу вас, садитесь, – сказал Холмс. – Это мой друг и коллега доктор Ватсон, который иногда любезно помогает мне в моих расследованиях. С кем я имею честь говорить?

– Можете обращаться ко мне как к графу фон Крамму, божемскому аристократу. Как я понял, этот джентльмен ваш друг, человек чести, которому я могу довериться в деле чрезвычайной важности. Если нет, то я предпочту говорить с вами наедине.

Я поднялся, чтобы уйти, но Холмс сжал мое запястье и толкнул назад в кресло.

– Либо мы оба, либо никто, – сказал он. – В присутствии этого джентльмена вы можете говорить все, что сочтете нужным сообщить мне.

Граф пожал широкими плечами.

– Тогда я должен сначала, – сказал он, – обязать вас обоих хранить то, что вы услышите, в строжайшей тайне в течение двух лет. По истечении этого срока такая надобность отпадет. Пока же не будет преувеличением сказать, что весомость этого дела колоссальна и оно может повлиять на ход европейской истории.

– Обещаю, – сказал Холмс.

– Я тоже.

– Вы извините эту маску, – продолжал наш необычный визитер, – но августейшая особа, прибегнувшая к моим услугам, желает, чтобы его посредник остался неизвестен вам, и я сразу же могу сознаться, что титул, который я назвал, мне, собственно, не принадлежит.

– Я это знал с самого начала, – сухо сказал Холмс.

– Обстоятельства крайне щекотливы, и необходимо принять все меры, чтобы предотвратить то, что сможет перерасти в неслыханный скандал и бросить тень на одну из правящих фамилий Европы. Короче говоря, речь идет о великом Доме Ормштейнов, потомственных королей Богемии.

– Я знал и это, – пробормотал Холмс, устраиваясь в кресле поудобнее и закрывая глаза.

Наш визитер с явным недоумением уставился на расслабленную, вялую фигуру человека, которого ему, несомненно, рекомендовали как самого дотошного логика и самого энер-

гичного сыщика в Европе. Холмс открыл глаза и нетерпеливо поглядел на своего великана-клиента.

– Если бы, ваше величество, вы соизволили изложить ваше дело, – сказал он, – мне было бы проще дать вам совет.

Наш визитер вскочил с кресла и прошелся по комнате в неопишемом волнении. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

– Вы правы, – вскричал он, – я король! Зачем мне пытаться скрывать это?

– Действительно, зачем? – прожурчал Холмс. – Ваше величество еще и слова не сказали, когда я уже знал, что обращаюсь к Вильгельму Готтсрейху Сигизмунду фон Ормштейну, великому герцогу Кассель-Фельштейна и наследственному монарху Богемии.

– Но вы можете понять, – сказал наш странный визитер, вновь садясь и проводя белой рукой по высокому лбу, – вы можете понять, что я не привык лично вести подобные переговоры. Однако дело настолько деликатно, что поручи я его посреднику, то оказался бы во власти этого посредника. Я приехал из Праги инкогнито, чтобы посоветоваться с вами.

– Так прошу вас, советуйтесь, – сказал Холмс и вновь закрыл глаза.

– Факты вкратце таковы. Пять лет назад во время длительного визита в Варшаву я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Имя это вам, несомненно, знакомо.

– Будьте добры, отыщите ее в моей картотеке, доктор, – пробормотал Холмс, не открывая глаз. В течение многих лет он имел привычку заносить на карточки все сведения о людях и предметах, и было бы трудно назвать тему или лицо, о которых он не сумел бы немедленно дать необходимую информацию. И теперь я нашел ее биографию втиснутой между раввином и штабным офицером, написавшим монографию о глубоководных морских рыбах.

– Дайте мне взглянуть, – сказал Холмс. – Гм! Родилась в Нью-Джерси в пятьдесят восьмом году. Контральто... гм! Ла Скала, гм! Примадонна Варшавской императорской оперы... Ага! Покинула оперные подмостки... ха! Проживает в Лондоне... Вот-вот! Ваше величество, насколько я понимаю, были в связи с этой молодой особой, написали ей несколько компрометирующих писем, а теперь желали бы получить эти письма назад.

– Именно так. Но каким...

– Тайный брак?

– Ничего подобного.

– Какие-нибудь юридические документы? Заверенные письменные обязательства?

– Ничего подобного.

– В таком случае я не понимаю вашего величества. Если эта молодая особа и использует свои письма в целях шантажа или каких-либо иных целях, как она сможет доказать их подлинность?

– Но почерк?

– Пф! Пф! Подделан.

– Моя личная бумага.

– Украдена.

– Моя личная печать.

– Имитация.

– Моя фотография.

– Куплена.

– На фотографии мы сняты вместе.

– О господи! Вот это скверно! Ваше величество действительно допустили большую неосторожность.

– Я был безумен, сходил с ума.

– Вы скомпрометировали себя очень серьезно.

– Я был тогда лишь кронпринцем. Я был молод. Мне и сейчас всего тридцать.

- Фотографию необходимо извлечь.
- Мы пытались и потерпели неудачу.
- Вашему величеству придется заплатить. Фотографию надо выкупить.
- Она не соглашается.
- Ну, так украсть.

– Пять неудачных попыток. Дважды нанятые мною взломщики обшарили ее дом. Один раз мы во время какой-то ее поездки обыскали багаж. Дважды ее подстерегли вне дома. Все безрезультатно.

- Никаких следов фотографии?

- Ни малейших.

Холмс засмеялся.

- Очень милая задачка, – сказал он.
- Но для меня крайне серьезная, – с упреком возразил король.
- Да, весьма. Но что она намерена сделать с фотографией?
- Погубить меня.
- Но как?
- Я собираюсь вступить в брак.

- Да, я слышал.

- С Клотильдой Лотман фон Сакс-Мейнинген, второй дочерью короля Скандинавии.

Возможно, вам известны строгие принципы ее семьи. Сама она – воплощение чистоты. Малейший намек, бросающий тень на мое поведение, перечеркивает самую возможность этого брака.

- А Ирен Адлер?

– Угрожает послать им фотографию. И она это сделает. Я знаю, что сделает. Вы ее не знаете, но душа у нее стальная. Лицо красивейшей из женщин, а характер самого решительного из мужчин. Она ни перед чем не остановится, лишь бы я не вступил в брак с другой женщиной. Ни перед чем.

- Вы уверены, что она ее еще не послала?

- Уверен.

- Почему?

– Потому что она сказала, что пошлет ее в день официального объявления о помолвке, а оно назначено на следующий понедельник.

– О, так у нас есть еще три дня, – сказал Холмс, зевая. – Очень удачно, так как и мне сейчас надо завершить парочку неотложных дел. Ваше величество, несомненно, пока останется в Лондоне.

- Конечно. Вы найдете меня в «Лэндхеме» под именем графа фон Крамма.

- Я отправлю вам туда записку сообщить, насколько мы продвинулись.

- Будьте так добры. Меня замучает тревога.

- Что касается денег...

- В вашем распоряжении карт-бланш.

- Без ограничений?

– Говорю же вам, я бы отдал любую провинцию моего королевства, лишь бы получить эту фотографию.

- А на текущие расходы?

Король достал из-под плаща тяжелый замшевый мешочек и положил его на стол.

– Тут триста фунтов золотом и семьсот банкнотами, – сказал он. Холмс нацарапал расписку на листке из блокнота и отдал ее королю.

- Адрес мадемуазель? – спросил он.

- Вилла «Бриония», Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд.

Холмс записал.

– Еще один вопрос, – сказал он. – Фотография кабинетного размера?

– Да.

– В таком случае доброй ночи, ваше величество, и надеюсь, скоро у нас появятся для вас хорошие новости. И вам доброй ночи, Ватсон, – добавил он, когда колеса королевского кабриолета застучали по мостовой. – Если вы будете так любезны и заглянете сюда завтра в три часа, я буду рад обсудить с вами это дельце.

II

Я был на Бейкер-стрит ровно в три часа, но Холмс еще не вернулся. Квартирная хозяйка сказала мне, что он ушел утром вскоре после восьми. Я сел у камина, намереваясь дожидаться его, сколько бы времени ни потребовалось. Расследование это меня глубоко заинтересовало, пусть ему и не были присущи зловещие и интригующие черты тех двух преступлений, о которых я уже рассказал в прошлом. Однако суть этого дела и высокое положение нашего клиента придавали ему особый интерес. К тому же, помимо особого характера расследования, за которое взялся мой друг, его мастерская оценка любой ситуации, его острые как бритва, неопровержимые логические построения превращали в истинное наслаждение возможность изучать методы его работы и наблюдать быстрые, хитрые приемы, с помощью которых он раскрывал самые запутанные тайны. И я так привык к его непрерывным успехам, что мне и в голову не приходило, что он способен потерпеть неудачу.

Было уже четыре, когда дверь отворилась и в комнату ввалился заметно пьяный конюх, нечесаный, с багровым лицом в рамке бакенбард и в ветхой одежде. Как ни привык я к поразительному умению моего друга менять внешность, мне пришлось трижды вглядеться, прежде чем я убедился, что передо мной и правда Холмс. Кивнув мне, он скрылся в спальне, откуда вышел через пять минут в твидовом костюме, воплощением респектабельности. Сунув руки в карманы, он вытянул ноги перед огнем и минуту-другую весело смеялся.

– Право же! – вскричал он, поперхнулся и опять начал смеяться, пока не вынужден был откинуться в кресле, совсем ослабев.

– Что с вами?

– Нестерпимо смешно! Уверен, вы ни за что не догадаетесь, чему я посвятил свое утро или что в завершение я сделал.

– Не могу себе представить. Полагаю, вы изучали привычки мисс Ирен Адлер, а возможно, и наблюдали за ее домом.

– Совершенно верно, но вот продолжение явилось несколько неожиданным. Впрочем, я вам расскажу. Из дома я ушел в начале девятого в роли безработного конюха. Людей, имеющих дело с лошадьми, объединяют редкостная симпатия и чувство товарищества. Станьте одним из них, и вы узнаете все, что только можно узнать. Я без труда нашел виллу «Бриония». Домик *bijou*⁶ с садом позади, а двухэтажный фасад почти примыкает к улице. На дверях круглый замок. Справа большая гостиная, красиво меблированная, с длинными окнами, чуть ли не достигающими пола – с этими дурацкими английскими задвижками, которые и ребенок откроет. Сзади ничего примечательного, если не считать, что с крыши каретника легко дотянуться до окна коридора. Я обошел дом вокруг и тщательно его осмотрел и так и эдак, но больше ничего интересного не обнаружил.

Тогда я прогулялся дальше по улице и, как и ожидал, увидел в переулке, тянущемся вдоль садовой ограды, извозничий двор. Я подсобил конюхам, занятым чисткой лошадей, а в благодарность получил два пенса, кружку портера пополам с элем, две закрутки табака и

⁶ Зд.: прехорошенький (*фр.*).

столько сведений, сколько мог бы пожелать, о мисс Адлер, а сверх того и о полдесятке ее соседей, которые меня нисколько не интересовали, но чьи биографии мне пришлось выслушать.

– Но что об Ирен Адлер?

– О, она вскружила головы всем окрестным мужчинам. Она – самая изящная штучка в шляпке на всей планете. Так утверждают хором все работники серпентайнского извозничьего двора. Живет она скромно, поет в концертах, уезжает каждый день в пять покататься и возвращается ровно в семь к обеду. Редко выходит из дома в другое время, если нет концерта. Посещает ее только один мужчина, но зато очень часто. Красивый, щегольски одетый, брюнет. Наносит визит минимум один раз в день, а часто и два. Некий мистер Годфри Нортон из Иннер-Темпла. Видите, как выгодно заполучить извозчика в закадычные друзья. Они десятки раз отвозили его оттуда домой и знают о нем всю его подноготную. Когда я выслушал все, что у них имелось сказать, я начал вновь прогуливаться у виллы «Бриония», обдумывая план моей кампании.

Этот Годфри Нортон, очевидно, был важным фактором в нашем деле. Он юрист – это звучало зловеще. Каковы отношения между ними и какова цель его частых визитов? Была ли она его клиенткой, хорошей знакомой или любовницей? Если первой, так, скорее всего, передала фотографию на хранение ему. Если последней, это менее вероятно. От ответа на этот вопрос зависит, сосредоточивать ли мне и дальше мое внимание на вилле «Бриония» или обратиться к приемной этого джентльмена в Темпле. Фактор щекотливый и расширил поле моих розысков. Боюсь, вам наскучили эти детали, но я должен ознакомить вас с моими маленькими затруднениями, чтобы ситуация стала вам понятной.

– Я слушаю вас со всем вниманием, – ответил я.

– Я все еще перебирал факты в уме, когда к вилле подъехал извозчик и из экипажа выпрыгнул джентльмен. Поразительно красивый мужчина, брюнет с орлиным носом и с усами – явно тот, о ком я слышал. Он словно бы очень торопился, крикнул кучеру подождать, чуть не оттолкнул горничную, открывшую ему дверь, с нетерпеливостью человека, чувствующего себя почти хозяином дома.

Он пробыл там полчаса, и я видел, как он то появлялся в окнах гостиной, расхаживая взад и вперед, что-то возбужденно говоря и жестикулируя. Ее я ни разу не увидел. Затем он вышел на улицу в даже еще большей спешке, чем прежде. Садясь в кеб, он вынул из кармана золотые часы и впился в них глазами. «Гоните, как сам дьявол! – закричал он. – Сначала к конторе Гросса и Хэнки на Риджент-стрит, а оттуда к церкви Святой Моники на Эджоурроуд. Полгинеи, если успеете за двадцать минут».

И они умчались, а я как раз прикидывал, не последовать ли за ними, когда в переулок въехало новенькое маленькое ландо. Плащ на кучере был застегнут лишь на пару пуговиц, галстук сбился под ухо, а концы ремней сбруи торчали из пряжек. Ландо еще не остановилось, как она, стремительно выбежав из входной двери, вскочила в него. Я видел ее менее секунды, но она – пленительная женщина с лицом, ради которого мужчина способен пойти на смерть. «К церкви Святой Моники, Джон, – воскликнула она, – и полсоверена, если вы доедете туда за двадцать минут».

Упустить такой случай, Ватсон, было невозможно. И я лишь прикинул, пуститься ли мне туда бегом или прицепиться сзади к ее ландо. Но тут на улице появился кеб. Извозчик с сомнением взглянул на такого оборванного пассажира, только я вскочил в кеб, прежде чем он успел рот открыть. «Церковь Святой Моники, – сказал я, – и полсоверена, если ты доедешь туда за двадцать минут». Было без двадцати пяти минут двенадцать, и, разумеется, причина спешки была яснее ясного.

Мой извозчик гнал вовсю. По-моему, я никогда еще не ездил так быстро, но они доехали туда быстрее нас. Когда я достиг дверей церкви, кеб и ландо уже стояли там и от лоша-

дей валил пар. Я заплатил извозчику и кинулся в церковь. Там не было никого, кроме тех, за кем я гнался, и священника в облачении, который как будто их в чем-то убеждал. Они стояли тесной кучкой у аналая. Я неторопливо побрел по боковому проходу, точно зевака, случайно зашедший в церковь. Внезапно, к моему изумлению, троица у аналая обернулась в мою сторону, и Годфри Нортон устремился мне навстречу.

«Слава богу! – воскликнул он. – Вы годитесь. Идите же, идите!»

«Чего?» – спросил я.

«Идите, идите, идите же! Остается всего три минуты, или это будет незаконно».

Меня буквально поволокли к аналою, и я не успел опомниться, как уже бормотал ответы, нашептывавшиеся мне на ухо, и ручался за что-то, о чем понятия не имел, и, короче говоря, помогал скрепить узы, связавшие Ирен Адлер, девицу, с Годфри Нортоном, холостяком. Все завершилось в мгновение ока, и вот уже джентльмен благодарит меня с одного бока, а дама с другого, священник же сияет на меня улыбкой спереди. В жизни я не попадал в такое нелепейшее положение. При воспоминании о нем я и расхохотался только что. Оказалось, в их разрешение на брак вкралась какая-то ошибка и священник наотрез отказывался поженить их без хоть какого-то свидетеля, так что мое счастливое появление избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках шафера. Новобрачная дала мне соверен, и я собираюсь носить его на часовой цепочке в память об этом событии.

– Да, поворот событий самый неожиданный, – сказал я. – И что же дальше?

– Ну, мои планы оказались под серьезной угрозой. Парочка ведь могла немедленно отбыть, что требовало с моей стороны принятия незамедлительнейших и энергичнейших мер. Однако у церковных дверей они расстались, он поехал назад в Темпл, а она к себе домой. «Я поеду кататься в парк, как обычно, в пять», – сказала она ему на прощание. Больше я ничего не услышал. Они поехали каждый в свою сторону, а я отправился заняться кое-чем своим.

– А именно?

– Сейчас порцией холодной говядины и кружкой пива, – ответил он, дергая сонетку. – Мне было некогда подумать о еде, а вечером, полагаю, я буду занят еще больше. Кстати, доктор, мне потребуется ваша помощь.

– Буду очень рад.

– Нарушение закона вас не смущает?

– Нисколько.

– А риск ареста?

– Ради благого дела – ничуть.

– О, дело весьма благое.

– Тогда я в вашем распоряжении.

– Я не сомневался, что могу на вас положиться.

– Но что от меня требуется?

– Когда миссис Тернер принесет говядину, я вам все объясню. И, – сказал он, набрасываясь на простую еду, которую готовила наша квартирная хозяйка, – обсудить это необходимо теперь же, пока я ем. Времени у меня в обрез. Сейчас уже почти пять. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирен, а вернее, мадам, возвращается с прогулки в семь. Мы должны встретить ее у виллы «Бриония».

– И что тогда?

– Предоставьте это мне. Я уже подготовил то, что произойдет. Есть только одно, на чем я должен настоять. Вмешиваться вы не должны, что бы ни происходило. Вы поняли?

– Я должен оставаться в стороне?

– Не предпринимать ничего. Не исключены кое-какие маленькие неприятности. Не вмешивайтесь. В результате я окажусь в доме. Четыре-пять минут спустя окно гостиной откроется. Вы должны встать поближе к открывшемуся окну.

– Хорошо.

– Вы будете следить за мной, так как я буду вам виден.

– Хорошо.

– И когда я подниму руку – вот так, – вы бросите в комнату то, чем я вас снабжу, и сразу закричите «Пожар!» Вам все понятно?

– Вполне.

– Ничего опасного, – сказал он, вынимая из кармана сверточек сигарообразной формы. – Обычная дымовая шашка, какими пользуются паяльщики, с капсулами на обоих концах, обеспечивающими самовозгорание. Ваша задача ограничивается этим. Ваш крик о пожаре будет подхвачен порядочным числом людей. Тогда пройдите в конец улицы, и через десять минут я присоединюсь к вам. Надеюсь, я все изложил ясно?

– Я не должен ни во что вмешиваться, встать у окна, следить за вами и по сигналу бросить в него эту штуку, закричать «Пожар!» и ждать вас на углу улицы.

– Все точно.

– В таком случае можете безусловно положиться на меня.

– Превосходно. Пожалуй, мне пора подготовиться к новой *role*⁷, которую мне предстоит сыграть.

Он скрылся в спальне и возвратился через несколько минут в образе благодушного и простоватого священника-нонконформиста. Широкополая черная шляпа, мешковатые брюки, белый галстук, сочувственная улыбка и общее выражение благожелательного, но настойчивого любопытства, изобразить которое было под силу разве что мистеру Джони Хейру. Холмс не просто переоделся. Его лицо, манера держаться, самая его душа, казалось, менялись с каждой новой его ролью. Сцена потеряла замечательного актера точно так же, как наука лишилась проницательнейшего логика, когда он решил сделать своей специальностью преступления.

Бейкер-стрит мы покинули в четверть седьмого, но на Серпентайн-авеню оказались за десять минут до семи. Уже наступило время сумерек, и уличные фонари как раз зажигались, пока мы прохаживались взад-вперед перед «Брионией» в ожидании возвращения ее хозяйки. Вилла была совершенно такой, какой представилась мне, когда Холмс столь исчерпывающе ее описал. Но вот улица оказалась далеко не столь тихой, как я ожидал. Напротив, для небольшой улицы в фешенебельном квартале она выглядела поразительно людной. На углу курила и смеялась компания мужчин в потрепанной одежде, точильщик крутил свое колесо, двое гвардейцев перешучивались с молоденькой няней, а несколько элегантно одетых молодых людей фланировали взад-вперед с сигарами во рту.

– Видите ли, – заметил Холмс, пока мы прогуливались вдоль виллы, – брак этот все упрощает. Фотография теперь превратилась в обоюдоострое оружие. Весьма вероятно, что ей менее всего хочется, чтобы мистер Годфри Нортон увидел ее, как и нашему клиенту, чтобы она попала на глаза его принцессе. Вопрос теперь сводится к тому, где нам искать фотографию.

– Да, где?

– Крайне маловероятно, что она носит ее с собой. Слишком велика, чтобы незаметно спрятать ее в женском платье. Она знает, что король вполне способен подослать людей, чтобы ее схватили и обыскали. Ведь две такие попытки уже предпринимались. Значит, нам следует исходить из того, что с собой она ее не носит.

⁷ Роль (фр.).

– Так где же она?

– У ее банкира или у ее поверенного. Такая двойная возможность не исключена. Но я склонен их обе отвергнуть. Женщины по натуре склонны к секретности и свои секреты предпочитают держать про себя. С какой стати ей передавать фотографию кому-то еще? На себя она может положиться, но как предвидеть, какое опосредованное или политическое влияние может быть оказано на вышеупомянутых лиц. К тому же вспомните, что она решила использовать фотографию в ближайшие дни. Значит, фотография должна находиться у нее под рукой. То есть у нее дома.

– Но в ее дом ведь дважды вламывались.

– Пф! Они не знали, где искать.

– Но как будете искать вы?

– А я и не буду.

– Так каким же образом?..

– Я заставлю ее показать мне.

– Но она откажется.

– Не сможет. Но я слышу стук колес. Ее экипаж. Выполняйте мои инструкции со всей точностью.

Он еще не договорил, как из-за поворота улицы показались боковые фонари экипажа и к дверям виллы «Бриония» подъехало щегольское ландо. Когда оно остановилось, один из куривших на углу кинулся открыть дверцу в надежде заработать медяк-другой, но его оттолкнул другой оборванец, подскочивший к ландо с тем же намерением. Вспыхнула бешеная ссора, которую еще больше распалили два гвардейца, вступившиеся за одного оборванца, и точильщик, который не менее яростно вступился за другого. Посыпались удары, и дама, вышедшая из своего экипажа, оказалась в центре кучки побагровевших сцепившихся драчунов, которые яростно тузили друг друга кулаками и палками. Холмс ворвался между ними, чтобы защитить даму, но едва оказался рядом с ней, как испустил крик, упал, и его лицо залила кровь. Тут два гвардейца пустились наутек в одну сторону, оборванцы – в другую, а несколько прилично одетых людей, которые следили за потасовкой, не вмешиваясь, подошли, чтобы помочь даме и заняться пострадавшим. Ирен Адлер, как я буду по-прежнему ее называть, взбежала на крыльцо, однако остановилась, глядя назад на улицу, а свет из прихожей очерчивал ее прекрасную фигуру.

– Бедный джентльмен сильно пострадал? – спросила она.

– Да он умер, – слышались голоса.

– Нет-нет, жизнь еще теплится! – вскричал кто-то. – Но он умрет, пока его будут везти в больницу.

– Такой смелый! – вздохнула какая-то женщина. – Если бы не он, они отняли бы у леди кошелек и часы. Это же шайка, и притом оголтелая. А! Он начал дышать!

– Нельзя же ему валяться на улице. Можно мы внесем его в дом, мэм?

– Ну конечно. Несите его в гостиную, там удобный диван. Вот сюда, пожалуйста!

Медленно, со всей осторожностью его внесли в «Брионию» и уложили в парадной комнате, а я по-прежнему наблюдал за происходящим с моего поста у окна. Лампы в гостиной были зажжены, но шторы не опущены, и я видел распростертого на диване Холмса. Не знаю, устыдился ли он в этот миг роли, которую играл, но знаю, что я в жизни так не стыдился себя, глядя на прелестное создание, в заговоре против которого участвовал, на то, как она хлопочет над страдальцем. И все же было бы черным предательством не сделать того, что поручил мне Холмс. Скрепя сердце я вынул дымовую шашку из-под пальто. В конце-то концов, подумал я, мы не причиняем ей вреда, а только препятствуем ей причинить вред другим.

Холмс сел на диване, и я увидел, как он помахал рукой, будто задыхаясь. Горничная бросилась к окну и распахнула его. В то же мгновение я увидел, как Холмс поднял руку, и

по этому сигналу швырнул шашку в комнату, вопя: «Пожар!» По комнате за клубилась густой дым и повалил из открытого окна. Я мельком увидел суetyащиеся фигуры, а секунду спустя изнутри донесся голос Холмса, заверяющий, что тревога оказалась ложной. Лавируя в вопящей толпе, я добрался до угла улицы и через десять минут испытал немалую радость, ощутив на локте руку моего друга и покинув все еще взбудораженную улицу. Несколько минут Холмс шел молча и быстро, пока мы не свернули на тихую улочку, ведущую к Эджуэр-роуд.

– Вы отлично справились, доктор, – заметил он. – Лучше некуда. И все в порядке.

– Фотография у вас?

– Я знаю, где она спрятана.

– Но как вы узнали?

– Она сама мне показала, я же так вам и говорил.

– Я все еще ничего не понимаю.

– Не собираюсь делать из этого тайну, – засмеялся он. – Все проще простого. Вы, конечно, поняли, что люди на улице были наняты. Ангажированы на этот вечер.

– Об этом я догадался.

– Ну, когда поднялась буча, в ладони у меня был комок влажной красной краски. Я бросился вперед, упал, прижимая руку к лицу, и обрел жалостный вид. Старый прием.

– Это тоже было мне ясно.

– Затем они внесли меня внутрь. Она должна была это позволить. Как иначе могла она поступить? И в гостиную, в ту самую комнату, которая была у меня на подозрении. Выбор был между ней и спальней, и я намеревался выяснить это точно. Меня положили на диван, я сделал вид, будто задыхаюсь, так что потребовалось открыть окно, и вы получили свой шанс.

– Но чем вам это помогло?

– В этом была вся суть. Когда женщина думает, что ее дом горит, она инстинктивно бросается к самому для нее дорогому. Необоримый импульс, и я неоднократно его использовал. Он оказался мне полезен в скандале с дарлингтонской подменой, а также в деле с Ансвортским замком. Замужняя женщина хватает своего ребенка, незамужняя – шкатулку с драгоценностями. Ну, и мне было ясно, что у нашей дамы в доме не было ничего для нее более ценного, чем предмет наших розысков, и она бросится его спасать. Опасность пожара была разыграна прекрасно. Дыма и воплей хватало, чтобы не выдержали самые железные нервы. И она реагировала идеально. Фотография спрятана за скользящей панелью сразу над правой сонеткой. Она оказалась там в мгновение ока, и я увидел, как она ее почти вытащила. Когда я крикнул, что тревога ложная, она убрала фотографию, поглядела на шашку, выбежала вон из комнаты, и больше я ее не видел. Я встал и, принеся извинения, покинул дом. Поколебался, не забрать ли фотографию теперь же, но в гостиную вошел кучер, и так как он не спускал с меня глаз, разумнее было подождать. Поспешность не ко времени способна все погубить.

– И что теперь? – спросил я.

– Наши поиски практически завершились. Я нанесу туда визит завтра утром с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать. Нас проводят в гостиную подождать хозяйку дома, но весьма вероятно, что, войдя в гостиную, она не найдет там ни нас, ни фотографии. Возможно, его величеству будет приятно забрать фотографию собственными руками.

– И когда вы думаете явиться с визитом?

– В восемь утра. Она еще не встанет, так что руки у нас будут развязаны. К тому же надо торопиться, ведь брак, конечно, полностью изменит ее жизнь и привычки. Я должен безотлагательно телеграфировать королю.

Тем временем мы добрались до Бейкер-стрит и остановились перед дверями. Холмс рылся в карманах, ища ключ, и тут кто-то, проходя мимо, сказал:

– Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс.

Прохожих на тротуаре было несколько, но пожелание, скорее всего, исходило от торопливо удалявшегося стройного юноши в широком пальто.

— Где я прежде слышал этот голос? — сказал Холмс, всматриваясь в плохо освещенную улицу. — Кто же, черт побери, это мог быть?

III

Я переночевал на Бейкер-стрит, и мы сидели за кофе и тостами, когда в комнату ворвался король Богемии.

— Вы ее заполучили! — вскричал он, хватая Шерлока Холмса за плечи и настойчиво заглядывая ему в лицо.

— Еще нет.

— Но у вас есть надежда?

— Да, есть.

— Ну, так едем. Я сгораю от нетерпения.

— Нам потребуется кеб.

— Не надо. Мой экипаж ждет.

— Это упрощает дело.

Мы спустились вниз и немедленно вновь отправились на виллу «Бриония».

— Ирен Адлер вышла замуж, — заметил Холмс.

— Замуж? Когда?

— Вчера.

— Но за кого?

— За английского юриста по фамилии Нортон.

— Но она же не может его любить?

— Надеюсь, что она его любит.

— Почему надеетесь?

— Потому что это избавит ваше величество от всех будущих неприятностей. Если она любит мужа, значит, она не любит ваше величество и у нее нет причин препятствовать плану вашего величества.

— Верно. И все же... как жаль, что она мне не ровня! Какой королевой она была бы! — Он погрузился в угрюмое молчание, которое длилось, пока мы не въехали на Серпентайн-авеню.

Дверь виллы была открыта, и на крыльце стояла какая-то старуха. Она следила сардоническим взглядом, как мы выходили из экипажа.

— Мистер Шерлок Холмс, я не ошибаюсь? — сказала она.

— Я мистер Холмс, — ответил мой друг, глядя на нее вопросительно и с заметным удивлением.

— Вот-вот! Моя госпожа предупредила меня, что вы, наверное, заедете. Она утром отбыла с мужем поездом пять пятнадцать с Чаринг-Кросс на континент.

— Что! — Шерлок Холмс попятился, побелев от такого удара и изумления. — Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

— И не вернется никогда.

— А документы? — хрипло спросил король. — Все потеряно!

— Еще посмотрим, — Холмс решительно прошел мимо служанки и кинулся в гостиную, мы с королем последовали за ним. Мебель была сдвинута, полки опустошены, ящики выдвинуты, словно хозяйка дома торопливо их обшаривала перед своим бегством. Холмс метнулся к сонетке, рванул небольшую панель и, сунув руку в отверстие, достал фотографию и письмо. Фотография запечатлела Ирен Адлер в вечернем платье одну. Конверт был надпи-

сан: «Шерлоку Холмсу, эсквайру, до личного востребования». Мой друг разорвал конверт, и мы втроем прочли письмо вместе. Оно было датировано прошлой полуночью и содержало следующее:

«Мой дорогой мистер Шерлок Холмс, право же, вы отлично это устроили. И полностью провели меня. До момента криков о пожаре я ничего даже не подозревала. Но затем, заметив, как я невольно себя выдала, я призадумалась. Меня предостерегли против вас много месяцев назад. Мне сказали, что если король прибегнет к услугам агента, этим агентом, безусловно, будете вы. И мне дали ваш адрес. И тем не менее вы сумели узнать все, что вам требовалось. Но даже после того, как меня охватили подозрения, мне было трудно подумать плохо о таком милом, добром старом священнике. Но вам известно, что я училась актерскому мастерству. Мужской костюм мне не в новинку. Я часто пользовалась свободой, которую он предоставляет. Я послала Джона, кучера, следить за вами, бросилась наверх, надела мои прогулочные одежды, как я их называю, и спустилась вниз, как раз когда вы удалились.

Ну, я шла за вами до ваших дверей и таким образом убедилась, что действительно была объектом интереса прославленного мистера Шерлока Холмса. Тогда несколько легкомысленно я пожелала вам доброй ночи и поспешила в Темпл к моему мужу.

Мы оба решили, что наилучшее средство защиты от преследований столь грозного врага – это бегство. А потому вы найдете гнездышко пустым, когда навестите его утром. Что до фотографии, вашему клиенту не надо тревожиться. Я люблю и любима человеком несравненно лучше его. Король может поступать как желает, без помех со стороны той, кого он оскорбил так жестоко. Я беру ее с собой, только чтобы обезопасить себя и сохранить оружие, которое надежно защитит меня от любых шагов, которые он может предпринять в будущем. Оставляю фотографию, которую он может сохранить, если пожелает, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, искренне вашей Ирен Нортон, урожденной Адлер».

– Какая женщина, о, какая женщина! – вскричал король Богемии, когда мы втроем прочли письмо. – Разве я не говорил вам, как она умна и решительна? Разве из нее не вышла бы восхитительная королева? Разве не жаль, что она не моего уровня?

– Судя по тому, что я увидел в краткой встрече с нею, она поистине совсем иного уровня, чем ваше величество, – холодно сказал Холмс. – Мне очень жаль, что я не смог завершить дело вашего величества более успешно.

– Напротив, дорогой сэр! – вскричал король. – Никакое завершение не могло быть более успешным. Я знаю, что ее слово нерушимо. Фотография теперь не более опасна, чем если бы ее сожгли.

– Я рад услышать это, ваше величество.

– Я у вас в колоссальном долгу. Прошу, скажите, как я могу вознаградить вас? Это кольцо... – он стащил с пальца изумрудное кольцо в форме змеи и протянул его на ладони.

– У вашего величества есть нечто, что я ценю бы даже выше, – сказал Холмс.

– Только назовите.

– Вот эта фотография.

– Фотография Ирен? – воскликнул король. – Разумеется, если таково ваше желание.

– Благодарю, ваше величество. Итак, с этим делом покончено. Имею честь пожелать вам самого доброго утра. – Он поклонился, отвернулся, будто не заметив руки, которую ему протянул король, и отправился со мной к себе на Бейкер-стрит.

Вот так королевству Богемия угрожал неслыханный скандал, и вот так женский ум взял верх над хитрейшими планами мистера Шерлока Холмса. Он имел обыкновение подсмеиваться над женским умом, но в последнее время ничего подобного я от него что-то не слышу.

А когда он говорит об Ирен Адлер или упоминает ее фотографию, то всегда употребляет почетное наименование «Та женщина!».

Ритуал Масгрейвов

В характере моего друга Шерлока Холмса меня постоянно поражало одно противоречие: хотя в мышлении он был аккуратнейшим и методичнейшим человеком на всем белом свете и хотя в одежде он соблюдал определенную чинность, личные привычки превращали его в одного из самых неряшливых людей, которые когда-либо доводили до иступления тех, кто делил с ним кров. Не то чтобы в этом отношении я сам был уж таким великим аккуратистом. Тяготы работы в Афганистане вдобавок к природной богемотности характера сделали меня более безалаберным, чем подобает врачу. Но и у меня есть свой предел, и, когда я встречаю человека, который хранит свои сигары в угольном совке, свой табак в носке персидской туфли, а ждущую ответа корреспонденцию прищипливает складным ножом к деревянной каминной полке, я начинаю принимать добродетельный вид. Кроме того, я всегда считал, что упражнениями в пистолетной стрельбе следует заниматься сугубо под открытым небом, и когда Холмс в одном из странных своих настроений располагался в кресле с пистолетом, стрелявшим при легчайшем нажатии на спусковой крючок, с сотней патронов и принимался украшать противоположную стену патриотическим «VR»⁸ из пулевых отверстий, я болезненно ощущал, что это не способствует ни улучшению атмосферы, ни внешнему виду нашей гостиной.

Наша квартира всегда была полна химикатами и сувенирами на память о преступниках, и они вечно умудрялись проникать куда не следует, оказываясь в масленке или даже в еще более неподходящих местах. Однако величайшим моим крестом были его бумаги. Он питал ужас к уничтожению старых документов, особенно имевших отношение к его прошлым делам. Тем не менее раз в год или около того он собирался с силами, чтобы помечать и рассортировать их; ведь, как я уже упоминал в этих беспорядочных воспоминаниях, взрывы яростной энергии, когда он добивался триумфов, с которыми ассоциируется его имя, затем сменялись приступами летаргии, когда он лежал на диване со своей скрипкой и книгами, почти не вставая, разве только чтобы перейти к столу. И тогда месяц за месяцем его бумаги вновь накапливались, пока все углы его комнаты не оказывались завалены сотнями рукописей, которые без разрешения владельца не то чтобы сжечь, но даже и тронуть не смел никто. Как-то в зимний вечер, когда мы вместе сидели у камина, я осмелился намекнуть, что поскольку он завершил наклейку вырезок в свою тетрадь, то мог бы потратить ближайшие два часа на то, чтобы привести комнату в более жилой вид. Законность моей просьбы он отрицать не мог, а потому с довольно-таки огорченным лицом пошел в свою спальню, откуда появился, волоча за собой жестяной сундук. Он поставил сундук посреди гостиной, примостился перед ним на табурете, откинул крышку, и я увидел, что сундук уже на треть полон пачками бумаг, перевязанных красным шнуром.

— Тут дел с избытком, Ватсон, — сказал он, глядя на меня с мягкой насмешкой. — Думаю, знай вы обо всем, что у меня тут уложено, вы попросили бы вытащить кое-какие наружу, а не укладывать новые внутрь.

— Значит, это записи ваших первых дел? — спросил я. — Мне часто хотелось иметь заметки об этих делах.

— Да, мой мальчик, все тут завершилось преждевременно, до того как появился мой биограф, дабы прославить меня. — Он приподнимал пачку за пачкой с нежной бережливостью. — Не все они завершались успешно, Ватсон, — сказал он. — Но среди них несколько недурных проблем. Вот запись о Тарлетонских убийствах; и дело Вамберри, виноторговца; и приключение русской старухи; уникальное дело с алюминиевым костылем, а также пол-

⁸ VR — «Victoria Regina» — Виктория Королева (лат.).

ный отчет о колченогом Риколетти и его отвратительной жене. А вот... да-да! Это и правда кое-что *recherché*⁹.

Он погрузил руку на самое дно сундука и вынул деревянную шкатулку с выдвижной крышкой, такую, в каких хранятся детские игрушки. Из нее он извлек смятый листок бумаги, старинный медный ключ, колышек с намотанной на нем бечевкой и три заржавелых металлических диска.

– Ну, мой мальчик, и что вам говорит этот набор? – спросил он, улыбаясь моему изумлению.

– Любопытная коллекция.

– Очень любопытная, а связанная с ней история покажется вам еще любопытнее.

– Так у этих сувениров есть еще и история?

– В такой мере, что они сами – история.

– Что вы подразумеваете под этим?

Шерлок Холмс перебрал эти предметы и один за другим разложил вдоль края стола. Затем вновь сел в свое кресло и оглядел их удовлетворенным взглядом.

– Это, – сказал он, – все, что у меня осталось на память об эпизоде с Ритуалом Масгрейвов.

Я не раз слышал, как он упоминал это дело, но прежде так и не сумел выяснить никаких подробностей.

– Я был бы так рад, если бы вы рассказали мне о нем, – сказал я.

– И оставил бы мусор валяться, как он валяется? – воскликнул он с той же мягкой насмешкой. – Ваша аккуратность, Ватсон, на поверку оказывается довольно легковесной. Но я был бы рад, если бы вы добавили это дело к вашим анналам, так как в нем есть детали, придающие ему уникальность в криминальных архивах и нашей страны, и любой другой, как мне кажется. Сборник моих пустячных успехов, несомненно, останется неполным без рассказа об этом необычном деле.

Возможно, вы помните, как дело «Глории Скотт» и моя беседа со злополучным человеком, о чьей судьбе я вам рассказал, впервые заставили меня задуматься о профессии, которой затем я посвятил мою жизнь. Вы знаете меня теперь, когда мое имя стало известно повсюду, когда и широкая публика, и силы поддержания закона и порядка видят во мне последнюю инстанцию для нераскрытых дел. Даже когда вы только познакомились со мной во время дела, которое затем увековечили в «Этюде в багровых тонах», я уже тогда обзавелся обширной, хотя и не слишком доходной практикой. Вы тогда не были в состоянии понять, как трудно мне приходилось вначале и как долго я вынужден был ждать, прежде чем сумел продвинуться.

Когда я только приехал в Лондон, то снял комнаты на Монтегю-стрит, прямо за углом от Британского музея, и там я ждал, заполняя свой обширный досуг изучением всех ветвей науки, которые могли оказаться мне полезными. Порой мне выпадали дела, главным образом благодаря рекомендациям товарищей моих студенческих лет, так как в мои последние годы в университете там ходило много разговоров про меня и мои методы. Третье из этих дел и было связано с Ритуалом Масгрейвов. И к интересу, вызванному этой уникальной цепью событий, а также к открывшимся благодаря им важнейшим обстоятельствам я и возвожу мой первый шаг к моему нынешнему положению.

Реджинальд Масгрейв учился в одном колледже со мной, и я был шапочно знаком с ним. Среди сокурсников он особой популярностью не пользовался, хотя мне всегда казалось, что приписываемая ему гордость на самом деле была попыткой маскировать крайнюю природную застенчивость. Внешность его была предельно аристократической: худо-

⁹ Зд.: оригинальное (*фр.*).

щавость, орлиный нос, большие глаза, сдержанные, но изысканно вежливые манеры. Он и правда был отпрыском одного из древнейших родов в королевстве, хотя его ветвь была младшей и отделилась от северных Масгрейвов где-то в шестнадцатом веке, обосновавшись в Западном Сассексе, и Хэрлстоун, их родовой дом, где продолжают жить его владельцы, пожалуй, старейший в графстве. Что-то от его родного дома словно пристало к нему. И при взгляде на его бледное острое лицо, на посадку его головы у меня всегда возникали ассоциации с серыми арками, окнами с каменными столбиками между стекол и всеми прочими овеянными стариной руинами феодальных замков. Иногда между нами завязывался разговор, и я помню, что он не раз выражал горячий интерес к моим методам наблюдения и выводам из него.

Четыре года я ничего о нем не слышал, а затем как-то утром он вошел в мою комнату на Монтегю-стрит. Он почти не изменился, был одет франтовато – он всегда был немного денди – и сохранил ту же спокойную, элегантную манеру держаться, которая его всегда отличала.

«Как вы, Масгрейв?» – спросил я после теплого рукопожатия.

«Возможно, – сказал он, – вы слышали о кончине моего бедного отца. Он умер примерно два года назад. С тех пор, разумеется, я занимаюсь управлением Хэрлстоунским поместьем, а так как я член Парламента от моего округа, то все время крайне занят, но, насколько я понимаю, Холмс, вы нашли практическое применение талантам, которыми так изумляли нас».

«Да, именно так, – сказал я. – Пробавляюсь своим умом».

«Я в восторге слышать это, потому что ваш совет сейчас будет для меня крайне ценен. У нас в Хэрлстоуне творится нечто странное, и полиция не сумела пролить на случившееся никакого света. Это, право же, нечто чрезвычайно странное и необъяснимое».

Вы легко можете себе представить, Ватсон, с какой жадностью я его слушал, ведь, казалось, наконец мне представился именно тот самый шанс, которого я с таким нетерпением ждал все эти месяцы безделья.

В глубине души я всегда был убежден, что способен преуспеть там, где другие потерпели неудачу, и вот мне представился случай проверить себя.

«Прошу, расскажите поподробнее!» – вскричал я.

Реджинальд Масгрейв сел напротив меня и закурил сигарету, которую я пододвинул ему.

«Вам следует знать, – сказал он, – что я хотя и холост, но держу в Хэрлстоуне порядочный штат прислуги, ведь дом старинный, очень обширный и требует много забот. Кроме того, в моем лесу я развожу фазанов и в сезон охоты на них приглашаю гостей, так что маленьким штатом мне никак не обойтись. Короче говоря, состоит он из восьми горничных, кухарки, дворецкого, двух лакеев и мальчика на побегушках. При садах и конюшне, разумеется, есть свой штат.

Из всех слуг дольше всех пробыл у нас Брантон, дворецкий. Когда его нанял мой отец, он был молодым школьным учителем, оставшимся без места. Человек редкой энергии и волевого характера, он вскоре стал незаменим. Он хорошо сложен, красив, с великолепным лбом, и, хотя он прослужил у нас двадцать лет, ему сейчас не может быть более сорока. С его личными достоинствами и необычайными дарованиями – он говорит на нескольких языках и умеет играть чуть ли не на всех музыкальных инструментах – просто удивительно, что он так долго довольствовался столь скромным положением, но, думаю, оно его удовлетворяло, а искать перемен ему не доставало предприимчивости. Дворецкого Хэрлстоуна помнят все, кто нас навещал.

Но у этого бриллианта имеется один недостаток. Он немного донжуан, и вы понимаете, что человеку вроде него совсем нетрудно играть эту роль в тихом сельском захолустье.

Пока он был женат, все было в полном порядке, но с тех пор, как он овдовел, у нас начали возникать из-за него нескончаемые неприятности. Несколько месяцев назад мы было успокоились, решив, что он образумился, так как обручился с Рейчел Хоуэллс, нашей второй горничной. Однако затем он ее бросил и связался с Дженнет Треджеллис, дочерью старшего лесничего. Рейчел, очень хорошая девушка, но с несдержанным уэльским темпераментом, перенесла припадок мозговой горячки и теперь ходит по дому – во всяком случае, ходила до вчерашнего дня, – будто черноглазая тень самой себя. Такой была наша первая драма в Хэрлстоуне, но вторая вытеснила ее из наших мыслей и была предварена непростительным проступком дворецкого Брантона.

Произошло это так. Я упомянул, что он очень умен, и вот ум-то и погубил его, так как, видимо, сочетался с ненасытным любопытством касательно того, что его совершенно не касалось. Я понятия не имел, на что он способен осмелиться, пока глаза мне не открыл неожиданный случай.

Я упомянул, что дом очень обширен. Ночью на прошлой неделе – в четверг, чтобы быть точнее, – я никак не мог уснуть, по глупости после обеда выпив чашку крепкого *café noir*¹⁰. Промучившись до двух часов пополуночи, я понял, что пытаться уснуть бесполезно, а потому поднялся с постели и зажег свечу с намерением взять роман, который читал. Однако вспомнил, что оставил его в бильярдной. А потому надел халат и отправился за ним. Чтобы добраться до бильярдной, я должен был спуститься по лестнице, а затем пройти по началу коридора, ведущего к библиотеке и оружейной комнате. Вообразите мое изумление, когда, взглянув в конец коридора, я заметил в открытой двери библиотеки чуть брезжащий свет. Перед отходом ко сну я сам погасил там лампу и закрыл за собой дверь. Естественно, я тотчас подумал о грабителях. Стены коридоров в Хэрлстоуне украшены старинным трофейным оружием. Я снял со стены секиру, а затем, оставив свечу на полу, подкрался на цыпочках по коридору и заглянул в открытую дверь.

В библиотеке оказался Брантон, дворецкий. Полностью одетый, он сидел в кресле с похожим на карту листом бумаги на коленях, подпирая лоб рукой и погруженный в глубокое размышление. Я стоял, онемев в изумлении, и наблюдал за ним из темноты. Сальная свечка на краю стола светила слабо, но все же позволила мне рассмотреть, что одет он полностью. Внезапно я увидел, как он встал из кресла, прошел к одному из бюро сбоку, отпер его и выдвинул ящик. Из него он вынул документ, вернулся в кресло и, разостлав его на столе рядом со свечкой с краю, начал изучать его с сосредоточенным вниманием. Подобное хладнокровное обращение с нашими семейными документами вызвало у меня такое негодование, что я шагнул вперед, и Брантон, подняв голову, увидел меня в проеме двери. Он вскочил на ноги – лицо его побелело от страха – и сунул во внутренний карман похожий на карту лист, которым занимался вначале.

«Так! – воскликнул я. – Вот каким образом вы отплачиваете за наше доверие! С завтрашнего дня вы больше у меня не служите!»

Он поклонился с видом полностью сокрушенного человека и, не сказав ни слова, проскользнул мимо меня. Свечка осталась на столе, и я наклонился взглянуть, какой документ Брантон взял из бюро. К моему удивлению, никакой важности он не имел, просто копия вопросов и ответов в особой старинной церемонии, носящей название «Ритуал Масгрейвов». Что-то вроде семейного обряда, который уже несколько веков исполнял каждый Масгрейв по достижении совершеннолетия – нечто сугубо частное и интересное разве что для историка, как и наш герб с его деталями, но никакой практической ценности не имеющее.

«Лучше вернемся к этому документу позднее», – сказал я.

«Если вы считаете это необходимым», – ответил он с некоторым колебанием.

¹⁰ Черный кофе (*фр.*).

Но продолжу свой рассказ: я запер бюро ключом, который оставил Брантон, и повернулся, чтобы уйти, когда с удивлением обнаружил, что дворецкий возвратился и стоит передо мной.

«Мистер Масгрейв, сэра! – вскричал он голосом, хриплым от волнения. – Я не снесу позора, сэра. Моя гордость всегда была выше моего положения, и позор меня убьет. Моя кровь будет на вашей совести, сэра, – да-да, если вы ввергнете меня в отчаяние. Если вы не можете оставить меня на своей службе после случившегося, то, бога ради, позвольте мне самому уволиться и уйти через месяц, будто по собственной воле. Это я смогу вынести, мистер Масгрейв, но не быть прогнанным на глазах у всех, кого я знаю близко».

«Вы не заслуживаете снисхождения, Брантон, – ответил я. – Ваше поведение омерзительно. Однако вы долгое время служили нашей семье. У меня нет желания обречь вас на публичное унижение. И все же месяц – это слишком долго. Убирайтесь через неделю, а причину своего отъезда можете сочинить какую угодно».

«Всего неделя, сэра! – вскричал он в отчаянии. – Две недели, дайте мне по крайней мере две недели!»

«Неделя, – повторил я. – И считайте, что с вами обошлись очень мягко».

Он брел по коридору, понутив голову, совсем сломленный, когда я задул свечку и вернулся к себе в спальню.

Два дня затем Брантон с величайшим усердием выполнял свои обязанности. Я никак не упоминал о происшедшем и не без любопытства прикидывал, как он скроет свой позор. Однако на третье утро он, против обыкновения, не явился после завтрака выслушать мои распоряжения на этот день. Выходя из столовой, я повстречал Рейчел Хоуэллс, горничную. Я сказал вам, что она только-только оправилась после болезни и выглядела такой землисто-бледной и изнуренной, что я попенял ей за то, что она слишком рано взялась за работу.

«Вам не следует вставать с постели, – сказал я. – Вернетесь к своим обязанностям, когда окрепнете».

Она посмотрела на меня столь странно, что у меня возникло опасение, не повредила ли она в уме.

«Я достаточно окрепла, мистер Масгрейв», – сказала она.

«Посмотрим, что скажет доктор, – ответил я. – Вы сейчас же прекратите работать, а когда спуститесь вниз, просто скажите, что я хочу видеть Брантона».

«Дворецкого нет», – сказала она.

«Нет? Как так – нет?»

«Его нет. Его никто не видел. Он не у себя в комнате. О да, его нет, его нет!» – Она прижалась к стене, взвизгивая и вздрагивая от смеха. Я же, испуганный этой внезапной истерикой, бросился к звонку, чтобы позвать на помощь слуг. Девушку увели в ее комнату, а я осведомился о Брантоне. Вне всяких сомнений, он исчез. Его кровать осталась застеленной, никто не видел его после того, как накануне вечером он ушел к себе. Его верхняя одежда, его часы и даже его деньги остались у него в комнате. Не хватало только черного костюма, который он обычно носил. Не было и его домашних туфель, но его сапоги оказались там. Так куда мог дворецкий Брантон отправиться ночью и что произошло с ним теперь?

Разумеется, мы обыскали дом и службы, но не нашли никаких его следов. Дом, как я уже говорил, – подлинный лабиринт, особенно старинное крыло, теперь пустующее, но мы обыскали каждую комнату и погреб, однако не нашли ничего, что могло бы объяснить его исчезновение. Мне представлялось невероятным, что он мог уехать, бросив все свое имущество, но, с другой стороны, где он мог быть? Я обратился в местную полицию, однако без малейшего толка. Ночью шел дождь, и мы исследовали газоны и дорожки вокруг дома, но тщетно. И вот тут новое событие отвлекло наше внимание от исходной тайны.

Два дня Рейчел Хоуэллс была совершенно больна: бред и истерики сменяли друг друга, так что пришлось нанять сиделку, чтобы она присматривала за ней ночью. На третью ночь после исчезновения Брантона сиделка, убедившись, что ее подопечная тихо спит, задремала в кресле, а когда рано утром пробудилась, постель оказалась пустой, окно открытым, и никаких следов больной. Меня тотчас разбудили, и с двумя лакеями я приступил к поискам пропавшей девушки. Установить, в каком направлении она ушла, оказалось просто: от окна ее следы повели нас через газон к озеру, где они исчезли почти рядом с мощенной гравием дорогой, которая ведет за пределы поместья. Глубина озера там примерно восемь футов, и вы можете вообразить, что мы почувствовали, когда следы помешавшейся бедняжки оборвались на его берегу.

Разумеется, мы немедленно послали за баграми и занялись поисками ее останков, но тело нам найти не удалось. Однако мы извлекли на берег совсем неожиданный предмет. Парусиновый мешок с грудой старого, покрытого ржавчиной и патиной металла и несколькими тусклыми осколками гальки или стекла. Ничего, кроме этой странной находки, озеро нам не выдало, и хотя вчера весь день ушел на поиски и расспросы, мы так ничего и не узнали о судьбе Рейчел Хоуэллс или Ричарда Брантона. Полиция графства в полном тупике, и вы – моя последняя надежда».

Вы легко вообразите, Ватсон, с какой жадностью я слушал рассказ об этой необычайной цепи происшествий, пытаюсь сопоставить их и определить общую нить, которой они могли быть связаны. Дворецкий исчез. Горничная исчезла. Горничная любила дворецкого, но затем у нее появилась причина возненавидеть его. У нее в жилах текла уэльская кровь, она была пламенной и страстной. Сразу после его исчезновения она пребывала в страшном волнении. Она выбросила в озеро мешок с крайне непонятным содержимым. Все эти факты следовало учесть, однако ни единый не касался самой сути дела. Что послужило толчком к этой цепи происшествий? Вот где следовало искать кончик этого спутанного клубка.

«Мне необходимо посмотреть документ, Масгрейв, – сказал я, – с которым этот ваш дворецкий счел нужным ознакомиться, даже рискуя потерей своей должности».

«Он довольно-таки нелеп, этот наш «Ритуал», – ответил он, – хотя древность и служит ему некоторым извинением. Я захватил с собой копию вопросов и ответов, если они вас интересуют».

Он протянул мне тот самый лист, который я храню тут, Ватсон, этот странный катехизис, который должен был повторять каждый Масгрейв, когда достигал совершеннолетия. Я прочту вам вопросы и ответы по порядку:

«Чьим это было?»

«Того, кого нет».

«Кто должен это получить?»

«Тот, кто придет».

«Какой был месяц?»

«Шестой от первого».

«Где было солнце?»

«Над дубом».

«Где была тень?»

«Под вязом».

«Как было отшагано?»

«Север – десять и десять, восток – пять и пять, юг – два и два, запад – один и один, и вниз».

«Что мы отдадим за это?»

«Все, что наше».

«Почему мы должны отдать это?»

«Во имя доверия».

«Оригинал не датирован, но орфография примерно середины семнадцатого века, – пояснил Масгрейв. – Однако боюсь, что в разгадке тайны он вам мало поможет».

«Но он предлагает еще одну тайну, и даже более интересную, чем первая. И не исключено, что разгадка одной может оказаться разгадкой другой. Вы извините меня, Масгрейв, если я скажу, что ваш дворецкий был умнейшим человеком и обладал большей проницательностью, чем десять поколений его господ».

«Я что-то не понимаю, – сказал Масгрейв. – Документ, на мой взгляд, ни малейшей практической ценности не имеет».

«А мне он кажется в высшей степени практичным, и, думается, Брантон разделял эту точку зрения. Вероятно, он доставал его и до того, как попался вам».

«Вполне возможно. Мы «Ритуал» специально не прятали».

«Думаю, он просто хотел напоследок освежить память. У него, насколько я понял, было что-то вроде карты или плана, который он сверял с документом и который спрятал в карман при вашем появлении».

«Совершенно верно. Но какое это может иметь отношение к нашему фамильному обычаю и что означает эта абракадабра?»

«Не думаю, что нам будет так сложно установить это, – сказал я. – С вашего разрешения мы на первом же поезде отправимся в Сассекс и на месте покопаем поглубже».

Еще до вечера мы были уже в Хэрлстоуне. Возможно, вы видели фотографии и читали описания знаменитого старинного здания, а потому я скажу лишь, что построено оно в виде «L», причем длинная сторона более новой постройки, а короткая послужила тем древним семенем, из которого выросла длинная. Над тяжелой притолокой низкой двери в центре старинного крыла вырезана дата – 1607, но, по мнению экспертов, балки и каменная кладка много старше. Необычайно толстые стены и крохотные окна понудили семью в прошлом веке построить новое крыло, а старое теперь используется как склад и подвал, когда его вообще используют. Великолепный парк с чудесными старыми деревьями окружает дом, а озеро, упомянутое моим клиентом, находится вблизи от подъездной аллеи, примерно в двухстах ярдах от здания.

Я уже был твердо убежден, Ватсон, что тайн было не три, а лишь одна, и что стоит мне верно прочесть «Ритуал Масгрейвов», как я получу улику, которая откроет мне правду о дворце Брантоне и о горничной Хоуэллс. Этому я тогда и отдал всю свою энергию. Почему дворецкий так старался разобраться в этом старинном заклинании? Очевидно, потому, что обнаружил в нем нечто, непонятое всеми этими поколениями деревенских сквайров, и надеялся извлечь из этого личную выгоду. Так что же это было такое и каким образом воздействовало на его судьбу?

Прочитав «Ритуал», я не сомневался, что меры длины указывают место, которому посвящена остальная часть документа, и что если мы сумеем определить это место, то далеко продвинемся к раскрытию секрета, который Масгрейвы в старину сочли нужным погрести столь необычным способом. Для начала нам были даны две вехи: дуб и вяз. Что до дуба, тут все было ясно. Прямо перед домом по левую руку от подъездной аллеи высился патриарх всех дубов в окрестностях, чуть ли не самое изумительное дерево, какое мне только доводилось видеть.

«Этот великан рос тут, когда ваш «Ритуал» был записан?» – спросил я, когда мы проезжали мимо него.

«По всей вероятности, он рос тут и во времена норманнского завоевания, – ответил он. – Ствол в обхвате равен двадцати трем футам».

Одна из моих вех получила подтверждение.

«А старые вязы у вас тут есть?» – осведомился я.

«Да, был один, вон там. Но десять лет назад в него ударила молния, и мы его спилили. Отсюда видно то место, где он рос?»

«О да».

«И других вязов не имелось?»

«Старых нет, зато имеются в изобилии буки».

«Мне бы хотелось посмотреть место, где именно рос вяз».

Мы слезли с двуколки, и мой клиент, не заходя в дом, немедленно повел меня к впадине на газоне, где прежде высился вяз. Она находилась примерно на полпути между дубом и домом. Мое расследование, казалось, прогрессировало.

«Полагаю, узнать высоту вяза теперь невозможно?» – спросил я.

«Я могу назвать вам ее сейчас же. Шестьдесят четыре фута».

«Откуда она вам известна?» – удивился я.

«Мой домашний учитель, давая мне упражнения в тригонометрии, всегда строил их на измерении высоты. Мальчиком я вычислил высоту каждого дерева, каждой постройки в поместье».

Такая неожиданная удача! Данные накапливались у меня много быстрее, чем я мог надеяться.

«А ваш дворецкий, – спросил я, – не задавал вам такой вопрос?»

Реджинальд Масгрейв посмотрел на меня с изумлением.

«Вы мне напомнили, – ответил он, – что Брантон действительно несколько месяцев назад спросил у меня про высоту вяза, так как поспорил о нем с конюхом».

Превосходное сведение, Ватсон, подтверждающее, что я иду по правильному пути. Я посмотрел на солнце. Оно клонилось к горизонту, и я прикинул, что менее чем через час оно окажется прямо над верхними ветвями старого дуба. И осуществится одно условие из упомянутых в «Ритуале». А «тень вяза», разумеется, подразумевала дальний конец тени, иначе в качестве вехи был бы назван ствол. Следовательно, мне требовалось установить, куда упал бы дальний конец тени, когда солнце почти коснется дуба.

– Трудная задачка, Холмс, раз вяза там больше не было.

– Ну, во всяком случае, я знал, что раз Брантон сумел это установить, то и я сумею. Да к тому же ничего трудного тут и не было. Я прошел с Масгрейвом в его кабинет, вырезал колышек и привязал к нему длинную бечевку, пометив каждый ярд узлом. Затем я свинтил части удилища, составившие вместе ровно шесть футов, и вернулся с моим клиентом к месту, где рос вяз. Солнце как раз соприкасалось с вершиной дуба. Я поставил удилище вертикально, отметил направление тени и измерил ее. Длина составила девять футов.

Естественно, дальнейшие вычисления были очень просты. Если удилище высотой в шесть футов отбрасывало тень в девять футов, то дерево высотой в шестьдесят четыре фута отбросило бы тень в девяносто шесть футов, и тень падала бы вот в этом направлении. Я измерил расстояние, оказался почти у самой стены дома и вбил там колышек. Вы можете вообразить мой восторг, Ватсон, когда всего в двух дюймах от моего колышка я увидел в земле коническое углубленье. Я понял, что Брантон, производя измерения, втыкал тут свой колышек и что я все еще иду по его следу.

От этого исходного пункта я начал отсчитывать шаги, предварительно определив страны света по моему карманному компасу. По десять шагов с каждой ноги параллельно стене дома, и вновь я отметил место колышком. Затем я тщательно отмерил по пять шагов на восток и по два на юг. Они привели меня прямо к порогу старой двери. Шаг и шаг на запад означали, что мне предстоит сделать два шага по вымощенному плитам коридору и оказаться на месте, подразумеваемом «Ритуалом».

Никогда еще, Ватсон, я не испытывал такого леденящего разочарования. Я даже было подумал, что в мои расчеты вкралась серьезная ошибка. Заходящее солнце освещало пол

коридора, и я видел, что его старинные серые, истертые подошвами плиты были крепко сцементированы и, несомненно, в течение долгих лет их не передвигали. Брантон к ним не прикасался. Я простучал пол, но звук повсюду был одинаков, и не обнаружилось ни единой щелочки или трещины. Но, к счастью, Масгрейв, сообразивший, что кроется за моими маневрами, и взволнованный теперь не меньше меня, достал свою копию документа, чтобы проверить мои расчеты.

«И вниз! – вскричал он. – Вы упустили «и вниз»!»

Я полагал, что это подразумевало необходимость копать, но теперь мне, разумеется, стало ясно, что я ошибся. «Значит, тут есть подвал?» – воскликнул я.

«Да, и такой же старинный, как это крыло. Лестница вниз вон за той дверью!»

Мы спустились по каменной винтовой лестнице, и Масгрейв, чиркнув спичкой, зажег большой фонарь, стоявший на бочонке в углу. В мгновение ока стало ясно, что наконец-то мы добрались до подлинного места и были не единственными, кто спускался сюда совсем недавно.

Подвал использовался для хранения дров, но поленья, которые, видимо, загромождали весь пол, были теперь свалены у стен, освободив его середину и открыв в центре большую тяжелую плиту с ржавым кольцом, к которому был привязан толстый шерстяной шарф.

«Черт побери! – воскликнул мой клиент. – Это шарф Брантона. Я хоть присягну, что видел его на нем. Что этот негодяй делал здесь?»

По моему совету были позваны два полицейских, и в их присутствии я попытался поднять плиту, потянув за шарф. Мне удалось приподнять ее лишь самую чуточку. Сдвинуть ее в сторону я все-таки сумел только с помощью одного из полицейских. Под ней зиял темный провал, в который мы все заглянули, а Масгрейв, встав сбоку на колени, опустил туда фонарь.

Нам открылось маленькое помещение площадью четыре на четыре фута, а в высоту около семи. У стены виднелся деревянный, окованный медью сундук с поднятой вертикально крышкой, а в замке торчал вот этот старинный, столь необычный ключ. Снаружи сундук покрывал густой мохнатый слой пыли, а сырость и древоточцы проели дерево насквозь, так что внутри выросли желтушного цвета поганки. На дне были рассыпаны металлические диски – старинные монеты, видимо, – точно такие же, как те, что храню я, но больше в нем не было ничего.

Однако в ту секунду мы тотчас же забыли о старом сундуке, наши глаза были прикованы к скрюченной фигуре рядом с ним. Фигуре мужчины в черном костюме, скрючившейся на корточках, прижимая лоб к краю сундука и обхватив его обеими руками. От этой позы вся кровь прихлынула к голове, и никто не сумел бы узнать искаженное синюшное лицо, но его рост, костюм и волосы сразу убедили моего клиента, когда мы извлекли труп в подвал, что это был его исчезнувший дворецкий. Он был мертв уже несколько дней, но на теле не было ни ран, ни синяков, которые объяснили бы, как он встретил свой ужасный конец. Когда его тело было вынесено из подвала, перед нами встала загадка, почти столь же внушительная, как та, с которой мы начали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.